

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Екатерина Полумискова
Стихотворения..... 3

Елена Иванова
Стихотворения..... 101

Олег Воропаев
Стихотворения..... 135

Алена Рейман
Стихотворения..... 139

ПРОЗА

Владимир Бутенко
Священник
и палач
Повесть11

Игорь Берг
Сторож
(отрывок из романа).....109

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Евгений Шишкин
Русский язык:
время угроз 143

КРАЕВЕДЕНИЕ

**Николай
БЛОХИН**
Родом из
Величаевского 167

*Литературное
Ставрополье
№ 3 (2018)*

© Правительство
Ставропольского края

**Главный редактор
Владимир Бутенко**

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Екатерина Полумискова
Стихотворения..... 3

Елена Иванова
Стихотворения..... 101

Олег Воропаев
Стихотворения..... 135

Алена Рейман
Стихотворения..... 139

ПРОЗА

Владимир Бутенко
Священник
и палач
Повесть11

Игорь Берг
Сторож
(отрывок из романа).....109

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Евгений Шишкин
Русский язык:
время угроз 143

КРАЕВЕДЕНИЕ

**Николай
БЛОХИН**
Родом из
Величаевского 167

*Литературное
Ставрополье
№ 3 (2018)*

© Правительство
Ставропольского края

**Главный редактор
Владимир Бутенко**

ББК 84(2=411.2)64
УДК 821.161.1(470.63)-8
А72

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова**

**А72 Литературное Ставрополье. Альманах. –
Ставрополь, 2018 г. – № 3.**

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Дизайн и верстка: А.В. Климов

Корректор: В.Б. Иванов

Сдано в набор 28.09.2018. Подписано в печать 06.11.2018.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.

Заказ № 318-4. Тираж 979 экз.

Отпечатано в типографии «Фаворит»:

394036, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Трудовая, дом 50, кв. 10.

Тел.: 8-958-649-53-31.

ISBN 978-5-6041333-3-0

Не баловали Фидии числом.
Не брезговали славой
Геростраты.
И вместо Афродит и
Ник Крылатых
с небес сходила девушка
с веслом.

Что это было?
Бред иль скверный сон,
что на рассвете вдруг
смежает вежды?
Безжалостного века
колесом
раздавлены мечтанья
и надежды.

И всё ж столетье, что
пошло на слом,
ещё цепляет горечью
утраты.
И с пересохших губ
летит псалом –
то девяностый,
то пятидесятый.

Вот так, дойдя до края,
до черты,
перехватив последнее
дыханье,
их праха и развалин
мирозданья
восходят ввысь надежды
и мечты.

**ЕКАТЕРИНА
ПОЛУМИСКОВА**

Поэзия

Четвёртая свеча

Четыре восковых свечи
горели медленно в ночи...
Одна сказала с сожаленьем:
– Увы, меня зовут Терпеньем!
Меня так трудно сохранять,
и я дотла сгорю опять,
меня теряют всякий раз.
И огонёк свечи погас.
– Я – Вера! – молвила вторая,
перед иконой догорая, -
зачем и для кого горю?
Кто слышит, что я говорю?
– А я – Любовь! – сказала третья, -
для любящих должна гореть я,
но свет нести нет больше сил
для тех, кто сердцем не любил!
Услышав те слова спросонок,
вдруг в комнату вошёл ребёнок
и видит только слабый свет
одной свечи (а трёх уж нет).
И пляшет тень на образах.
К свече он кинулся в слезах:
– Не догорай, свети хоть ты!
Спаси меня от темноты!
И лишь четвёртая свеча
была светла и горяча.
Бесстрашно раздвигая тьму,
она ответила ему:
– Не унывай. Сильнее тьмы
мой луч, покуда вместе мы.
Не бойся больше, не кричи
и вновь другие три свечи
зажги от моего огня.
Зовут Надеждою меня!

БЛЖ. Ксения Петербургская

Рассвета жаркие лучи
пронзили высь над колокольней.
А сердцу радостно и больно,
Господь, молю – не разлучи!
Иначе разве может быть?
Бог заповедал нам любить.

Как не наполнить решето,
не умолить раскатов грома,
так вышло в жизни по-иному.
За что же, Господи, за что?
Ужель в душе померкнет свет?
Ведь Бог сказал, что смерти нет...

И вот уж лютая зима
бредёт скиталицей усталой
по сонным питерским кварталам...
Не дай, Господь, сойти с ума.
А даль морозна и светла,
и всё звонят колокола...

Уж сколько лет, уж сколько лет
та вьюга сердца не остудит.
И всё идут, идут к ней люди,
чтоб на вопрос найти ответ.
И всё горит лампы свет.
И смерти нет, и смерти нет...

Кто-то видит звезду из колодца,
Кто-то славит столетия ход...
Как в стране престарелым живётся –
Значит, так и Россия живёт.

И порой опускаются руки,
И слезой застилается взор.
Где они, благодарные внуки,
Или это пустой разговор?

Ни конца и ни края не видно
Череди испытаний лихих.
И опять за державу обидно,
Что не держит обетов своих.

Задевая душевные струны,
Ветер листья сметает к ногам,
Да зима серебром своим лунным
Щедро платит по нашим долгам.

Листопада карусель
закружила, завертела,
будто нет другого дела!
Запах сырости и прель.

Привкус горечи и дыма...
Оттого ли в горле ком,
что тоска невыносима
в ожидании пустом?

На реке окрепнет лёд.
День истлеет. Луч заката
метким выстрелом пробьёт
небо в точке невозврата.

И застывший Божий Свет
в ледяных озёрах-блюдцах
вдруг прочтёт – «возврата нет»
и надумает вернуться.

Сны – туман. Обиды – тлен.
Всё, что грязно, серо, плохо,
снегом выбелит Эпоха
Холодов и Перемен.

О Фейсбуке

Где б клиповым мышлением разжиться?
Наверное, в Фейсбуке, в соцсетях.
И на какой-то выбранной странице
от блогеров иль интернет-бродяг

вдруг промелькнёт какое-нибудь фото.
Зацепишься за памяти крючок
и вырвешь из вчерашнего болота
воспоминаний золотой пучок.

Нить Ариадны, как же ты некстати
натянешься в тугую тетиву!
И мысль стрелой калёной на закате
насквозь пронзит забвенья синеву.

И звездопад ненужных откровений
обрушится на голову мою.
Средь незнакомых голосов и мнений
сама себя уже не узнаю.

Вот так бывает при затменье солнца!
Прорвётся слов бессмысленная рать -
и другом называешь незнакомца,
а друга не желаешь признавать.

И кто же в жизни нам дружить мешает,
из новостных не выпадая лент?

Не друг, а фрэнд... И разница большая.
Начни сначала и лови момент!

И вот, уже освоившись немножко
и зная теги все наперечёт,
идёшь туда, где мышь играет
с кошкой
и век минувший тайнами влечёт.

Качалась лодка у причала.
Сгущалась темень над водой.
По небосклону величаво
Плыл полумесяц со звездой.

И это сказочное диво
Затмило всё и вся окрест.
А я искала терпеливо
Над горизонтом Южный Крест.

Вот он, едва доступный взглядам,
Мерцает призрачным огнём,
Объятый заповедным сном –
Пока звезда и месяц рядом.

Но двум светилам быть в зените
Не век... И только Южный Крест –
Дорог земных путеводитель,
Небесный знак для этих мест.

Говорят, есть дорога к спасенью –
сам себя сохрани и спаси!
От цунами и землетрясения,
от смещенья магнитной оси.

Сядь в ковчег, уподобившись Ною,
стиснув зубы в последнем броске.
Если время морскою волною
Не размочит твой след на песке.

Если память, маяк негасимый,
не предаст. Не сметёт, как тогда
Хиросима (теперь – Фукусима)
и Чернобыля «злая звезда».

Остальное – ведь всё наживное.
Каждой твари – по паре с собой!
Это снилось, наверное, Ною,
и не выдумать людям иное,
если вертится шар голубой

и летит во Вселенной свободно,
не пугаясь ни зноя, ни стуж...
Если будет так Богу угодно
ради нескольких праведных душ.

В храме

Нет на свете вопросов простых,
Если тайна души сокровенна...
Пред сияньем крестов золотых
Я глаза опускаю смиренно.
Как участливо проникновенны
И задумчивы лики святых!

Зачарованно слушая хор,
Я стою у Казанской Иконы.
Мне до боли знаком этот взор
Богоматери – русской Мадонны.
И летят колокольные звоны
В бирюзовый морозный простор.

И как будто я тоже лечу
Под расписанный купол куда-то.
Зажигаю с надеждой свечу.
Вдруг наполнился Храм ароматом,
Чуть смолистым, слегка горьковатым –
Вновь молитву тихонько шепчу.

И плывёт золотистый туман
Над лампадами, благоухая.
Даже глядя в глаза прихожан,
Для себя навсегда понимаю –
Только здесь я душой отдыхаю,
Миг блаженства судьбою мне дан!

Хорошо, что по будничным дням
Здесь спокойно и немногочленно,
Что стоит, недоступный ветрам,
И живёт величаво и трудно
Близкий сердцу, святой и уютный,
Православный спасительный Храм!

СВЯЩЕННИК И ПАЛАЧ

Повесть

Смерть грешников люта.
Псалтирь, 33

1

«Совершенно секретно
Начальнику Особого
отдела Северо-
Кавказского фронта
полковнику
Белкину М.И.

Служебное донесение

В соответствии с приказом НКВД № 001683 от 18.02.1942 г. возглавляемая мной группа Особого отдела 44-й армии провела оперативно-розыскные мероприятия в полосе наступления наших войск, на освобожденной от оккупантов территории Беломечетского района Ростовской области и в пограничных населенных пунктах Краснодарского края. В ходе

**ВЛАДИМИР
БУТЕНКО**

Проза

расследования по горячим следам были выявлены и арестованы:

Предателей – 7,

Полицаев – 3,

Фашистских пособников – 18,

Дезертиров РККА – 4,

Бежавших из мест заключения уголовников – 4,

Прочих изменников Родины – 1.

Привожу список и характеристики преступных элементов, против которых применены репрессивные меры, в том числе ВМН...»

В предвоенные годы Семен Минич Гарига выделялся среди станичников тем, что на праздничных демонстрациях носил, как хоругвь на высоком древке, портрет Сталина. А в будни этот «образ», по словам соседей, красовался в переднем углу его хаты, под узорчатым рушником. На все расспросы Гарига отвечал односложно и скупое, по привычке мешая русские слова с украинскими:

– Нема большевика мэни дорожче! Бачил Йосифа Виссарионовича в Царицыне. Отдал я ему честь, а вин кажэ: «Мы буржуев побъемо и встановимо нашу советскую власть». На тачанке подвиз его в штаб дивизии, до Ворошилова.

В районном отделе милиции знали, что колхозник почем зря трезвонит о встрече с вождем. Но никто из сотрудников не решался укоротить ему язык, ибо такие действия на «верху» могли истолковать по-разному. Например, как выпад против лидера партии в угоду троцкистам.

И всё же это было весьма странно, поскольку слыл Семен Минич пустоболтом и нелюдимом, таившим душу за семью замками. Старожилы помнили, что он, отпрыск переселенцев-малороссов, вернулся с гражданской войны в буденовке. Однако однополчанин его как-то спяну обронил, что вместе не только «давили вшу на астрицком фрон-

те», но и воевали в белой коннице Улагая. А спустя неделю этот болтливый казачок, метая в степи стог сена, невероятным образом напоролся на собственные вилы. Поговаривали о злонамеренном убийстве, однако свидетеля не нашлось.

До самой коллективизации жил Семен со своей бабой и дочерью на отшибе, держал буренку да пару быков, разводил сад и драчливых кочетов. Когда же всё вокруг стало «общим», попрощавшись с раскулаченными родителями, не растерялся – сунул «барашка в кармашке» фельдшеру и предъявил в колхоз справку, ограждающую от тяжкого труда, как подорвавшему здоровью «в борьбе за счастье народа и мировую революцию». С тех пор и обосновался он на конюшне. Дело с малолетства было понятным, знал за лошадьми уход, разбирался в породах и повадках, впрочем, особой привязанностью к дончакам не отличался.

Заполосной стаей мчались годы, но в станице по-прежнему относились к Гариге с предубеждением и всячески сторонились его. А те, кому приходилось ездить с кучером на телеге, невольно испытывали настороженность, как с человеком, готовым на любые выходки. Гуляла молва, что решив завладеть домом отца и матери, сам же и донес на них в ОГПУ как на «кулацкий элемент». Да не повезло: семейное подворье отвел сельсовет под детские ясли. С той поры и ожесточился, стал придиричив к казачатам, гонявшим табун в ночное. А пострелы, как на духу, в один голос твердили, что знается дед с колдовской силой, и кнут в его руке будто бы вырастает, становясь угрожающе длинным и хлестким. Они же и окрестили его осиным прозвищем – Шершень, прилепившимся к чуждой для казаков фамилии.

Несмотря на почтенный возраст, Семен Минич был довольно подвижен, ступал своими раскоряченными ногами твердо и не утратил манеры прищуриваться на встречающих, тая в глубоко поса-

женных глазах льдистую мглу. Седина пролилась по жесткой щетине лица, а волосы на висках и затылке оставались всё такими же огненнорыжими. И только лоб с большими заплешинами избородили морщины, точно время оставило на нем памятные зарубки.

С весны до инистых утренников возил Гарига доярок к заречному коровнику на утреннюю и вечернюю дойку, а в страду, погрузив на телегу бочку, еще снабжал водою полевые станы. Случалось, по распоряжению бригадира гнал лихих в амбулаторию, доставляя туда рожениц или тяжелобольных. Но делал это неохотно, считая, что такие наряды не касаются колхозных дел. Зимой, особенно в морозы, отсиживался дома, ссылаясь на немочь – последствие фронтовой контузии. И напарникам, хромоногому Агафону и деду Тарасу, приходилось отдуваться на конюшне за троих. Ни с кем Гарига не дружил, в помыслах был темен. И стар и млад, помня о лютости «героя-буденовца», загодя перебирались с дороги на обочину, как только показывалась его подвода. Иной раз (в отсутствие свидетелей) батогами¹ доставалось не клячам, а зазевавшемуся ротозею. И если пострадавший жаловался бригадиру на рукоприкладство, то Шершень, отвергая клевету, выпячивал грудь и божился, что не только не трогал охальника, но даже не видел его в тот день. Вызывали не раз конюха в правление, разбирались, пугали милицией, и на том административные меры исчерпывались, и – неприглядный проступок снова сходил ему с рук.

Так командовал лошадьми Семен Минич до августа сорок второго, до прихода немцев. На третий день оккупации был объявлен станичный сход. С крыльца сельсовета белобрысый немецкий офицер возвестил свободу от большевицкого ига и посулил достойную жизнь под крылом фюрера.

¹ Батог (донск.) – кнут.

Затем переводчик предложил желающим выступить. Первым сквозь толпу протолкался Гарига. Из пыльного мешка он выдернул портрет Сталина, с силой ударил о цементированную площадку и минуту топтал, будто отбивал гопака. Свирепый вид аборигена, проклятия в адрес «усатого кровопивца», поясные поклоны «германским спасителям» убедили фельдкоменданта в том, что этот унтерменш пригодится рейху.

И наутро станицу облетела новость, показавшаяся невероятной: малограмотного конюха немцы назначили старшим полицейским, определив в подручные двух ухарей помоложе – дезертира Тимченко и кулацкого внука Костю Касторнова. Во дворах язвили: коль возвеличили фрицы «неуча, отдающего навозом», то и власть их таковская...

Но шутка не прижилась. Как только Гарига облекся в немецкий френч и напялил пилотку, его точно черт обуял – стал многословен, груб и до самодурства придиричив. Доказывая свою преданность, он передал в комендатуру список активистов и переселенцев-евреев из Ленинграда. Глубокой ночью тридцать два жителя станицы (взрослых и детей) каратели СС увезли на грузовиках в неизвестном направлении.

А через день Шершень помогал уже интендантам в изъятии скота и крылатой живности. По его наводкам загорелые румынские парни учинили на подворьях грабежи. Желая выслужиться, в порыве небывалой щедрости, обер-полицей пожег жертвовал для немецких солдат целую фурманку (высокобортную телегу) своих первосортных яблок.

Гаригу точно понесло. Выведав о раненом красноармейце, скрывающемся в камышах, он привел к реке подчиненных и выслал их вперед с волкодавом, а сам, обойдя с другой стороны, застал в лозняке. Когда из тростниковой чащобы на тропу выбрался бородач в форменных штанах и гимнастике, с перебинтованной головой, Гарига

подпустил его шагов на пять и сразил из карабина. Фельдкомендант Кремер поощрил аборигена за усердие наручными часами и приказал вывесить благодарственные листовки.

На это Семен Минич ответил «вечерей», куда позвал фельдфебеля, переводчика, четырех солдат, а также своих подчиненных и разбитных молодаяк. Хотел было «ласкаво» пригласить и коменданта, да поостерегся – не по рангу компания.

Патефон заливался до утра, плясовой перебор сапог и чувяков, визг и запевки слышались за три улицы. Стол был щедр, потому как расторопный «Костик-Касторка» в пылу грабежа подвернул подсвинка к своему базу, выполняя волю командира. «Фройндам» веселье понравилось, – в особенности мускатное вино, пирожки с печенкой, зажаренный окорок и объятая грудастых молодух...

В Управе пировали. И никто из станичников больше не сомневался в выборе коменданта. Истина подтвердилась, что лихолетье являет миру кощунников и предателей. Разгоряченные думы уводили оказавшихся в неволе людей куда как далеко – и на фронт, где сражались родные и близкие, и в Москву, к народному заступнику Сталину. С волнением подступали мысли о Спасителе, о его милосердии и неизбежном возмездии. И еще вспоминалась им судьба обер-полицая. Выходит, недаром до войны Господь не раз наказывал этого грешника...

2

Гарига появился на краю огорода негаданно.

– Ось ты иде, Николаич... С картохой воюешь? Бросай! – грубо приказал он, поправляя ремень карабина, висевшего на плече стволом вниз. – Пошли в хату!

Раскрасневшееся от раннего зноя, в окладе бородки, лицо счетовода Меркулова, затененное соломенной шляпой, тревожно застыло. Он вогнал

лопату в затверделый грунт и, переведя дыхание, рослый и сухопарый, зашагал вдоль делянки с россыпью клубней. Полицай сдернул с головы пилотку, суконным рукавом вытер лоб.

– Бачу, богато нарыли... А у германцев нужда в провианте.

На дворе Пелагея Никитична киззяками разжигала печуру. Статная, с зачесанными назад седыми волосами, пожилая казачка, увидев постояльца и Шершня, вытерла ладони о край передника и – нахмурилась. Еще свежо было в памяти, как три дня назад, надев поверх кофточка казачью гимнастерку, она с вилами в руках защищала у двери сарая козу Зорьку. Трое мародеров угрожали автоматами. (Приказ запрещал им использовать оружие против мирного казачьего населения.) Но она не дрогнула! А вот несущек в курятнике уберечь не удалось...

Поняв, что полицай направляется в курень, Пелагея Никитична первой поднялась по деревянным ступеням. Следом забухал подковками ботинок полицай. В горнице он приставил карабин к столу и плюхнулся на единственный здесь венский стул. Комната наполнилась запахами ружейного масла, пота, ваксы и лука, без которого Гарига не обходился и дня. Хозяйка застыла у посудного шкафа-горки, вглядываясь в бывшего колхозного конюха. Немецкая форма – китель мышастого цвета с накладными карманами и нашивкой в виде орла, застегнутый на все пять пуговиц, глубокая пилотка – враждебно, до неузнаваемости изменили конюха. Его вытянутое, в щетинистой поросли лицо багрово пламенело. Он с прищуром наблюдал, как счетовод, войдя и поклонившись образам, сел на топчан.

– Зараз я от коменданта, – объявил Гарига. – Так що захватил хвюрер Сталинград и досягнул аж до Кавказа! А Сталин в Америку убёг...

И помолчав, строго спросил:

– Ты, уважаемый, с якого года будешь?

– Рожден в тысяча восемьсот девяносто пятом, – ответил Меркулов, теряясь в догадках, с чем пожаловал блюститель порядка.

– Значится, в призывном разряде, – прикинул Гарига. – А колы поселился туточки?

– Четвертый год у меня на постое, – вставила хозяйка, глянув на Шершня с неприязнью.

– Тебя не спрашивают!

– В Беломечётскую переведен с поселения в ноябре тысяча девятьсот тридцать восьмого года, – всё той же монотонной интонацией, точно на допросе, подтвердил счетовод.

– За яку провинность в кутузку попал?

– Пятьдесят восьмая статья. Контрреволюционная деятельность.

Гарига хлопнул по коленям жилистыми, в костных шишках ладонями:

– А моих батькив² по сто седьмой! Будь вони, комиссары, прокляти! Ты, Николаич, – человек грамотный. Не стал я тэбэ в Управу звать, а сам уважил. Нехай про мэнэ брешут! А я, щоб ты знал, приходску школу с грамотой кончил и у генерала Улагая вестовым служил... За двадцать шагов с винтовки пятак срезал! Опосля взводом командовал, давал жару «краснозадым!» – Семен Минич потряс кулаком и вновь заинтересованно спросил: – А якому дилу обучен? Чем хлеб добывал?

Красивое лицо Меркулова, с разлатыми, порыжелыми от солнца бровями, оставалось, как прежде, спокойным.

– Работал в трамвайном депо. Имею аттестат об окончании курсов счетоводов. В лагере приходилось плотничать.

Гарига испытующе смотрел на счетовода. Но, видимо, так и не дождался того, чего хотел услышать.

¹ Батьки (укр.) – родители.

– А ты не забыл шо-небудь? – как бы удивился он и покосился в сторону хозяйки. – Чи есть в хате жива людына? Пот по морде текёт. Хочь бы ложечку воды дала!

Пелагея Никитична нехотя принесла из погреба квасу, и «гость» в один прихват выцедил кружку пенного напитка с ягодами смородины. Возвращая посудину, он распорядился:

– У вас, Пелагея, картоха уродилась. Два чувала реквизирую для германцев. Пойди и насыпь... А нам трэба по секрету побалакать.

– Мы ее не для дяди растили! – вспыхнула хозяйка. – И-и... Наглючие твои гляделки, Семка! При старости лет – в чужие оглобли?!

– А ну, замовчь! Моду взяла... А то заберу в полицию – не пикнешь!

Когда наконец хозяйка удалилась, обозленный Гарига повернулся к окну. По стеклу, жужжа, семенила, приподняв палевые крылышки, оса. Коротко перелетала на другое место и еще быстрее перебирала лапками, пытаясь выбраться на волю. Семен Минич привстал и с хрустом припечатал ее большим пальцем.

– Если это для вас важно... – с рыву продолжил Меркулов разговор. – Накануне большевистского переворота я окончил Кавказскую семинарию. Через три года был рукоположен в священники.

– Ото ж! – осклабился обер-полицей. – Проверял я твою карточку в правлении, у Наташки. Так что знаю, Николаич, про твое життя всё наскризь!

Меркулов напряженно слушал.

– И про станичных розумию! Казаки нас, иногородних, гнобылы. Ще поквитаемось! – полицей скользнул взглядом по своим часам, со свастикой на циферблате, по дощатому полу, в сохлых травинках чабреца. Затем, будто игрушку, подхватил карабин и, любовно оглядев, поставил на прежнее место.

– А приказ, значит, такой! Передавай счетоводство учетчице. Немцы колхоз не разорили,

а своего управляющего привезли. А нам с тобой нака... – Семен Минич откашлялся и договорил с хрипотцой. – Наказано нам церкву открыть.

Меркулов вздрогнул, по лицу его точно пробежал луч. А Гарига стал чеканить еще внушительней:

– Нашу Троицкую церкву! И тэбэ, Николаич, назначаем с немецкими властями пресвитером. Сам я к вере не дюже склонный. А леригию понимаю, як устав в полку. Нехай народ молится, абы не дураковал!.. Прикажу принести иконы, яки по хатам разибралы, и церковные причандалы. Заготовим доски и гвозди. Дедам и парубкам прикажу на ремонт выйти. Выделю тебе, як батюшке, свободную хату и кобылу с двуколкой. Вот така писня!

Гарига, зацепив ремень карабина указательным пальцем, поднялся, – на коленях старые льняные штаны вздулись пузырями. Тут же встал Меркулов.

– Это великое благодеяние – открытие церкви! – заговорил он взволнованно. – Но в моем личном деле ничего нет о том, могу ли я вернуться в церковное лоно. Приставлять священнослужителя к храму имеет право только архиерей.

– Всех архиереев большевики повбывалы! – оборвал Гарига. – И ты, Меркулов, не виляй. Читать молитвы можно и под голым небом!

– Вы меня не слушаете... Многое, что необходимо знать иерею, не имея практики, я запамятовал, – признался Меркулов. – Но и это не основное. Я столь грешен перед Господом нашим, что... Я все-невно и всечасно молю у Спасителя прощения. Но от содеянного не избавиться... И сейчас я не готов дать вам ответ...

Разомлевший от духоты и подуставший, служивый вздернул карабин на плечо. У двери обернулся и с ехидцей изрек:

– Ты, Николаич, неначе свихнулся на радостях? Ишь, кается вин... А хто будэ приказ коменданта исполнять?!

В расширенных глазах Меркулова появился влажный блеск. Он с заминкой вымолвил, точно пугаясь собственных слов:

– Послушайте! Мною нарушена заповедь Христа... Шестая заповедь!

– Не убий? Так. Ну, и дальше?

– Тогда, на гражданской, в силу обстоятельств я был заряжающим орудия. Безусловно, при артобстрелах многие преставились...

– А я що, на гармонье отам играл?! – вскипел Гарига. – Убивал комиссаров – и буду! И ты на хронте у кого палил? У самих анчихристов!.. Зараз германьска влада³, и суд короткий... Добывай, Меркулов, рясу и принимай церкву! Да за ремонтом следи... А не то отправлю с пленными в степу траншеи рыть. Усэ понятно?!

3

В эту сентябрьскую ночь Меркулов так и не сомкнул глаз, вороша в памяти свою долгую жизнь. Только детство живо помнилось ему, а молодость и последующие годы, словно туманом, сокрыты были лагерным сроком...

Всего несколько лет назад, когда в таежной ночи молился на нарах, – случившееся с ним представлялось очистительной жертвой за прегрешения. Там, в «рукотворном аду», где на равных с рецидивистами «перевоспитывались» люди совершенно невинные, осужденные по лже-свидетельствам и разнарядкам, душа Меркулова пребывала в мучительной раздвоенности, – предстоял перед Господом и терпя кабалу дьявольских слуг.

В одинаковых условиях находились и верующие, и безбожники. Враг рода человеческого, укorenившись на православной земле, безостановочно влек на пагубу русские души. Расстреливали за слово, за случайный жест, за шутку. А уж если ты,

³ Влада (укр.) – власть.

«враг народа», угодил в «зону», то сполна познаешь всю меру своей ничтожности!

Изо дня в день – бревенчатый барак одной и той же лагерной роты, одни и те же примелькавшиеся лица заключенных и надзирателей. Вселенское Зло и «советская власть» тут обрели зримое воплощение – надзиратели и конвоиры, офицеры и начальник лагеря Бугримов, от скуки стрелявший через форточку кабинета по кедровым шишкам. А еще потешался тем, что ночами врывается в женский барак и, подняв арестанток на ноги, приказывал петь революционные песни.

В освобождение тогда не верилось, хотя лозунг над воротами барака гласил: «Советская власть не карает, а исправляет». Изможденный и затравленный, с номером 09344 на ватнике, Меркулов разучился думать о себе впрок. Жил одним днем, следуя словам святого Антония: «Вставая от сна, не будем надеяться дожить до вечера и, отходя ко сну, будем помнить, что, быть может, не доживем до утра». Исполдволь приобщал к Богу других. О том, что он «поп», лагерники узнали от кого-то из «стукачей». На удивленье, немало собралось желающих в беседе с ним, как на исповеди, запоздало покаяться.

Чем тяжелей ему приходилось, – тем истовей зывал в молитвах к Спасителю и вспоминал слова святителя Игнатия о незлобии. Сердцем внимал он завет: испить чашу скорбей до дна – и следовал этому, и утешал сотоварищей словами Учителя: «Терпением вашим спасайте души ваши». Безропотно убирал в бараке, выносил «парашу», стирал, ухаживал за больными. И вышло на поверку, что он, осененный верой Христовой, оказался духом крепче большевиков. Они, лишенные власти и благ, оклеветанные своими соратниками, лишь в лагере познали истинную цену «всемирного братства и свободы». Мир, сотворенный Господом, они вознамерились «пересотворить» на свой лад. Но вера в коммунизм, в будущий земной рай здесь

оказалась бесплодной. Наверняка не раз вспоминалась репрессированная поговорка, что птица не чувствует боли, когда ей подрезают крылья, но летать больше не может.

Сосед по нарам, седоусый Нифонтов, земский фельдшер, угодивший под суд за вечеринку в годовщину смерти Ленина, помогал заключенным чем мог, лечил снадобьем из хвои и ягод. Нашелся доносчик. И старика посадили в карцер, скованный крещенским морозом. А наутро, во время переклички, его труп, привязанный за ноги к повозке, как бревно, уволокли в таежную глухомань...

Другой однобарачник, красавец Матвей Балыкин, сдержанно сносил лагерный режим и лишь ночами нашептывал любимую песню: «Ой да ты, полковник мой, отпусти домой. Отпусти домой, к отцу, матушке родной...» Когда доходило дело до драк с уголовниками – очертя голову защищал своих. Меркулов сдружился с донцом, мужественным и верующим, в неполные двадцать лет водившим сотню в атаки. «Коль не выживу, ты, Антон, бесперечь навести мать. Один я у ней. Доберись в Беломечётскую станицу. Передай: жив-крепок».

В ростепельный вечер, когда роту гнали на ужин, какой-то курносый ездовой на виду у всех вытолкал из ворот конюшни пожилую заключенную и начал бить. (Впоследствии выяснилось, что она набрала в пенал овса.) Матвей выбежал из строя и кулаком вразумил служивого. Конвоиры кинулись на подмогу, стали долбить казака прикладами, пока не отеснили за барак. Прощальный крик Матвея догнал колонну уже у двери столовой...

Однако умирали чаще невольники по дороге на участок или обратно, а то и на лесоповале, – падали, где придется, застывали в случайных, вычурных позах рядом с теми, кого завтра могла постичь такая же участь...

Непостижимо, но с годами страх смерти у Меркулова притупился. Да и другие лагерники, втяги-

ваясь в неукоснительный режим, постепенно отвыкали от мирской жизни. Горбатиться от зари до зари, терпеть произвол и холод, зуботычины, задыхаться в барачной вони и сырости, ходить под прицелами стрелков на вышках и ощущать себя бесправным и голодным рабом, – это окаянство было лишено всякого смысла. Так человек, плывущий в море после кораблекрушения, в отчаянии сознает, что тело наливается свинцовой тяжестью, а берег по-прежнему далек...

Однако каждый раз с приходом весны, с приближеньем Христова Воскресения, в нем чудодейственно восставала жажда жизни. Вспоминалось, что срок заключения стал меньше, и в душе точно пробивался родничок, – и вновь обретал он силы служить Господу...

– Не спишь, Антон Николаевич? – донесся из темноты двора голос хозяйки. В открытую дверь времянки послышались неспешные шаги. Просто-волосая, в холщовой ночной рубашке, она отодвинула занавеску и заглянула в дверь. – За книгой? Чтой-то и мне не до сна...

Меркулов, сидевший за столом перед керосинкой, обернулся, глянул поверх очков. В домике пахло припаленной тетрадной обложкой, надетой на стекло в форме абажура.

– Читаю Откровение Иоанна Богослова. Какая вы умница, что сберегли библию.

– А когда церкву рушили, забрала... Ты скажи, с чем полицей приходил?

– Велел явиться в правление.

– Выслуживается, гад! Выдал немцам людей... Убить его мало! Жалко Нору, какая с тобой работала. Придет за козьим молоком – и всё балагурит... Да и муж у нее культурный, на скрипке пикирует... Значится, останешься счетоводом?

– Нет. Замену нашли.

– А на что жить?

– Как раз к слову... За мое проживание колхоз рассчитывался натуроплатой. А теперь... Можно я поживу в долг?

– Нашел об чем... Помогаете в хозяйстве, по дому. Истый хозяин. А помирать буду – курень тебе подпишу.

– Спасибо великое, – улыбнулся постоялец и, немного помолчав, удивил неожиданным вопросом:

– Скажите, вы местная... Остались в станице верующие?

– Само собой. Мы, донские, – богу преданные.

– А если откроют храм?

– Такому не быть. Фрицы хуже комиссаров.

– Нет, вы ответьте.

– Пожилые все чисто пойдут! – рассудила станичница. – Как без Богородицы и Спасителя? А младежь... Те – не шибко. Главное, чтоб батюшка был видный, с бородой и малость пузатый. А то служил у нас один... Голосок, как бабий волосок... А надо, чтоб до души пронимал!

Лицо Меркулова, освещенное сбоку, тронула улыбка.

– Внешность имеет значение, но важнее всего – слово пастыря.

– Кабыть, так, – легко согласилась казачка. – Со святым отцом не плясать...

В дверь повеяло запахами настурции и белого табака. Не смолкал в палисаде хор сверчков, заглушаемый иногда переплеском листьев. В отдалении, в кавказской стороне улавливались отголоски то ли грозы, то ли канонады.

– Пелагея Никитична, хочу повиниться, – решительно обратился Меркулов. – Вы не знаете об этом... Давно, в молодые годы, сподобил Господь меня тайне священства. Служил недолго в храме, потом полковым священником.

В ночной тишине размеренно стучали ходики. Хозяйка отерла рукой сиденье табурета, как бы в замешательстве, присела.

– Когда узнала, что Матвеевшки нет, ты мне стал навроде сына... – с укоризной проговорила она. – Вот, оказывается, откуда бралась свяченная вода...

– Простите меня! Грешен... Вы же знаете – был под надзором. Постоянно в милиции отмечался.

– А я подозревала. Как ни зайду в твою комнату, то за книгами, то у икон. Думаю себе: посты собождает, табака и водки чурается, блудом не антерсуется, – неспроста...

– С Господом я не расставался никогда. Но в лагере, Пелагея Никитична, меня перемолотили, аки сноп. Постарел, оскудел плотью... И даже здесь, в станице, поддавался малодушному искушению. Бывало, проснусь среди ночи, встану у окна и прислушиваюсь: ветер калиткой стукнул или чекисты идут?.. А теперь – еще тяжелей... Трудно поверить: немцы собираются открыть храм. И Гарига потребовал, чтобы я принял приход.

Многое повидавшая в жизни пожилая казачка свела брови, задумалась. Она хорошо помнила последние годы, ломавшие до корней казачью жизнь, щедрые на кровь, преобразования и посулы народного счастья.

– Храм на горе, как солнышко. А зараз – бевсовская пора! – проговорила она с расстановкой, взглянув на постояльца. – Только ты не верь немчуре проклятой. Это они туману нагоняют, выколашиваются, к старине пихают. Пустили слух, а до дела – нескоро, – и, спохватившись, пояснила: – Я не отговариваю. Не подумай... Вот только что будет, когда немцев выбьют? Тебя же «врагом народа» обзовут...

Меркулов перекрестился, ответил словами из библии:

– «Положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать». Всё в руках Господних. И ежели призывает, я должен внять. Но прежде мне нужно подготовиться, обрести «силу в деле и слове

пред Богом и всем народом».

Во времянке затянулась безмолвие. Меркулов сидел за столом, сгорбившись, сцепив ладони. Прогоревший фитиль чадил. Порывистой и громче шумел сад. Несколько раз проблеснули зарницы.

– Может, пошлет Господь дождичка. Земля аж звенит... – посетовала Пелагея Никитична и вспомнила: – Коли храм открывать, то надобно его освятить?

– Непременно. А для этого, прежде всего, требуется антиминос.

– Знаю. Плат с Ликом Христа, какой в алтаре.

– С ним пребывает сила Божья и Святой Дух. Он освящается архиереем.

– Когда отменяли церкву, ктитор многое забрал. Он помер, а бабка Фрося на ногах... Хлопот будет много! Вам же и облачение положено! И теперича... Как подобает именовать вас?

– Как и раньше. А рукоположен отцом Антонием, – ответил Меркулов, удивившись, что хозяйка стала обращаться к нему на «вы».

– Отец Антоний... – повторила казачка. – Жаль, с тканями туго. У соседки Махоры, помнится, есть платье черное, сатиновое. Росту вы с ней ровные. А я перешью... Ничего, поднимем народ. Одного не оставим! – обнадежила хозяйка и скрылась за летучей тюлевой занавеской.

Надев очки, Меркулов вновь попробовал читать. Но глаза стали слезиться от усталости. Он закрыл библию и, не выпуская ее из рук, прилег на кровать.

То ли от прикосновения Священной книги, то ли от душевного тепла казачки лагерная мгла, ставшая воспоминания, исподволь рассеялась...

4

Он родился и вырос в семье учителя гимназии, в той особой разночинской среде, которая на рубеже двух столетий воспитывала патриотов-вольно-

думцев с православной душой.

Родители снимали дом в центре Ставрополя, близ Казанского кафедрального собора, и придерживались строгих религиозных правил. В дни праздников и по воскресеньям вся семья отставала службу и причащалась. Антон, внук войскового священника по материнской линии, павшего на Шипке, рано усвоил молитвы и песнопения. Свое будущее он связывал с литературой, мечтая стать таким же знаменитым писателем, как живущий по соседству Илья Сургучев. Его рассказы печатались в столице, а пьесы ставились в театрах. Встречая на Николаевском бульваре кумира, всегда одетого франтом, Антон ощущал, как замирала душа: вот избранник богов! А начинал здесь, в губернском городе...

Последний выпускной экзамен в гимназии, выдержанный на «отлично», и величайшая в жизни трагедия – гибель отца – роковым образом совместились в один день. И тем ужасней была эта утрата, что произошла на его глазах. Вдвоем с отцом поднимались они по улочке, усыпанной крупным гравием, а навстречу, стоя во весь рост, мчался на пролетке выжига в красной рубахе, лохматый, с оплывшим лицом. Он стегал нагайкой вороных и по-пьяному что-то горланил. И когда экипаж поравнялся с ними, вылетевший из-под колеса булыжник ударил отца в голову...

Ночью, накануне похорон, у гроба отца испытал он неизъяснимый трепет. То, что таилось в душе подспудно, вдруг открылось с поразительной ясностью. Всего себя он должен отдать служению Господу, Его вере. Только это даст силы жить без отца. А приобщаясь к Дарам Господним, он вымолит упокоение его душе, спасение душ ближних...

В семинарии Антон учился самозабвенно, а бескорыстием снискал расположение святых отцов и товарищей. Мать, Наталья Михайловна, оставшаяся без всяких средств, сошлась с вдовым

купцом Асмаркиным. Это не помешало относиться к матушке и сестренке с прежним обожанием и дорожить каждой минутой, проведенной вместе.

Мария Волобуева, дочь мельника, стала для него избранницей. Знали они друг друга с детства. Но только будучи семинаристом, решился он назначить ей первое свидание. И в безоглядной влюбленности потерял голову – всё восхищало его в девушке: и хрупкая фигура, и волнистые светло-русые волосы, и наряды, и неизменное добродушное настроение. После гимназии Маша училась на курсах сестёр милосердия и готовилась отправиться в Галицию или Польшу, где сражалась императорская армия. Однако на Покров, в канун большевистского переворота, состоялась свадьба. Вскоре Антон был рукоположен в диаконы, и она с улыбкой стала величать себя «диаконицей Марией».

Следующий год, одна тысяча девятьсот восемнадцатый, выдался в Ставрополе многослезным и несравнимо жестоким. «Красные товарищи» грабили, насиловали и убивали любого, кого причисляли к буржуям или контре, – от гимназисток и священников до дряхлых генералов. Под руку налетчиков попала и чета Асмаркиных. Ограбив, расстреляли их в собственном дворе. А двенадцатилетняя Тосенька, крик которой слышали соседи, бесследно пропала. В отпевании собственной матушки участвовал и он, диакон Антоний...

В те дни, потерявши родных, мучимый сновидениями (уродцы пробегали по комнате в озарении свеч, – то в образе лешего с пустыми глазницами, то в виде чертика, то оборачиваясь двуглавым мужиком в красной рубахе), потрясенный разгулом террора, он наложил на себя епитимью. И благодаря многочасовому молитвенному труду, терпению жены и милости Божьей смог утвердиться духом. Предназначение его в юдоли земной – служение Богу. В открытом бою, как дед с османами, биться с воинством Антихриста. И пройдя

хиротонию, будучи поставленным в священство, он по-своему понял послание патриарха Тихона с анафемствованием большевиков: «Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем мы наши слова утешения: обратитесь не к разрушению, а к устройению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами пролитая, и от меча погибните сами вы, взявшие меч».

Вскоре в Ставрополь вступила Добровольческая армия. Город уже несколько раз переходил из рук в руки, и «кадеты» в отместку большевикам провели свои репрессии, а товарища Ашихина, начальника городского гарнизона, вздернули на виселице. Эти казни также ранили его душу! И вот однажды Маша заговорила о том, что преступно, ничем не жертвуя, взирать на гибель России, на разгул «красных варваров». В добровольческих войсках, как читала в газете, нехватка медицинского персонала...

Жизненным рубежом для них стал Южно-Русский Собор. Отцу Антонию пришлось участвовать в его подготовке. Несмотря на споры иерархов, в Ставрополе было создано Управление епархий, освобожденных от большевиков. Поддерживая соборное обращение, Деникин издал приказы об амнистии пленных красногвардейцев и восстановлении должности полковых священников.

На аудиенции у митрополита Агафодора он, молодой священник, испросил позволения служить в Христоролюбивом войске. Пастырь, иссушенный немощью, был немногословен.

– Патриарх Тихон призывает к прекращению распри. Он не дает благословения генералам Белой гвардии, ибо они также чинят беззаконие. Полковой священник Божьей волей приставляется унимать жестокосердие. Сказано Иоанном Богосло-

вом: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны». По всему, недаром коронованы большевики «звездой»... Внемли гласу Божьему. Стань поводырем заблудших. А моё благословение – с тобой...

Священника-добровольца и его матушку, сестру милосердия, зачислили в пехотную дивизию. С первых дней привелось вдосталь хлебнуть фронтового лиха. Вблизи какой-то воронежской деревеньки красные, внезапно ударив во фланг, смяли позиции деникинцев. Из-за нехватки солдат свирепый поручик приказал отцу Антонию подносить снаряды к орудию, а затем заменить заряжающего. Артобстрел остановил наступление красных, позволив эвакуировать лазарет. Случилось это столь поспешно, что отцу Антонию не удалось даже проститься с беременной женой. А на следующий день дошла весть, что санитарный обоз перехватили латышские стрелки. Тяжелораненых расстреляли на месте, а прочих угнали в плен. Между тем бои становились кровопролитней, и полковому батюшке приходилось поневоле толкать снаряды в жерло раскалившейся трехдюймовки...

Ранение в плечо оторвало его от фронта. Повезло в одном: на ноги встал он еще до бегства Добровольческой армии к Черному морю. Поскитавшись по Абхазии, поселился в Пятигорске, надеясь устроиться в Бештаугорский монастырь трудником. Но святая обитель была переполнена, и настоятель отказал ему.

За неимением пристанища и службы ничего не осталось, как идти до конца. У подножья Машука, в Свято-Лазаревском храме, он исповедовался перед епископом Иовом, только что вернувшимся в край предков, терских казаков. Владыка, осанистый, длиннобородый, помрачнел и, вероятно, хотел отлучить от священства. Но что-то остановило мудреца. Быть может, покаянная боль и чистосерде-

чие батюшки, ради веры Христовой не жалевшего себя.

Епископ отпустил ему прегрешения и наставил:

– Тяжелейшие времена пришли на Русь. Не только безбожники, но «живоцерковники», еретики в рясах, аки саранча, нагрянули в храмы православные. Бился я с этими отщепенцами в Саратове, ограждая от проникновения их в епархию. Наставил на автокефалии. Но лукавый хитер и везде...

Отец Антоний надеялся, что получит место в одной из церквей Пятигорского викариатства. Но к середине двадцатых на Кавказских Минеральных Водах многие приходы были захвачены именно «обновленцами». А храмы окрест продолжали закрывать, атеистическая травля разгоралась.

Тем временем чекисты вылавливали белогвардейцев, скопившихся на юге. Суд вершили лихо, расстреливали «пачками». Фальшивым удостоверением на имя «Василия Зубкова», тульского пролетария, Меркулова снабдили еще в полковом штабе, и теперь этот «документ» помог ему спастись и трудоустроиться. Без труда освоив управление трамваем, он стал вагоновожатым. Подстриженный под полубокс, без бороды и усов, с крепким развалом плеч, «Василий» выглядел подлинным комсомольцем. Звание «Ударник пятилетки» поспособствовало в получении отдельной комнаты. Дождавшись отпуска, он тайком навестил в Ставрополе могилы родителей. Попытался через третьих лиц разузнать о судьбе жены, но ничего выяснить не удалось.

Господь даровал ему покой на целых четыре года. Каждое утро, за исключением выходных, дальний пеший путь приводил в депо, где работали люди мастеровые и несуетные. Затем весь день он курсировал от железнодорожного вокзала до Провала. А вечерами, убрав трамвай в тупичок,

шагал обратной дорогой. Хотя на работе и были приятели, он чурался компаний. Комсорг убеждал его вступить в ряды «коммунистической смены», но «Василий» отговаривался недостаточной подготовленностью.

В его квартире благоухали лилии, заливался кенар, барствовал рыжий кот по кличке Туз, приученный подавать лапку. А по утрам на стене, пронизав тюль занавески, атели кружевные лучи. Свистел чайник, и шумела на кухне вода, ухали напольные часы, подаренные соседом, объединяя чудесным образом все предметы и придавая комнате уют. Это отшельничество помогало общению с Господом. Он приобрел по объявлениям несколько старинных икон. И читал пред ними евангелие, и молился, и даже в полном объеме проводил службы. А если выходной выпадал на воскресенье, то отстаивал в храме литургию и причащался. В благой отстраненности пребывал он часами пред алтарем. Внимая песнопениям, как сладко замирала душа в сиянии свеч и лампад! Родство со всем причастным к Господу ощущалось Меркуловым еще глубже. И уходил он из притвора с надеждой, что вернется на стезю священства...

Но вот кондуктором за его трамваем закрепили комсомолку Зинаиду. Плечистая девица считала себя неотразимой и без конца заигрывала с парнями. Больше месяца обласкивала улыбочками неженатого «Васеньку», угощала пирожками с печеной тыквой. А затем, узнав адрес, первомайским вечером заявила в гости. Он предложил ей чаю, но Зинаида, вдруг увидев на стене иконостас, а на божнице стопу старинных церковных книг, с досадой поняла, что расчет на замужество рухнул. Что-то невнятное буркнув в ответ, принаряженная краля обижено ретировалась.

И вскоре, на ее радость, подвернулся случай. Обнаружив за водительским сидением образок Богородицы, она настрочила в ОГПУ жалобу, что

«вагоновожатый Зубков кажин день молится на маршруте, заставляет ее и пассажиров креститься, и ругает товарища Сталина, а дома открыл поповский пункт».

Заявление кондукторши и свидетельство «сексота» видевшего в городе белогвардейского попа, побудили следователя устроить очную ставку. Осведомитель с первого взгляда опознал священника. У Меркулова не осталось выбора, как во всем сознаться.

Он понимал, что вероятен расстрел. На суд шел, полагаясь на волю Божию, читая мысленно девяностый псалом. Однако «тройка», известная суровым отношением к служителям «культа», на сей раз вдруг явила слабину, приговорив Меркулова к семилетнему «перевоспитанию» в исправительно-трудовом лагере...

5

Еще с юности досаждал Семка родителям норовом и ленью, и потому Мина Фомич, женив наследника, сразу же отделил. Просторную хату поставил ему напротив своих виноградников, насаженных по левобережью Мечётки. Да и жену, благодаря свахе, подобрал работящую и видную. Но поначалу семья показалась Семену обузой. И до самого призыва в царскую армию круглый год болтался он по окрестностям с бельгийской двустволкой, выпрошенной у отца. И надо признать, настрелял руку настолько, что на лету сшибал стрижа. А вся помощь его в большом хозяйстве заключалась в том, что осенью, когда вызревал виноград, сторожил по ночам плантацию, постреливая для острастки по звездам. И никто из станичников не позарился даже на гроздь, помня, что Семка с придурью и уकोшит не задумываясь...

И поныне обитал Гарига в своей саманной хате, ошелеванной тесом. Усадьба полого клонилась к реке. В камышах прорубил Семен Минич прога-

лину, соорудил дощатые мостки, с которых удобно и воды зачерпнуть, и вершу забросить. Поливной огород выручал ежегодно. Хватало до весны и картошки, и огородной всячины. Выше по скату тянулся яблоневоый сад. Хозяин стерег его как зеницу ока и, чтобы отвадить воров, летом переводил туда со двора волкодава, сажая на длинную цепь. А сам спал в сеннике, приготовив ружье и кнут.

Яблонь в саду собралось десятка два, и каждая – на особицу. Кроме обрезки ветвей, уход за ними Гарига возложил на дочь Любку. Станичники знали о причуде конюха ездить по селам и ярмаркам в поисках саженцев редкого сорта. Поговаривали, хотя в это мало верилось, что при удаче он не скупился, тешил свой обычай...

Так мало-помалу на береговом скате, открытом солнцу, прижились гости с ближних и дальних мест. С мая и до Покрова сад был овеян нежнейшими ароматами. Первыми подходили белый налив и мельба. В канун Спаса – донешта и бельфлёр-китайка, дивя плодами, сочными и сладкими. И Семен Минич развозил их участковому милиционеру и фининспектору Гулому. Эта дань помогала избегать штрафа за надомную торговлю. Впрочем, для отвода глаз вывозил Гарига свой урожай и на базар.

Лучшие яблоки вызревали в сентябре. Всё подворье наполнялось тогда запахами ранета, апорта и антоновки. Семен Минич чаще обычного подворачивал лошадей домой и, бредя вдоль рядов, с видом полководца оглядывал деревья. Будто на рождественском карнавале, висели на ветках разноцветные шары. Одни были зеленовато-желтые, другие – в темно-вишневых каплях, третьи – с густым краснорызгом, четвертые, как слитки золота...

– Эх, недаром Ева спокусыла Адама яблоком! Яблуня, вона... – задыхался Гарига от накатившего волнения. – Вона – царица садов в свити!

И затаивался, прислушиваясь. И, казалось, подсохшие деревья соглашались и в ответ шелестели листвой...

Только вечерами отпускал сам хозяин. А днем торговала Люба, увечная и окривевшая на левый глаз. Ее руки, источающие медвяный дух, проворно укладывали плоды в ведро, дужку которого она вздевала на крюк безмена.

– Ого! – кривился прижимистый станичник, улышав цену.

– Я вам добавлю, – отзывалась девушка и опрокидывала в мешок еще полведра. – Вы только отцу не сказывайте.

Покупатели дружески относились к Любаше, перешучивались, и она, который год мыкавшая одиночество, ответно оживлялась. Но стоило кому-то намекнуть, что пора завести мил-друга для утех, – хмурилась и уходила в дом...

До девятнадцати лет не было ей в округе соперницы. И статью, и красотой, и певучим голосом выдалась козырь-девка в материнскую казачью породу. Родительница, также отличаясь пригожестью, была при этом своенравна, под стать Семену. Пока хватало сил, давала ему сдачи. А когда заиндевели до времени темные вьющиеся волосы, враз надломилась здоровьем. После очередной стычки слегла, стала таять на глазах. И уже через месяц склонялся Семен Минич над ее гробом, бормоча, однако, не слова раскаянья, а упреки за то, что бросила их с дочкой на произвол судьбины и некому теперь «будэ борща сварыть»...

Это горе не помешало после сороковин привезти из Сальска молодайку Елизавету. И она была казачкой, да инога замеса. Хлопот по дому и ухода за скотиной чуралась, всё больше белила лицо, сурьмила брови и разъезжала с новым сожителем по кумовьям и родне. Смекнув, что связался с бездельницей, Семен Минич попробовал было ее поколо-

тить, да обжегся. Неделю ездил, отворачиваясь от встречных, с подбитым глазом. Гулёна быстро сообразила, что не уживется с постылым хрычом. И после упорных поисков найдя тайник с деньгами и золотыми царскими червонцами, в тот же день как будто уехала к матери, – и прахом пропала! Гарига, обнаружив воровство, неделю разыскивал беглянку, колеся по селам и станицам. Вгорячах решил заявить в милицию. Но в последний момент одумался. А если спросят, откуда накопление? И есть ли документы? Нет, уж лучше не лезть на рожон...

Отвлекли только свадебные хлопоты. Засватали Любашу в соседний хутор, хотя надеялся, что выберет себе пару из станичных. Приглянулся ей тракторист Петро, весельчак и балагур. Свадьбу сговорились играть в ноябре. Не на тройке, а на тракторе СТЗ пожаловал парень за невестой. Его встретила у ворот комсомольская ватага. После речи секретаря о «новой ячейке социалистического общества» молодые направились в ЗАГС.

Накануне трое суток кряду лил дождь. Но «железный конь» ходко бороздил суглинистую дорогу. Бревенчатый мост на краю станицы был в стоячих лужах, по нему радостный молодожен уже переезжал сегодня. А в этот полуденный час Петька то и дело поглядывал на свою красавицу, не ведая, что при первом въезде сорвал брус настила. Разгоняя тяжелую машину, парень прибавил газу, и в тот же миг ее повело в сторону. Трактор, натужно ревя, сорвался с пятиметровой высоты на каменистый уступ...

Петро умер перед вечером. А Любаша, в бинтах и гипсе, пролежала в районной амбулатории до самого марта. Домой забирал ее отец оттепельным деньком. На дно фурманки, как рекомендовал врач, Гарига поместил щит, застланный рядом. На него и переложили с носилок пострадавшую. Тронулись к дому крайней улочкой. Оба молчали после первых минут оживленного при погрузке разговора. И вдруг Любаша запричитала:

– И чего я не убилась сразу?! Кому я теперь, од-ноглазая, нужная?!

Семен Минич натянул вожжи и обернулся, не скрывая повлажневших глаз.

– Ты – моя дочка, а я – твой отец. И ты дюже не сокрушайся. До всех дохтуров дойду, а поставлю на ноги!

И слова эти, на общее удивленье, Гарига сдержал. Не считаясь с расходами, на поезде повез дочку в Ставрополь, к хирургу Макарову, слава о котором разнеслась по южному краю. В день операции пытался Семен Минич даже вспоминать молитвы. Но душа как оледенела: в Бога верилось и... не верилось.

6

...На исходе ночи, смиренный бессонницей, Меркулов забылся.

И увидел вдруг за окном небывало ясный свет. Смятенье охватило душу, и поспешил он во двор в предчувствии чего-то важного.

Подле крыльца стоял старец в хламиде, с котомкой за спиной. Меркулов узнал преподобного Серафима, ибо схожесть с иконным ликом была несомненной. «Ты, сыне мой, молитвенно обращался ко мне, – возгласил Святой. – Помышленья твои праведны. Но дух мятежен, и вина пред Господом не искуплена. Ведаю, ждешь ты благословения на стезю мученичества. Засим, раб Божий, удались от мира и, пребывая в молитвах, постись до часу, когда снизойдет Благодать». – «Отче Серафим, – вымолвил Меркулов взволнованно. – Чужеземцы захватили страну. Зло пуще прежнего воцарилось окрест. Смогу ли я?» – «Сказано: вера без дел бесплодна есть. В Царство Небесное внидет исполняющий волю Отца Его. Иди и служи Господу...»

Неизреченный бирюзовый свет стал меркнуть, воздух пред глазами задрожал, точно во дворе рассеялось водяное облачко. Следом ударил отдаленный гром...

Меркулов проснулся и ощутил в руках библию. Учащенно билось сердце. «Всё в воле Твоей, Господи! Ты призываешь меня в храм. Я внял, Отче! А когда призовут меня на судилище земное – отведу, ибо превыше всего Твой суд...»

Он встал и, поцеловав Писание, возложил на божницу. Светало. Переключка громов становилась громче. И, казалось, гулом отзывалась ей изнуренная засухой степь. Необоримое желание пойти к храму крепло поминутно...

Навстречу ему по светлеющей улице понеслись вихри, кружа жухлую листву и слепя пылью. В окнах домов ни огонька. Дворы еще безлюдно молчали. Лишь у реки, где жил Гарига, вспыхивали петушиные запевки.

Дорога привела его к майдану, на возвышенном краю которого в проблесках молний то возникал, то исчезал храм. И прежде стесняло грудь при виде этого порушенного строения, а сейчас, в грозовых сполохах, церковь выглядела особенно сиротливо. Многие десятилетия проводились в ней литургии и молебны, а на площади казаки выбирали атаманов, давали присягу, и всякий раз освящалась станичная сотня, уходившая на войну. И с именем Господа покрыли донцы свои знамена славой, служба царю и Отечеству...

Молнии жгли всё ближе. И вслед за моросеем, с нарастающим шумом грянул ливень. Меркулов, охваченный смятением, вскинул руки:

– Господи, наставь меня на путь истины твоей! Дай, Господи, моему недостойнству благодать разумения, чтобы распознавать приятное для Тебя, а для меня полезное...

Он вмиг вымок до нитки. Но терпеливо подставлял лицо хлесткой водичке, кричал и смеялся, всем существом отдаваясь этому желанному и спасительному омовению в небесном Иордане. От ударов грома закладывало в ушах, но он стоял с поднятой головой и трижды повторил: «Сокрови-

ще благих и Подателю истины, приди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша». И ощутил, как сила входит в его сердце...

Гроза откочевала в заречье. Над площадью лишь изредка просеивались капельки да мелькали отсветы зарниц. А взгляд Меркулова был устремлен ввысь, где не прекращалось небесное таинство: тучи, прошитые первыми лучами, то наслаивались, сгущаясь, то распадались на витые космы, а то и вовсе разбегались, открывая небосвод. Невиданное доселе зрелище: синевато-серые, белесые, фиолетовые облака, окантованные оранжевой полосой, аспидная мгла в степной дали, куда удалялся грозовой фронт, – вся панорама неба заворожила. Невольно вспомнив жития святых, он воспринял это светозарное диво, как знамение...

Было уже светло, когда на площадь со стороны околицы вылетел верхоконный – черный на фоне алеющего востока. Он развернул каурую кобылицу и пустил напрямик к замеченному человеку. Издали, поднимая руку с нагайкой, угрожающе крикнул:

– Кто такой? Пропуск!

И не дожидавшись ответа, с разгону грудью лошади сбил нарушителя комендантского часа.

Меркулов спиной прокатился по раскисшей дорожке. Следом ожег удар нагайки. У самой головы замерла заляпанная грязью лошадиная нога. Опануло резким духом мокрой шерсти. Он с трудом поднялся, ощущая боль в ноге. В черной кубанке и винцераде⁴, с карабином за спиной, Касторнов склонился с лошади, грубо спросил:

– Никак счетовод? Откуда взялся?

– Я к храму пришел. Буду в нем служить.

– А комендантский час?!

⁴ Винцерада (южн. диал.) – казачий плащ.

Толстогубый, с широко посаженными глазами, молодой полицай, вероятно, что-то вспомнил и ухмыльнулся. Тронув лошадь, бросил через плечо: – Какой из тебя поп?.. Так... Таблица умножения!

То ли испугавшись какого-то зверька, то ли из норова кобылица взвилась на дыбы, затем взбрыкнула и понеслась на кусты шиповника у обочины. Заваливаясь назад и натянув удила, полицай пытался ее осадить, но удержать ли в запале донскую лошадь? Мощно оттолкнувшись задними ногами, она послала корпус вперед, взвилась над сплетеньем веток в алых ягодах. Высокий полет ее был недолог, но это не спасло наездника. Он рухнул в гущину кустарника, закалившего колючки на горячих ветрах. Ядреный мат далеко огласил околицу...

Станица наполнилась утренними хлопотами. Бестолково метался сырой, прохладный ветерок. На деревьях поблескивали хрусталинки капель. Почти в каждом дворе пластался духовитый кизячный дым – хозяйки до выхода на работу спешили со стряпней.

Жизнь в Граде земном шла своим чередом...

7

Жаркое утро выпило лужицы. Ветер с юга спекал на дорожной колее комья, дубил поблекшие травы. Полднем направляясь в правление, Меркулов замечал на себе оценивающие взгляды станичников: то приветливые, то насмешливые, а то и откровенно враждебные. Весть об открытии храма наверняка разнеслась по дворам.

Две недели, пока длилось немецкое наступление, в правлении колхоза дислоцировался штаб танковой дивизии. И теперь повсюду угадывались следы пребывания оккупантов. Штакетник со стороны улицы был сплошь повален, а кое-где измолот гусеницами в щепу. Цветник, проутюженный гусеницами, напомнил вспаханную делянку: земля смешалась с обломками кирпича, с лепестками ногот-

ков и разноцветок. Лишь у крыльца клумба осталась нетронутой – розы белели скрутками соцветий.

В коридоре Меркулов встретил Полину. Худенькая, с выпирающими из-под кремового платья ключицами, девушка шагнула навстречу. На ее засеянном веснушками лице проблеснула улыбка.

– Здравствуйте, Антон Николаевич! Мне приказали вас дожидаться.

В бухгалтерии, где недавно вымыли полы, стоял характерный затхлый запах. Со столов исчезли счеты, а со стен – портреты вождей. Большой сейф распахануто зиял. На полках шкафов – ни папок, ни подшивок документов. Самые ценные увезены в эвакуацию. А прочие сожжены по приказу оперуполномоченного НКВД.

Меркулов по привычке выдвинул верхний ящик стола. Но вместо нарукавников обнаружил огрызки яблок, грязный носовой платок и пустую консервную банку с надписью «Schweinefleisch». Видимо, танкисты подкрепляли боевой дух свиным мяском.

– Вас спрашивала Наталья, – сообщила девушка, открывая на столе свою потертую балетку. – А я захватила копии. Может, пригодятся?

– Побудь здесь...

Меркулов, осторожно ступая на ушибленную ногу, двинулся в приемную. Оттуда, в распаханную дверь, доносились голоса.

– Я знала, что он поп, – короткими очередями выдавала секретарша. – Пожилой, а ни детей, ни плетей. На митинги не ходил. Сидел в бухгалтерии под портретом Калинина, а теперь...

– Человек он неплохой, – вступилась уборщица Акимовна. – Ко всем с уважением. Школьников в кружке... этим... шахматам обучал. А раз должность батышки дали, значит, знающий.

– Кино, да и только, – хихикнула Наталья. – Идет война. Надо выживать. А религия – опиум... –

и вдруг, увидев входящего Меркулова, осеклась. – Вы пришли, Антон Николаич?

Непрощеный холодок кольнул сердце при виде барышни, восседавшей на прежнем месте, в привычном синем платье с горошинами. Будто ничего в мире не произошло! И тени переживаний не было на ее пухлощеким личике. Напротив, она с особым старанием завила русые волосы, чтобы понравиться новому начальнику.

– Минуточку, – чирикнула Наталья и, отстучав на печатной машинке фразу, вскочила: – Я доложу управляющему.

Секретарша выпорхнула из бывшего председательского кабинета, оставив дверь открытой. Разоренная комната, без шкафов, полок и ковровой дорожки, точно раздалась ввысь. Оттого, наверное, бритоголовый мужчина в пенсне, очень похожий на наркома Берия, показался приземистым. А тот, услышав фамилию вошедшего, в свою очередь, с любопытством оглядел посетителя в бежевом чесучовом костюме.

– Казачий есаул Чунихин. Рад познакомиться. Присаживайтесь. Надеюсь, мы с вами сможем наладить работу, вывести людей в поле, а в дальнейшем восстановим казачий уклад.

Меркулов, положив руки на спинку стула, стоял в полный рост. Слова немецкого назначенца озадачили его.

– Видимо, вас не предупредили. В станице...

– Да, я в курсе, – подхватил управляющий.
– Бог вечен, а мир преходящ. Сначала займемся земным. Уберем и свезем в амбары выращенное, чтобы станичники не околели с голоду! – двойник Берия двумя пальцами поправил пенсне. – Не стану скрывать, я не дока в хозяйственных делах. По корневой профессии – воин. Атаман Павлов представил меня как сослуживца оккупационным властям. У нас с ним одна цель – возрождение донского казачества. И находясь в гуще жизни, всячески

способствовать этому. Уважаемый Антон Николаевич, поработайте главбухом хотя бы месяца три. А я, как христианин, буду вам содействовать.

– Я не имею высшего образования. Учет вел только по полководству. А отныне хочу посвятить жизнь Господу.

– Понимаю. А вот немцы... За отказ работать на рейх могут и... расстрелять, – глянул поверх пенсне поборник казачества и сжал ладонь, распластанную на синем сукне столешницы. – Им нужны хлеб и мясо для армейских кухонь, а не молитвы и духовное единение русского народа. Для них православие – присноблаженная чушь.

– Вы богохульствуете, а назвались христианином.

– Прости Господи! Но и вы поймите... В станице должен быть хозяин, который позаботится о соплеменниках.

Меркулову этот человек показался... знакомым. Наверняка он где-то видел его.

– Я объехал угожья, – с пафосом продолжал Чунихин. – Неубраны два клина яровой пшеницы, поля подсолнечника и кукурузы. Сколько это в гектарах – не знаю. Лобогрейки и молотилки повреждены. Если не отремонтируем, придется косить вручную. А непогода на расстоянии выстрела... В конце концов, вы можете совмещать работу со службой в храме.

– Это невозможно. Урожай все равно присвоят немцы.

– План по заготовкам, да, установлен. Фельдкомандант требует выполнения. Но часть урожая мы могли бы оставить себе... Главное, не количество денег, а то, как их считаешь, – пошутил Чунихин, тая во взгляде нечто двусмысленное. – Мне нужен финансовый отчет за полгода!

– Документы, за исключением копий... – Меркулов умолк, обнаружив на тумбочке портрет Гитлера.

– Что вас покорило? – мгновенно среагировал есаул и обернулся. – А-а... Фото? Оно не стреляет... Времена меняются, а людям нужна пища. Сегодня одни в седле, завтра – другие. Для меня святая святых – благо народа. Мы не должны бросить братьев и сестер Тихого Дона на произвол судьбы.

Чунихин в раздумье наморщил лоб.

– Допустим, я найду специалистов. Наберу, так сказать, для сотни вахмистров. А дальше?

– Деятельность колхоза, прежде всего, определяется производственным планом. Он составляется по типовой форме. Также обязательна денежная приходно-расходная смета. А учет при уборке зерновых ведется по «Записным книжкам бригадиров», в которых зафиксирована деятельность колхозников, – начал подробно объяснять Меркулов. – Порядок учета и документы, оформляющие оприходование урожая, различны... Впрочем... МТС ликвидировано, и комбайнов нет.

– Антон Николаевич, голубчик, подготовьте баланс хотя бы по аграрному сектору. В райзо⁵ вообще нет документов по нашему хозяйству.

– Бухгалтерия требует точных цифр, а не фантазий... Я попытаюсь сделать всё, что возможно.

– Явите милость. Это нужно для народа. Когда будет создано атаманское правление, оно примет активнейшее участие в жизни прихода, – Чунихин обогнул стол, поскрипывая новыми хромовыми сапогами. – Письменные принадлежности отменного немецкого качества у Наташи. Кстати! Мы с вами уже встречались. Два года назад играли на ростовском турнире. Кажется, в миттельшпиле я пожертвовал ладью и получил «Матильду». У вас есть шахматишки? Можно вечером подвигать.

– К сожалению, не имею возможности, – сухо отказал Меркулов и удалился в приемную, не принимая протянутой к нему ладони.

⁵ Райзо – районный отдел земледелия.

Только на другой день, пользуясь дубликатами ведомостей и сводок, сохранившимися у Полины, толковой помощницы, удалось частично восстановить полугодовой баланс. Перед вечером в правление прибежал босоногий сорванец. Заглянув в бухгалтерию, скороговоркой выпалил, что «батюшку в церковь кличет дед Куприян, плотник».

Меркулов попросил Полину передать отчет управляющему, а сам засобирался. Полина со вздохом, покорно приняла от него связку ключей от сейфа и двери. Случайно внимание Меркулова привлек лист бумаги на соседнем столе с распластанным немецким орлом, который занесла в бухгалтерию Наталья. Он взял его в руки. «Вдохновенные призывом нашего атамана Краснова, мы, штаб Войска Донского, обращаем свой призывный клич к станицам Тихого Дона, Кубани и Терека. Слава Великой Германской Армии, слава светлейшему освободителю и вождю Европы – Адольфу Гитлеру... – ниже, скользнув взглядом, он прочел. – Прокричим казачьим «УРА» славу Германской Армии...»

– И я доверился этому лукавому лгуну, – не сдержавшись, вымолвил Меркулов.

Он с отвращением разорвал листовку на мелкие куски и выбросил в урну. Взяв со стола подготовленный документ и черновики, скрутил их в тугой жгут и положил в свой портфель.

– Передай... казачьему есаулу Чунихину, что ничего не вышло. А свои копии, пожалуйста, сожги.

– Я поняла, – кивнула Полина и смущенно спросила: – А мне в церковь можно? Я – крещенная, хотя комсомолка.

– Церковь открыта для всех. Я буду рад увидеть тебя. Господь всеблаг. И ты это поймешь...

8

Никто не знает определенно, кем сооружены на Дону первые православные храмы. Вероятней всего, возводились они повольниками, бежавши-

ми сюда в конце XVI века с двинских и вятских земель после разгрома Великого Новгорода. Именно с приходом на Дон искусных плотников, издревле владевших этим мастерством, казаки обрели деревянные церкви, ставшие оплотом христианства. Северяне-ушкуйники строили часовни на свой манер: прямоугольный сруб-клеть, крытый двухскатной кровлей, украшала маковка с крестом. Соблюдалось деление внутреннего помещения на три части: алтарь, перед ним – мужичник, а в конце – бабник. Впоследствии московские цари и патриарх Никон поощряли строительство храмов в Черкасске, посылая деньги, грамоты и писанные лучшими богомазами иконы.

Донские часовенки, неброские каплички, собирали православных вплоть до середины восемнадцатого века, когда взамен им, часто горевшим, войсковая канцелярия и местная епархия ни взялись за возведение каменных церквей. Уже на новый лад ставились барочные храмы с портиками, колоннами, лестницами. Однако во второй половине XIX столетия донскому архиепископу Игнатию порекомендовал Синод ставить Божьи дома по упрощенным проектам и такой величины, чтобы прихожанам было по средствам содержать их.

Беломечётскую деревянную церковь (на каменном фундаменте) открыли в пору Кавказской войны, когда хутор разросся в станицу, благодаря отчуждению донскими помещиками крестьян и переселению их, наряду с казаками, на юг войсковой территории. Основали эту станицу, как ранее Егорлыкскую и Мечетинскую, с целью постоя русских войск, направляющихся в Чечню и Дагестан или возвращающихся после баталий.

Заново храм перестроили, обложив кирпичом, при «Николашке» (так честили донцы последнего царя). Лейб-гвардейцы по возвращении из столицы рассказывали о милостивом отношении царя к престолюдинам, однако это вызывало обратное

действие. «Не ампирактор, а рохля. Косоглазому япошке укороту не дал! Рази ж способно ему огромной Расеей править? – сокрушались бородачи. – Как в сказке. Имелось у Степана три барана. Был он добряк, а попросту – дурак. Пас он их пас, да напился на Спас. Очнулся рано – ни одного барана. Стал ахать да горько плакать. Ему утирку бросил волк – на поле шерсти клочок... Так и туточки! Ох, не сбережет Расею, выхватят из рук черти...» Между тем на пожертвования казаков и коннозаводчиков украшался иконостас и убранство храма. Во многом ход жизни в Беломечетской зависел от воли и слов священника и брал начало от Троицкой церкви.

Она была ладной, небольшой, о трех куполах, крытых жостью. Крашенные охрой маковки виднелись с разных концов станицы, благодаря тому, что храм стоял на каменистом пригорке. В гражданскую не минули его святотатцы – банда матросов-анархистов «экспроприировала» дорогую утварь, а «товарищи» из пролетарской дивизии расстреляли священника, а затем – образа на иконостасе, – и загнали на постой кобылиц. Но и этого показалось мало. Отступая, они подожгли Царские врата. Прихожане вовремя сбили огонь...

С дороги Меркулов еще раз осмотрел церковь, приспособленную комсомольцами под физкультурный зал. К Первомаю беленная мелом, выглядит она опрятно. Однако поржавевшая жестяная кровля нуждалась в покраске.

Он поднялся на паперть и вошел в распахнутые двери, слыша размеренные удары. Вихрастый парнишка, забравшись на козлы, кувалдой сбивал настенный крюк, на котором болтался гимнастический канат. В воздухе слоилась пыль. На каменном полу валялись куски штукатурки. А у колонн, обозначающих центральный неф, лежали металлические опоры для волейбольной сетки и шведская стенка.

Увидев вошедшего, Витька опустил руку с кувалдой. Лицо его было припудрено меловой мучи-

цей. Даже брови белели, как у снеговика. Паренек поздоровался и солидно сообщил:

– Дед Куприян сомневаются, где щит под иконы ставить. Он домой уже ушел, – грыжа. А вы мне расскажите, я передам.

Меркулов указал границы алтаря. Пояснил, как нужно возвести амвон. Витька гвоздем нацарапал на полу метки и, не склонный к разговору, снова влез на свой высокий постамент.

– Уже темнеет, – сочувственно сказал Меркулов. – Может, довольно?

Парнишка по-взрослому рассудил:

– Надо еще полупить, пока силы есть.

А дома Меркулова ожидали люди.

В глубине двора кроме хозяйки и соседки Махоры сидели на лавках и ступеньках крыльца еще три старухи-казачки, молодая женщина в траурной косынке и дед Дюньдик, прозванный «Карасем». Лица людей были задумчиво строги. С тех пор, как закрыли станичную церковь, никто из них не видел священника.

Дюньдик, дюжий старик с ореолом седеньких волос на голове, заметив входящего в калитку Меркулова, взволнованно обратился:

– Благослови нас, батюшка.

Меркулов от неожиданности приостановился и осенил двор крестным знаменем.

– Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа!

Женщины встали и подошли ближе. От изъятых из сундуков тирасок и оборчатых юбок припахивало нафталином и донником, отпугивающим моль.

– Мы к вам, Антон Николаич...

– Отец Антоний, – подсказала дородная баба Махора.

Тот зыркнул через плечо и поправился:

– Как вы без ясы, то растерялся... Верно, отец Антоний... Ну вот... Прознали мы от Пелагеи. А поллицаи двory объезжали, приказали выходить на ремонт церкви. Вот и не стали дожидаться!

– Принесли три иконы, подсвечник, ручной крест и наперстный – серебрянные, две лампы, епитрахиль, – перечисляла Пелагея Никитична, за которой, видимо, с общего согласия закрепилось старшинство. – И у бабы Фроси много чего хранится. Я забрала подрясник. Чуток шашель побила, а так чистенький. А главное, антиминос нашелся! Как завернули в холстину, так и пролежал нетронутый!

– Тут ишо одна напасть, – сокрушенно продолжал Дюньдик. – В том году наезжал в станицу бородатый говорун, собирал нас у Марцевой Анисьи. И наставлял богомольничать на новый лад. Дескать, старая вера Христова отменяется. И все верующие должны вступить в православные сицилисты. И псалмы петь под балалайку и тому подобную гармошку... Вот мы и антересуемся: какой вы компании? За старых али за новых?

– Это раскольники, обновленцы. Они несут в мир лукавство и ересь. Православие неразделимо и вечно, как Господь наш, Иисус. И я отношусь к тем, кто за это...

– Слава богу! – тонкоголосо воскликнула бабуса, опиравшаяся на клюку. – Мы с Гавриловной в младости на клиросе завсегда стояли. Зараз, по ветхости, не всё помним. А подтянуть могём!

– Доразу зачисляй нас в хор церковный! – добавила сухая и смуглая, как цыганка, Гавриловна.

Третья старушонка с палочкой, прихрамывая, вышла вперед всех.

– А я жертвую наволочку муки для просфор и кувшин винца, – объявила она, шамкая беззубым ртом. – И хочу первой за энто причаститься!

Меркулов слушал, невольно улыбаясь. Пришествие людей, радеющих о храме, тронуло сердце.

– С вами благословение Божье! Господь явил милость, дав возможность восстановить в станице приход. В храме молитвенное слово обретает особую силу. Господь слышит и видит наши щедроты.

Женщины заговорили вперебивку.

– Всех верующих поднимем!

– Вы скажите Шершню – нехай мелом обеспечит, чтоб мы внутри побелили.

– Первым делом надо кресты на купола! Хочь деревянные...

– Я в школе убирала. Там в кабинете, где опыты, паникадило видала. Надо его забрать!

Но всех громче пробасил дед Дюньдик.

– Коль собрались мы у тебя, батюшка, то дуже желаем, чтоб провел ты с нами молебствие! Одно горе вокруг...

Пелагея Никитична принесла евангелие и крест, а затем старик поставил на припечек икону Спасителя в деревянном окладе. Вероятно, из храмового иконостаса.

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков! – начал Меркулов, устремив взгляд на Лик Христов, золотящийся под закатными лучами. Зарево пламенело за рекой, растекаясь по степному гребню. А само солнце, припавшее к земле, напоминало воженную лампаду.

Женский хор сбивчиво подхватил:

– Господи помилуй!

Он трижды осенил богомольцев поднятым крестом и, сознавая, что совершается в жизни нечто необыкновенное и долгожданное и проникается душа теплом Божьей тайны, продолжил молебен.

Меркулов слышал свой голос как бы со стороны и не мог унять охватившего душу волнения.

– Боже, во имя Твое спаси мя и в силе Твоей суди ми! – прочитал он прокимен, беря евангелие и готовясь читать его, и чутким слухом уловил вторящие голоса прихожан, – почувствовал сердцем, что люди следуют за его молитвенными словами и приняли как пастыря...

– Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, молимтися, услыши и помилуй... Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречи-

стыя Твоя Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых помилуй нас!

А когда богомольцы стали подходить к кресту, и он всматривался в лица, – воочию заметил их благую просветленность, точно освободились от паутины...

9

Гарига подъехал к балыкинскому подворью как раз в тот момент, когда хозяйка выгоняла козу пастись. Узнав, что постоялец уехал рыбалить, возмущенно спросил:

– А в якэ место? Где шукать?

– А я почем знаю? – в тон ему, грубовато отозвалась Пелагея Никитична. – Молебен он в этом самом дворе отслужил. Люди приносят образа, утварь. Я вчерась у храма была, его ремонтируют. Батюшке положено сил набраться, чтоб участь такую – священство принять... Его ж ветром качает. В чем душа держится. А тебе лишь бы... немцам пятки лизнуть.

– Ты, Пелагея, прижми язык! – обозлился Гарига. – А то плетюгов... Ишь, змея подколодная!

– Змея, а в своей шкуре. А ты в чьей? В кого превратился?

Семен Минич обложил чуму-бабу крепким словом и так стеганул вороного, впряженного в двуколку, что на крупе вспух рубец. Гнев его был вызван тем, что фельдкомендант мог приехать в станицу, чтобы познакомиться с батюшкой. А попа и след простыл! И как он, старший полицейский, оправдается перед Кремером?

Снисходительность немца была Семену Миничу на руку. Вместе с подручными он наворовал колхозного зерна, кукурузы, пригнал во двор телку. Кроме того, втихаря ограбил дома арестованных. Самое ценное причужил сам, а мелочевку пожаловал «коршунятам». Он ведь и в полицейские пошел только затем, чтобы, служа немцам, обогатиться.

титься, попановать и поглумиться над теми, кто в грош его не ставил...

О способности Гариги находить спрятанное знали все в станице. Во время коллективизации он вместе с комсомольцами обходил дворы единоличников в поисках зерна. Точно колдун, оставившись посреди усадьбы, оглядывал ее. И вдруг, ухмыльнувшись, начинал действовать: шел к сараю, лез на чердак куреня, загонял свой металлический щуп в нарочито присыпанную мусором землю, раскидывал поленницу дров, – и на беду хозяина находил гарновку или ячмень, припасенный в зиму. А уж запугивать людей, когда нутром чуял поживу, настаивать на своем он умел, как никто другой, – по-волчьи, темной злобой подавлял человека, лишал опоры, добивал...

Сейчас не давали ему покоя две задачи: как продать оставшиеся яблоки и где раздобыть для дочки новый глазной протез. До недавних дней Семен Минич не знал, что существуют особые линзы, точь-в-точь как человеческий глаз. Его Любаше после операции выдали вставной протез, научили, как пользоваться. Но когда дочка увидела себя в зеркале, то проревела двое суток и пользоваться вставной стекляшкой отказалась.

На вечеринке с «фройндами» Гарига приметил, что у фельдфебеля левый глаз двигается не так, как правый. Присмотревшись, нашел между ними разницу и догадался, что к чему.

В комендатуре сошелся он с переводчиком, черноволосым парнем, державшимся доброжелательно. Родом Стефан был с западной Украины. Но когда обер-полицай, желая угодить ему, попытался говорить на родном языке, галичанин высокомерно оборвал:

– Не выношу, когда язык предков – нашу божественную мову! – коверкают скоты... Чтобы больше не слышал!

И задавшись целью помочь дочке, Семен Минич обратился к переводчику заискивающе и по возможности грамотно:

– Пан Стефан, у фельдфебеля фальшивое око. Такое же надо моей дочке. Окривела ненароком. А девка в самом соку... Расспросите, Христа ради, где он его достал? А я в долгу не останусь...

Но вскоре комендатуру немцы перевели в станицу Егорлыкскую, а полномочия передали станичному старосте. Гарига без промедления явился к нему, бывшему фининспектору Гулому.

– С должностью, Игнат Палыч! Дуже приятно мэни, що до такой величины досягнули! Ране вы заступались за мэнэ, як отец, а зараз я своих кровей не пожалею!

Гулый походил на бочонок: круглобокий, лицо небольшое, ушастое, а на самой макушке лысины – бородавка, напоминающая воробьиное яичко. Глазки спрятаны в складчатые веки и буравчиками – сверлят, сверлят...

– Ты эту песенку, Минич, брось, – отмахнулся староста. – Знаю тебя, пройдоху. Докладывай лучше о порядке в станице!

Гарига стал мямлить, перескакивать с одного на другое.

– Да... Косноязычен ты, братец. Так ума и не нажил... Придется тебя заменить.

– Як... заменить? – растерялся Семен Минич.

– А чего от тебя ждуть? Чтоб партизаны мне башку открутили?

– До того не допустим! – запальчиво возразил Гарига. – Денно и ночью в дозорах будэмо...

Гулый, пересыпая речь язвительными шуточками, долго читал нотацию, а в конце предупредил:

– Не лезь, куда не просят. Должен быть начеку. Спать с оружием! За безопасность в станице отвечаешь шкурой... А начнешь бузить и своевольничать – выгоню взащей!

Удрученным вышел Гарига из Управы. «Эх, дурень, не отвиз ему яблучков. Вот вин и злует... Зараз заставлю Любашку, нехай мешок нарвет. Он антоновку уважает... Грец с ним! Надо к немцам тулиться...»

И назавтра махнул в Егорлыкскую. Но и там порядки ужесточились. Фельдкомендант потребовал в отряд для поимки партизан в Азовских плавнях беломечетских полицаев. Это не понравилось Гариге. Но получив патроны и три «лимонки», Семен Минич взбодрился. На улице встретил Стефана. Тот разузнал, что немецкие глазные протезы изготовлены из особого криолитового стекла. Фельдфебель обзавелся таким на родине. Но можно попытать счастье, обратиться в немецкий госпиталь, размещенный в Ростове.

Обратной дорогой Гарига усиленно думал. Без сомнения, только поступком можно заслужить поддержку фельдкоменданта. Вспомнив, как хвалил его Кремер, когда сразил красноармейца, Семен Минич пришел к выводу, что надо еще кого-то убить. На фронтах его охотничий пыл странным образом переродился в пьянящее безумие. И у белых, и у красных Гарига участвовал в расстрелах. И когда от нажатия курка живой человек становился мертвецом, он испытывал какой-то ознобный восторг. Вот и сейчас, подумав об этом, незаметно для себя ощерился, затомился. Только бы найти жертву: партизана, еврея, коммуниста, беглого солдата – не имеет значения. А уж выставить себя героем, рабом германской нации он сумел бы не хуже артиста...

Уже у станичной околицы ощутил он усталость и отвлекся. В церкви перекликались молотки. Вспомнив, что ни староста, ни Кремер не спрашивали о храме, Гарига усомнился в нужности его, хотя станичники все делали самостоятельно. Впрочем, у немцев семь пятниц на неделе. А вдруг фельдкомендант явится с проверкой?

Семен Минич хотел сразу порадовать Любашу. Но та, выслушав, отказалась ехать в далекий город к немецким врачам.

– Що ты кривишься? Не надоело в перестарках? – не на шутку рассердился отец.

– Одна стеклянная «шашка» валяется в комодке. С ней я хуже циклопа, – с горечью напомнила девушка.

– Ото ж другой протез! Немецкое «око» красивше живого... Як ясочка! – Гарига прошелся по кухне и с досадой добавил: – У всех, Люба, внуки. А тильки у мэнэ немає...

10

Война дьявольской секирой разрубила великое пространство страны. На вольной, родной стороне неколебимо жила надежда, сплотившая людей целью: «Всё для фронта, всё – для Победы!» А на оккупированной, точно ставшей чужой, территории по плану «Ост» велось уничтожение славян и евреев. В глубоком тылу, на Украине и в Белоруссии, зондеркоманды СС, борясь с партизанами, дотла выжигали деревни, десятками тысяч умерщвляли мирных жителей.

Иное дело – на Дону и Кубани. Фронт здесь был всего в сотнях километров. Надеясь на поддержку казачьего люда, испытавшего «красный террор» и недавние репрессии, оккупанты повели дальновидную политику. Выказывая уважение к ратным подвигам аборигенов, им было дозволено избирать старост и атаманов, открывать храмы, носить войсковую форму. Поощрительно относились коменданты к тем, кто вступал в немецко-казачьи сотни. Впрочем, вооружали «удальцов со свастикой» абы как, а использовали, где заблагорассудится, – не раз бросали с шашками в пекло артиллерийского боя.

Делая поблажки, захватчики пеклись о снабжении своих дивизий донским и кубанским зерном,

провиантом, фуражом и теплой одеждой. И как только колхозные амбары оскудели, требования «новой власти» к населению стали круче, грабежи и карательные меры – гораздо чаще. И недаром! Наступление на Кавказе застопорилось, прорваться за Волгу, обратив Сталинград в прах и пепел, не удавалось...

Протяженный лог вдоль речной излучины с давних пор носил название Бургуста. Вероятно, калмыцкие пастухи или воины, поившие тут коней, нарекли «Вербным местом» этот уголок в задонском просторе.

Издали открывалась путнику в поднебесной дымке – словно бы это, споря с ветром, стоял на крыльях коршун-лунь – белесая верхушка бугра, нисходящего к Мечетке. Ниже склона подковой гнулась луговина, облюбованная вербами и половодьем. Под исход апреля сюда стекались из станицы любители диковинного зрелища: пожара диких тюльпанов – лазориков. Рожденное вешней землей алое пламя вперемешку с золотистыми и белыми проточинами разбегалось по берегу и застывало, сплошь укрывая землю. За версту ощущался такой тонкий медвяный запах, что у видавших виды казаков голова шла кругом, а у иной бабы и слезу вышибало. Степь будто внушала очарованному ею: «Ничто не сравнимо с моей красотой и могучей волей! Нигде нет такого манящего птиц неба и несметного богатства трав. И земля-кормилица, обласканная солнцем, – отзывчива на тепло сердец и силу рук, щедра на хлебные колосья и родники. Только любите и берегите меня...»

Меркулов остановил велосипед на вершине бугра, оглядел благословенный приют. Предвечернее солнце, затянутое облаками, мягко освещало разлет лога. Качались под ветром вербы и порыжелые камыши, вознесшие шелковистые метелки. Покосная деляна пестрела цветами. Две приземи-

стые копны темнели у реки. А по склону, куда спускался проселок, дыбился татарник, маяча пунцовыми свечками. Над цветками столь густо вились пчелы, шмели и осы, что казалось, горячий воздух плавился, тихонько дрожал.

Он с ветерком скатился в лог, подрулил к хорошо знакомому плесу. По привычке расположился под вербой, маячившей на ветру белесой изнанкой листьев. Клев сразу задался – до сумерек надергал мелочи для ущицы.

Костер прогорал, – но по курганчику пепелища пробегали огневые струйки, раздувая жар. По минутно доносился перекатистый шум камыша, всплески, вскрики уток и казарок. Несколько раз на мелководе заводили перекличку лягушки. Меркулов сделал ложе из сенца, отдающего шалфеем, покрыл его верблюжьим одеялом.

Скорая ночь засеяла небо звездами. Серебристо-дымчатый Млечный путь еле приметно поворачивался вместе с неисчислимыми планетами, галактиками и крохотными звездочками, – властно притягивая взгляд...

Там, в лагерной тайге, небо было суженным, иным, чем здесь, по-южному распахнутым. Меркулов понимал, что прежде чем будет открыта церковь, он сам должен возродиться духовно, ощутить свет Божьей благодати. В стране за четверть века утвердился атеизм, хотя и до революции истинно верующих было меньше, чем думалось. Теперь жизнь измерялась планами пятилеток, количеством продукции, трудоднями. Отвергая бессмертие души, коммунисты даже смерть восхваляли как подвиг во имя светлого будущего. Мастера на лозунги, они ратовали за построение «социалистического рая». Поэтому учение того, кто «Смертию смерть попра», для них было враждебным. Напротив, расстрелы и репрессии избавляли от инакомыслия. Но никому не отме-

нить Суд Божий! «И судим был каждый по делам своим...»

«Жизнь уже на исходе, – рассуждал Меркулов, глядя на звездную россыпь. – И остатний путь я должен пройти с честью, как мой дед, не испугавшийся турецкой сабли. Не оглядываться, смотря в бездну, а идти и вести за собой к Вратам Господним...»

Невдалеке послышались размеренные, шорохливые по траве шаги. Меркулов подбросил на уголья сушняка, и вспыхнувшее пламя выхватило из мрака фигуру мужчины. В его руке был посошок, на голове – парусиновая фуражка с длинным козырьком. К костру подвернул колхозный пчеловод Чекмарев.

– Доброй ночи, – кивнул он, останавливаясь и кладя ладони на головку палки. – Одному не страшно?

– На все Божья воля, Петр Андреевич.

– Так-то оно так, ядрена малина, да время лихое. Тоже в одиночку приходится домой ходить.

Чекмарев достал из-за уха сигарку. Прикурил от тлеющей веточки. Жадно затягиваясь самосадным дымом, полюбопытствовал:

– Дошла молва про арестованных станичников?

– Ничего не известно.

– Известно. На моих глазах было... – скороговоркой возразил пчеловод. – Мы с Мишкой, напарником, еще до немцев перевезли пасеку в Бирючью балку. И вас прошу никому об том не сказывать!.. В ту ночь разбудили нас машины. Смотрим: два крытых грузовика свернули к ярам. Должно, проводник с ними был. Как ехали машины, так и оставились с включенными фарами. Стали наших высаживать, а из другой солдаты повыпрыгивали. Потеснили фрицы невольников на край яра. Люди взбулгачились. Поняли, что к чему... – у Чекмарева перехватило дыхание. – Тут слышим – вроде скрипка прорезалась. Да так весело жжет, как на свадь-

бе... Фрицы озверели – стали бить. Дети и женщины в один голос причитают, убиваются с горя... У меня до се в ушах звон... Да... Вытолкнули первых человек десять, детишки с ними, и – всех из автоматов! Вторым заходом – остальных... Изверги неимоверные! Наутро пригнали военнопленных. Засыпали убитых. А мы с Михаилом...

По ночной степи прокатился гул, донесшийся с восточной стороны. Край горизонта подожгло заревце.

– Никак на станции в Егорлыкской? Взрыв вроде... Должно, партизаны... – предположил Чекмарев.
– А мы крест из дрючков сбили и поставили там.

– Сообщите родственникам! Почему вы скрываете?

– А вот как переберемся с пасекой на другое место, так и расскажем, – пообещал пчеловод и, сделав паузу, усмехнулся. – Вы на самом деле из духовных? А то жена сказала...

– Можете не сомневаться.

– Чудеса, ядрена малина... Ну, бывайте здоровы, – уже на ходу обронил Чекмарев и, выбравшись на тропу, разгонисто зашагал в сторону станицы.

11

Утром в Беломечетскую прискакали на коротконогих маштаках калмыцкие кавалеристы. Следом примчалась мотоциклетная рота жандармерии, все как один – рослые, мордатые, с вислыми усами. Выяснилось, что это галичане. Стефан в форме обершарфюрера СС командовал земляками и сообщил Гариге, что ночью на железнодорожном перегоне партизаны подорвали состав. Обошлось без жертв, хотя сгорела цистерна с керосином да поврежден паровоз. Спросил напрямик:

– У вас есть подозреваемые?

– Таких много! – заверил Гарига. – Найдэмо!

И каратели двинулись в казачьи дворы, стали не только выискивать партизан, но и потрошить

комоды и шкафы, – будь это статуэтка физкультурника, кружевная утирка серебряная чара или коврик, добытый прадедом в крымском походе. На произвол иноземцев отвечать станичникам было нечем: с застывшими лицами наблюдали они за грабителями. И в непокорных душах зрел гнев, зовущий час расплаты...

В курене Балибардиных за малым не дошло до беды. Мальчонка лет пяти, Васька, вместе с матерью, бледнолицей Катериной, наблюдал за дядьками, снующими по комнатам, и когда ушастый, пахнущий овчиной калмыцкий кавалерист снял со стены ходики с петушком, не сдержался:

– Вот плидет папка с флонта, он тебе молду набьет!

Мародер сунул часы в вещмешок, стянул горловину узлом и обернулся:

– Что кричал? Плохо кричал? Пороть надо! – и выдернул из-за голенища нагайку с короткой ручкой.

– Ты – дулак! – выпалил казачонок.

Немецкий служака кинулся к пацану, желая проучить. Видя это, его жидкоусый сослуживец сзади обхватил хозяйку и потащил в спальню. Упирающегося ручонками Ваську «дулак» зажал между колен и уже было замахнулся...

Тут и случилось то, о чем долго помнили в станице. На плач внука и дочери поднялся престарелый Игнат. Больше месяца не вставал он со смертного одра, изможденный и пожелтевший, с глубоко запавшими глазами. Черная немочь точила казака, и мысленно он уже распрощался с этим миром.

В белой нательной рубашке, испятнанной кровавой слюной, привидением возник Игнат в проеме двери – высокий и худой, с обезумевшим взглядом. В поднятых руках его сияла иконка Николая Угодника. Вид страдальца был настолько зловещ и страшен, что насильник опустил нагайку,

оттолкнул мальчишку и что-то по-своему крикнул. Из спальни выбежал соплеменник.

– Изыдь, Сатана! – проклял старик глухим утробным голосом и еще выше вскинул образок.

Толкаясь и бормоча ругательства, «воины вермахта» суеверно подались из дома.

До самого вечера продолжалась облава. Гарига верхом на гнедой носился по улицам, чтобы везде поспеть, подсказать карателям. Между делом сматался домой и зарубил несущку, велел дочке готовить борщ. Под конец прилепился к Стефану и его земляку унтер-офицеру Дуде и уговорил отведать «гарного борщичка».

Открытый «Опель» на виду у соседей подкатил к высокому плетню, увитому хмелем. Обер-полицай первым ступил на землю, отмахнул заднюю дверцу и стоял навытяжку, пока гости выбирались из машины.

– Пожалуйте, дружечки! – распахнув калитку, приговаривал Семен Минич. – Борщичка из кастрюли, а не из котла... Люба, ты иде? Встречай дорогих «фройндов»! Заходите в хату, паночки!

Но они стали оглядывать хату с резными птицами на фронте, выбеленные мелом постройки, сквозящий между ними сад. Переговаривались по-польски, криво усмехались. Гарига насторожился. И в эту минуту на пороге появилась принаряженная Любаша.

– Я всё приготовила, – предупредила она и шмыгнула за дверь.

Увидев ее в профиль, – броскую красавицу, – Стефан заинтересованно вскинул брови.

– Это ваша дочь?

– Моя ридна...

Гости оживились, вошли вслед за Семеном Миничем в горницу. На середине стола, покрытого камчатой скатертью, возлежал каравай. Глубокие тарелки и рюмки на ножках были расставлены напротив стульев, на блюде – култышками вверх – зо-

лотилась вареная курица. Крупные перья лука и помидоры красовались на медном подносе. Семен Минич замялся, следя за гостями. Они сняли фуражки и положили на покрывало кровати. Стефан вопросительно взглянул на хозяина.

– Ручки помыть? Ось туточки, – кинулся тот к подвесному умывальнику, возле которого висели полотенца.

Но переводчик поморщился.

– Я солью, – нашлась Любаша и кружкой зачерпнула воды из ведра. Стефан выставил над тазом длинные ладони. Зардевшись, она подала ему обмылок и стала сливать. Затем подошел унтер-офицер.

– Я зараз. За горючим... – предупредил Семен Минич и суетливо вышел.

Стефан причесался у настенного зеркала и, исподволь наблюдая за Любашей, уточнил:

– Это ты вышивала?

Поделки на стенах, изображающие узоры и букеты цветов, котят в лукошке, голубей, репродукцию картины «Аленушка», привлекали глаз умелой вязью, подбором красок и непосредственностью.

– Да, – кивнула Любаша, со щек которой не сходил румянец. – Зимой время остается.

Она, стараясь смотреть в сторону и не показывать пустую глазницу, испытывала крайнее смущение наедине с мужчинами.

– У нас, в Галиции, лучшие в мире мастерицы, – похвастался Стефан. – Заведено, чтобы матери расшивали сорочки своим детям. Секреты передаются по наследству... Твой отец говорил мне. Я узнавал и постараясь помочь.

– *Slodki kawalek*, – съязвил его приятель.

– *Nie, dobry uszupiek*⁶, – поправил Стефан.

Хлопнув дверью, Семен Минич внес запотевший граненый графин. Когда гости расселись,

⁶ – Сладкий кусочек.

– Нет, добрый поступок (польск.).

Любаша разлила по тарелкам оранжевый, благоухающий зажаркой и укропом борщ. Семен Минич наполнил рюмки самогоном.

– За Германию и... – затынул было Гарига.

Но Стефан перебил:

– За красивую хозяйку и ее рукоделье!

И Гарига обомлел от удивления. Никак дочка приглянулась галичанину. Накатили горячие мысли: «Вот тебе и калечка... Нехай снюхаются. Дело молодое...»

12

Он читал заупокойные молитвы у креста, поставленного пасечниками. Один под открытым небом, и голос его, казалось, возносился ввысь, к самому Престолу. Перед глазами вставали лица расстрелянных станичников и эвакуированных ленинградцев и, сдерживая слезы, он явственно представлял всё, что происходило здесь той страшной ночью...

Обратно пришлось возвращаться пешком, везти свой велосипед с проколотой шиной. Болела голова от жары и недосыпа, ход мыслей прерывали неотступные молитвенные слова: «Боже духов и всякия плоти, смерть поправай и диавола упразднивай». Он знал за собой слабость – сердцем мерить людское горе, хотя святитель Златоуст настаивал: пребывая на Земле, сердцем живи на Небе.

Вдруг из акациевой лесопосадки выбрался на дорогу некий странный босяк. Одни грязные кальсоны, с приставшей шелухой, прикрывали тощее, загоревшее до черноты тело. Голый череп, обрамленный курчавой шевелюрой, обезумевшие глаза на длинноносом лице, приплясывающая походка придали бродяге столь дикий вид, что Меркулов не сразу узнал школьного учителя музыки.

– Стой, человек! – визгливо воскликнул Файт, тараща глаза. – Кто ты: друг или враг?!

Меркулов не успел ответить, как ленинградец с воплем скрылся за деревьями.

Весь день «астраханец» трепал камыши, гнал мутную волну. Безжизненно серело пыльное небо. В такое ненастье хорошо только уткам: они без усталости ныряли за рыбешками, гоняли на мелководье лягушат, кружили вдоль кулиг тростника. А поклевки не было ни одной – поплавки, подергиваясь, обреченно прибивались к берегу.

Встреча с музыкантом, избежавшим расстрела, крайне взволновала Меркулова. Без одежды и пищи, таясь от людей, как выносит он голод и прохладные ночи? Возможно, еще кто-то жив? Думая об этом, Меркулов вспомнил рассказ очевидца и понял, что немцы заставили скрипача играть, чтобы самим позабавиться, а в невольников вселить безумный страх! Разве можно это вынести, не потеряв рассудок? И всё-таки надежда, что несчастный появится, не покидала Меркулова, и он то и дело осматривал лог, задерживал взгляд на речной излуке.

А Файт вышел перед закатом на вершину бугра. Он долго озирался, пошатываясь под напором ветра. Затем обогнул заросли колючек и на скованных ногах, словно на ходулях, спустился к берегу. И так же, остановившись вдалеке, с надрывом прокричал:

– Кто ты, путник?! Я – Долик Файт... Я очень голоден, слышишь?!

– Подходите, Адольф Ильич, – отозвался Меркулов. – Будем ужинать.

– Сударь, у меня нет ни гроша! – с трагическим видом предупредил учитель. – Но я могу сыграть вам в счет оплаты. Конечно, можно подождать, когда приедет симфонический оркестр. Впрочем, все равно солировать мне...

– Буду рад послушать.

Файт, крадучись, подошел. Положил на подломленную ветку полыни скрипичный футляр.

Он съел всё, что было: ломоть хлеба с целой головкой чеснока, пышку, желтобокий огурец, вяле-

ного подлещика и грушу. Бедняга был так худ, что на коже костистых рук и ног четко обозначались синие веточки вен, пучки сухожилий. Ребра выступали наружу, как у Кощея. Кровяная жилка пульсировала на тонкой шее. Ступни были изодраны царапинами и темнели запекшимися ранками.

Насытившись и выпив корчажку воды, Файт осоловел и притих, к нему проблесками стало возвращаться сознание. Меркулов набросил на плечи скрипача одеяло.

– Покорно благодарю за угощение, – бормотал он вполголоса. – Я не ел много лет. С той ночи, когда нас с женой привезли к черту на кулички...

– Адольф Ильич, как вам удалось спастись? – спросил Меркулов.

– Я – гений, и поэтому бессмертен... – высокомерно заявил музыкант и усмехнулся. – Когда нас высадили в степи, немецкий офицер увидел в моих руках футляр и попросил исполнить «Чардаш» Монти. Меня, конечно, знает вся Европа... И я дал концерт! А немцы поубивали тех, кто мешал слушать, и стали мне аплодировать... А когда офицер, сущий невежда, спросил: «Тебя действительно зовут так же, как фюрера?» Я подтвердил, и он ударил меня, прогнал... Болван, он даже не подозревает, кто я...

Смеркалось. Пора было разжигать костер. Меркулов, слушая, принялся неторопливо ломать сушняк. Музыкант с возмущением спросил:

– Что вы собираетесь делать? Зажигать огонь? Это опасно!

– Заварим на ужин чаю и запечем картошку, – успокоил Меркулов.

Несчастный заговорил, повышая голос и вскрикивая, точно в бреду:

– Меня ищут! Агенты всего мира могут схватить меня... Так и быть, я признаюсь... Вы поверили, сударь, что я Долик Файт? Вы ошиблись... Я – сверхчеловек, я одновременно и Ленин, и Гит-

лер... По имени-отчеству могли бы сами догадаться... Что, удивлены? Не ожидали?! Это я руководил революцией... Потом стал фюрером... А Гитлер в Берлине – мой двойник, – Файт самодовольно хихикнул. – Завтра я прикажу войскам вернуться в Германию. Но мира не хотят мои фельдмаршалы и подлые вороны! Они весь день каркали мне об этом... Послушайте, вы не видели Нору? Я ищу жену и не могу найти. Помнится, мы ели макароны, когда за нами приехали. Они же могут пропасть! – музыкант умолк и задрожавшим голосом попросил. – Разожгите костер, разожгите поскорей... Я обожаю смотреть на огонь! Он отпугивает ворон...

Подкрепившись еще раз, Файт не смог противиться сну. Он забылся как-то сразу и крепко, и Меркулов тихонько подложил ему под голову свою подушку и накрыл тощее тело одеялом.

Утром музыкант исчез. Не оказалось на месте и велосипеда.

Не объявился он ни в этот день, ни на следующий.

И бабье лето, по всему, гостило последние деньки. Жара спала. Обложная синяя тишина нежилась в степи. Тонкие паутинки проблескивали в воздухе, парусили на ветру. Простор распахивался все шире – сквозь редяющие кроны верб и акаций завиднелись заречные кособоры, щетинистое жнивье полей.

Была пятница, и Меркулов, по обыкновению постясь, читал библию. Остановившаяся, обдумывал страницы и обращался мысленно к предстоящей службе. Он перебирал в памяти пастырей, оставивших след в его судьбе. Все они были едины в утверждении веры Христовой. Но вместе с тем каждый из святых отцов прошел свой особенный путь, помня слова Писания: «Проклят, кто дело Господне делает небрежно». И в последние дни, проведенные в отрыве от тщеты, он будто приблизился к Граду Небесному, осознав, сколь необходима на-

роду духовная поддержка. Земной мир, погрязший в прегрешениях и беззаконии, катится к гибели. В Гиене огненной половина Европы. Жизнь человеческая ничего не стоит, и день ото дня скорби множатся, – значит, надлежит ему в свете лица Божия вести верующих к покаянному спасению. Пусть впереди трудности. Они преодолимы в долготерпении и радении о пастве. Благодаря молитвенному труду и чтению библии, душа его исполнялась света, становясь причастной глубинам веры Святой.

Сегодня по-новому открылся ему смысл, почему из пустыни начал Спаситель свой крестный путь. Оказывается, закон праведности заключается не в случайном, а в осознанном преодолении искушений и тягот. Дух Святой, приведя Иисуса в пустыню, оставил Его наедине с искусителем затем, чтобы мог Он измерить в испытаниях свою волю и веру. «И приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни эти сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»». Эти строки были и священным пророчеством, и наставлением для всякого пастыря, ибо единственное его орудие есть Слово...

Последняя ночь на Бургусте выдалась довольно прохладной. Перед зарей затуманилось – и с восходом солнца на подсвечниках цикория, на лопушистом репейнике заискрились крупные капли росы. Утро снова овеяло дали теплынью, а края неба окольцевало легкими лебяжьими облачками. На берегу устоялся терпкий дух пижмы и полыни.

Меркулов набрал во фляжку родниковой воды, приготовил рюкзак. С утренним клевом опять повезло. Беспорывно бралась отборная плотва и окуни. Увлеченный ловом, он не сразу обратил внимание на тихий мелодичный звук, рожденный скрипкой. С удивлением повернув голову, увидел

в отдалении спускающегося по склону Файта. Донельзя изможденный, словно закопченный от загара, он играл на ходу, ступая размеренно, точно под метроном. Протяжная красивая мелодия отозвалась в сердце Меркулова щемящей болью. Вместе со скрипкой будто бы плакала и степь, и небо, и весь мир...

Учитель приблизился к плесу на повороте реки. Водная гладь его была зеркальной, в белых разводах облаков и синевы. Невысокое солнце скрывали камыши противоположного берега, лишь в прогалину между ними пробился одинокий луч. Скрипач был так поглощен игрой, что, видимо, не сознавая своих действий, побрел по мелководу.

Недоброе предчувствие побудило Меркулова бросить удочки и поспешно зашагать по тропе, хотя между ними было не меньше километра. Он наблюдал, как учитель, окончив сложный пассаж, решительно двинулся дальше, к середине реки, – издали показалось, что не в реку он входит, а в ясную глубину неба. Музыка над водой стала громче и напряженней. Файт двигался по лучу, как по огненной дорожке. Вот он погрузился уже по пояс, еще шаг, другой, – скрипка, теряя голос, захлебнулась, – и Файт с головой ушел под воду...

Когда Меркулов добежал до плеса, на поверхности не осталось даже пузырей. И лишь вдалеке, на стрежне, где бурлил водоворот, на мгновение всплыла знакомая оранжевая скрипка. Она корабликом мелькнула под солнцем и – навеки пропала.

А велосипед нашелся неожиданно, когда Меркулов, надев на спину рюкзак и взяв в руки удочки, поднимался по склону бугра. Неподалеку от дороги, где был примят репейник, его взгляд привлек яркий блеск никелированного руля. Возле заднего колеса лежал открытый футляр, зеленая бархатом. А на нем сидела крупная невиданная прежде бабочка, с узорчатыми белыми крыльями...

13

Из служебного донесения начальнику Особого отдела Северо-Кавказского фронта полковнику М. И. Белкину.

«7. Меркулов Антон Николаевич. 1895 г. р. Уроженец Ворошиловска (Ставрополя). Из разночинцев. Окончил Кавказскую духовную семинарию. Белогвардеец. Служил в денкинских войсках священником. По сфабрикованным документам скрывался в Пятигорске, где был выявлен и осужден за контрреволюционную деятельность. Семь лет отбывал в ИТР. Выбрав местом поселения станицу Беломечетскую, Меркулов не посещал общественных мероприятия, вел скрытую религиозную пропаганду.

С момента оккупации района сотрудничал с оккупационными властями. По его ходатайству было приспособлено для отправления культа здание бывшей церкви. Опираясь на поддержку лиц преклонного возраста, ежедневно совершал церковные службы, читал так называемые часы. Одуманная масса, проводил ритуалы: причастие, крещение, отпевание и т. п. В проповедях призывал к терпению и молитвам. Факты восхваления им немецкой армии или Гитлера не установлены.

В октябре партизанский штаб внедрил в станицу бойца И. Чаусова, местного жителя. Поступив в церковь на должность пономаря и по совместительству истопника, он за короткое время создал подпольную группу. Комсомольцы обстреляли вражеский мотоциклетный патруль и подожгли здание правления колхоза. А в ночь на 7 ноября, в честь 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, вывесили советский красный флаг и расклеили листовки...»

До самого ноября полиция были заняты преимущественно тем, что следили за явкой колхоз-

ников на работы. Тех, кто отлынивал, находили и нагайками, угрозами выгоняли в бригады. Перезрелую пшеницу и рожь с горем пополам скосили лобогрейками и обыкновенными косами, в снопах свезли на ток. По причине неисправности паровой молотилки очищали зерно по старинке – ручными цепями и каменными катками на лошадиной тяге. Дожди затянули уборку капусты, кукурузных початков на отдаленном суглинистом угодье. В оставленном без присмотра саду с утра сходились старожилы не столько в поисках яблос и груш, а сколько для душевительных разговоров.

Несмотря на осенние работы, в церкви, освященной на Покров Пресвятой богородицы, как раз в день войскового праздника казаков, отец Антоний вел службы, сколько бы прихожан ни собралось. И по воскресеньям стали приезжать богомольцы не только из ближних хуторов, но даже из Сальска, чтобы отбыть литургию, послушать проповедь священника, отличающегося разборчивым произношением. Людской ручеек день ото дня ширился. Пелагея Никитична приняла на себя труд и пекаря, и казначея, и церковной старосты. Не за горами была зима, и по ее совету батюшка взял себе в помощники ее родственника, поклядистого юношу, согласившегося также отапливать храм.

Чутье и на этот раз не подвело Гаригу.

В ночь накануне большевицкого праздника он устроил засаду в центре станицы из двух полицейских, а новопризванным молодцам приказал заседлать лошадей и патрулировать улицы. Сам же, надев рваную ушанку и полушубок колхозного сторожа, начал пеший обход станицы.

После ненастья третий день не унимался бахмач⁷, а этой ночью даже подмораживало. Уличная тропа была вязкой, но Гарига отмеривал шаг за

⁷ Бахмач (донск.) – северный ветер.

шагом, приглядываясь и прислушиваясь. Время от времени запускал руку в глубокий карман тулупа, тискал рукоятку «вальтера». Подарил пистолет ему Стефан. И то, что дочка мало уделяла внимания зачастившему гостю, сердило не только красавца, но и его самого. Ведь недаром гуцул забрал для образца старый протез и пообещал привезти взамен немецкий, самый лучший...

За полночь небо обнажилось. Иней выбелил деревья и землю. Над полями свесился рыжий стручок месяца. То за ветром, то встречу ему плелся Гарига вдоль домов. Поравнявшись с подворьем Дюньдика, разглядел на крыльце силуэт старика. Ветер донес надсадный кашель, мимолетно плеснул дымком самосада. «Должно, Тайка курить на двор выгнала. Она у него хвора», – догадался Семен Минич и, вздохнув, потащился дальше. Из трубы балыкинского куреня поднимался дым, сбиваемый ветром, и он ощутил запах свежее испеченного хлеба: видимо, Пелагея готовила просфоры. Гарига прислонился к плетню, с неприязнью подумал, что не его, облеченного властью полицейского, почитают ныне в станице, а новоявленного попа. Даже Любаша наладилась ходить в церковь с богомолкой Марфой. До позднего вечера просиживала у нее за чтением библии. И ради чего он тогда себя не жалеет? Где людская благодарность? Вот сейчас мерзнет на улице, охраняя всех от партизан, а поп, небось, дрыхнет или крестит лоб в натопленной комнатухе... Душу залило обидой, и только мелькнувшая мысль, что немцы увеличили штат полицейских, призвав еще троих, отвлекла и малость успокоила...

Замкнув круг, Гарига вышел к площади. В затишке, за церковью, ветра почти не ощущалось. Он отер рукавом оледенелое бревно, устало сел. И снизу посмотрев на высокую стену храма, точно впервые заметил, сколь он огромен. «А ежели, на самом деле, бог есть? – негаданно кольнуло сомнение. И

Семен Минич почувствовал озноб, как от снежка, брошенного за ворот. Третий месяц служил он у немцев, и то, что поначалу дурманило, наполняло тщеславием и придавало сил, стало уже надоедать. Война затягивалась. Он немолод и гробить себя, прозябать, как пес, долго не сможет – не железный! Вставить бы дочке «глаз», отдать замуж за гуцула или немца, а самому – на покой. Награбил он изрядно: дорогих украшений, посуды, отрезов и одежды, запаса карабином и патронами. Поднакопил денегат. Можно сказать – разбогател! Хватит тянуть жилы. До тошноты обрыдли и немцы, и станичники со своими жалобами, воровством и скандалами. И что это за жизнь, когда запросто могут убить партизаны? Как ни храбрился он перед подчиненными, а подставлять башку под пули не хотелось...

Вкрадчивые шаги по затвердевшему насту стали слышной. Семен Минич встал, заполошно выглянул из-за угла. В мерклом свете месяца, напротив побелевших кустарников, четко выделялись два идущих к храму человека. Он выхватил из кармана пистолет и подбежал к кусту жасмина, растущего у церковного крыльца, присел. В ноздри ударил крепкий запах прели. Боялся шевельнуться, весь обратился в слух. Вот шаги гулко отдались по каменным ступеням, замерли у церковных дверей.

– Здесь тебя искать не станут. А после утрени отвезу в Егорлыкскую, – прозвенел высокий юношеский голос, и Гарига с удивлением сразу же узнал его. – Отец Антоний разрешил взять линейку.

– Листовки передай Любе, дочке полица.

– Да, она надежный товарищ.

– Мы вывесили на школе флаг Родины. Значит, в станице советская власть!

Заскрипела дужка большого амбарного замка.

Гарига, поднимаясь, зацепился головой за ветку, и она больно хлестнула его по глазам, сбила шапку.

Вгорячах он пальнул в небо, зашелся в крике:

– Стоять! Руки вверх!

Тот, кто был поодаль, в темном пальто и картузе, сорвался с паперти и успел прошмыгнуть в ворота каменной ограды прежде, чем вдогон полетела пуля. Гарига наставил пистолет на пономаря.

– Попался, сучонок?

Держа на прицеле Ванюшку, который не раз приносил дочери церковные книги, Семен Минич поднялся на паперть. Ненависть душила его – уж никак не мог заподозрить он в тщедушном парубке, божьем угоднике, лютого врага. Догадка, что это его Любашка заодно с партизанами, осенила и повергла Гаригу в оцепенение. И он доверился наитию, сменив гнев на милость.

– Ты не бойсь, Ваня, – вдруг ободрил Гарига. – Я шутовал... Приятеля твоего отпустил. Бахнул для блезиру... А про вас знаю. Мэни дочка казала.

Иван, оторопев от неожиданности, упрямо молчал.

– Али не веришь? А хто полицейских в засады отвел? Иначе как бы флаг вы повесили? – убеждал Гарига, а сам думал: «На самом деле промахнулся я, рохоба⁸... Надо было самому патрули водить...» – Не бойсь, я отпущу. Чи трэба обыскивать? Ты тильки кажи, с тобой есть що-небудь, улика яка... Ну? А то «орлы» мои наскочат... – увещевал Семен Минич, а мысли лихорадочно путались: «Вин знае про Любку... Запытают в гестапе и – развяжет язык... И Любке лагерь, и на мэна подозрение падэ...»

Иван наконец осмелился:

– Немного листовок. Клейстер замерз.

Гарига облегченно перевел дыхание и приказал:

– Давай их мэни, а я – Любке.

Иван рывком достал из-за пазухи газетный сверток. Гарига сунул его в карман тулупа. В про-

⁸Рохоба (донск.) – растяпа, неудачник.

лет крайней улицы донесся перебор скачущих лошадей, – подчиненные услышали выстрел. От фуфайки священнослужителя приятно пахло воском и еще каким-то сладковатым духом. Но пульсировала в голове жгучая мысль: «Сгубит усих нас...»

– Ховайся в церковь! – поторопил Семен Мич, и едва тот повернулся спиной, дважды нажал тугой курок. Паренек схватился рукой за дверную ручку, всхлипнул и упал ничком. Обезумевший от запаха пороха, Гарига пнул бездыханное тело носком сапога, пробормотал:

– Оце гарно... У бога теплийше...

Тут же с гиканьем подлетели конные полицаи, спешили. Поднялись на паперть, к своему командиру. А тот, рассказав, как выследил партизан, и дав приметы одного из них, сбежавшего, распорядился начать облаву. А самого младшего, тонкошеюго подростка, оставил у церкви и приказал:

– Сторожи и никого не подпускай. Стреляй без предупреждения!

...Он ворвался в собственный дом, матерной бранью разбудил дочку. Любаша, с расплетенными волосами, вскинулась, села с ногами на кровати, со страхом натянула на себя одеяло. Небывалая озлобленность сделала его зрячим даже в темноте. Он стегал кнутом укрывающуюся подушкой и одеялом дочку до тех пор, пока не выбился из сил. Любаша сначала кричала, молила о пощаде, а после терпела со сжатыми зубами...

Опомнился Гарига только на полпути к Управе, когда по непокрытой голове стала хлестать льдистая крупка. Он обнаружил в окоченевшей ладони кнут и остановился, по привычке намотал плеть на дубовый черенок. За много лет впервые испытывал он неприкаянность, точно лишился к жизни привязки. Родная дочка связалась с его врагами. Обида палила грудь.

– Лучше б мэни партизаны убылы! – плакси-во вырвалось у Семена Минича, и глаза на самом деле подернули слезы. А следом пронизал его острый ужас: замутненный взгляд различил у здания не акацию, качающую на ветру свои ветки, а большой скелет, простирающий костистые руки...

14

Поиски длились до утра – верхоконные полицейцы прочесали улицы и проулки, домчались до станции Егорлыкской, куда мог направиться беглец. А уж затем Касторный и Тимченко арестовали отца Антония, как раз в тот момент, когда он подходил к церкви. Ничего не зная о ночном происшествии, тот посчитал привод в полицию недоразумением и уверенно вошел в кабинет Гариги, захламленный седлами и амуницией.

– Что случилось? Вы помешали провести мне службу, – с укоризной сказал отец Антоний.

– Опосля узнаешь, – с ухмылкой отозвался Гарига.

– Люди пришли к заутрени...

– Сидай! Успеют лбы окрестить.

Отец Антоний, в пальто поверх черной суконной рясы и теплой скуфье, по-прежнему стоял, испытующе глядя на Гаригу.

– Погано дило, святой отец... Накрыл я партизанскую шайку. А в ней – твой пономарь Ванька. Ночью развешивал листовки, – и Семен Минич, взяв со стола, потрепал стопкой бумагу.

Отец Антоний вскинул разлтые брови. Слова полицейского он воспринял с недоверием.

– Мне об этом ничего неведомо. Я хотел бы поговорить с прислужником.

– Цього неможно. Хто к Ваньке приходил? С кем вин якшался?

– Чаше других, помнится, с ним общалась ваша дочь.

«И вин знает про Любашку, – насторожился Семен Минич. – Ще свидетель... Надо его в гестапо, в Егорлыкскую...», а вслух попенял:

– Ото ж, соседка сманила. Небось, поливала мэни Любка на исповедях?

Отец Антоний настойчиво напомнил:

– Мне нужно в храм!

– Там службы бильше нэ будэ! Повезем тэбэ, Меркулов, в немецкую комендатуру.

– Вы чините беззаконие, – сурово сказал отец Антоний. – Ни о каких партизанах я не знаю. Не берите грех на душу!

– А нехай до кучи! У мэни их три тележки, две арбы... Тимченко! – позвал Гарига, и когда невысокий, юркий и злой, как хорь, полицаи вошел, приказал: – Напой вороную пару и дай кукурузы! Днем тебе наряд в Егорлыкскую...

Женский слезный крик раздался на дворе. К нему присоединился еще один голос, и через минуту в кабинет заглянул прыщавый подросток, недавно призванный в полицию Алешка Брыкало:

– Господин начальник! Там это... пришли за убитым. Бабка Ваньки и тетка.

– Скажи, завтра! – грубо распорядился Гарига.

Отец Антоний, потрясенный услышанным, побледнел. В его расширенных глазах тяжелела скорбь.

– Пономарь Иоанн... погиб?

– Так точно.

Отец Антоний шатнулся, не сразу обрел самообладание.

– За свои деяния каждый ответит пред Господом. Вы – человек крещенный, господин Гарига... Вы должны отпустить меня, чтобы содеял чин отпевания новопреставленного раба божьего...

– Цьего неможно! – непримиримо отрезал Гарига. – Вин есть враг! А зараз мэни надо совещанье проводить... Брыкало, отвести в арестантскую!

И тот же подневольный новобранец отвел и запер отца Антония в дальней комнате на первом

этаже, с зарешеченным окном. В ней, пахнувшей камфарой, стояла одна кушетка. Вероятно, раньше тут размещался медпункт. Отец Антоний снял пальто и начал молиться...

А Гарига, посидев в одиночестве, преклонил голову на фашистское знамя, стоявшее в тумбе у стены, и задремал. Сновиденье было нехорошим, зловещим. Всё виделись галки, и слышались заунывные стенания... Разбудил его бас Тимченко. Оказалось, старшего полицейского повторно потребовал к себе станичный староста, хотя о том, что случилось ночью, ему было доложено.

Семен Минич, борясь с зевотой, поднялся по лестнице на второй этаж. Казалось, сон продолжался – слух ловил голоса певчих. Гулый, страдающий одышкой, часто носил грудь. Он метнул возмущенный взгляд на полицейского и, вскочив, жестом пригласил к окну.

– Полюбуйся...

На площади, перед входом в здание, теснилась толпа, пестрящая хоругвями. По всему, прихожане (в большинстве женщины) совершили крестный ход и теперь устроили молебствие с песнопениями перед Управой. Впереди с иконой Спасителя в руках стояла Пелагея Никитична Балыкина. Нестройный хор богомольцев то затихал, то начинал звучать с торжественно-горестным раскатом.

– Доигрался, копыто стоеросовое? – гримасничая, съязвил Гулый. – То, что партизаны повесили флаг у тебя под носом, доложил, а то, что арестовал священника, забыл. Главное, зачем это?

– Як зачем? Вин и есть главный бандит партизанский, – угнув голову, исподлобья зыркнул Гарига. – Це вин командовал ими...

– Одного ты убил. А где другие? И какие доказательства против отца Антония? Значит, надо было, оглобля дубовая, не трогать его, а взять под наблюдение...

Гарига спросонья соображал туго, но будучи абсолютно уверен, что прав, попытался возразить. Староста затрясся от гнева:

– Какой из батюшки партизан? Ты в своем уме?! Немцы открыли церковь, а ты, жук навозный, закрыл? Может, пора самого тебя закрыть?! – староста стукнул кулаком по подоконнику. – Вот что, Идиот Иванович... Ступай, извинись и освободи священника!

Но Гарига, молча снося оскорбления, наливался упрямой обидой, и потому неожиданно для самого себя явил дерзость:

– Немае у мэни попа. Отправил подводой в комендатуру.

– Пошли верхоконного, чтоб перенял... Живо!

Но обер-полицай, отчеканив «Есть!», всё-таки пошел старосте наперекор. Строжайше приказав подчиненным молчать, держал отца Антония в арестантской до следующего вечера. Смилоствовался только после похорон прислужника. Из Управы отец Антоний сразу направился в церковь...

Гарига и сам точно не знал, за что возненавидел священника. С одной стороны, поп, конечно, не связан с партизанами, для которых является антисоветским элементом, а с другой – баламутит и всё больше привлекает в церковь народу, в проповедях призывает к долготерпению и надежде во спасение. Чужал Гарига нутром – не немцам помогает он, а «Советам», и потому решил выжить попа из станицы, подстроить так, чтоб никто в комендатуре не сомневался, что он – вражина...

15

После Рождества немецкие войска начали широкомасштабное отступление с Кавказа. Вначале передвижение танков и полевых формирований по бывшему Тифлисскому тракту было упорядоченным, но с каждым днем – ускорялось, становилось неуправляемым и попросту превратилось в бегство. Обратной дорогой к Ростову катились танки фон Клейста, автомашины и самоходки мотопехоты, артиллерийские тягачи с орудиями. Вперемеж-

ку удирали с фронта кавалерийские части и конная жандармерия. Такого скопища оккупантов южные донские селения никогда не видывали!

Отец Антоний после утренней службы крестил в храме внуков деда Дюньдика. Сам старик и супружница его Таисия, приодетые, с угрюмо-напряженными лицами, держали свечи в вытянутых руках и строго наблюдали за тем, как дочка и ее подруга Ольга, будущая крестная мать, уговаривали Толика и Петьку не баловаться и слушаться священника, который согласился также стать их восприемником. Рядом крутилась девчонка постарше, их подружка, прибившаяся к соседке Вере. Известно было только, что она круглая сирота и жила прежде в городе.

В белой ризе, епитрахили и поручнях отец Антоний располагал к себе приветливостью лица и той мягкой степенностью, которая побуждает людей доверяться. Совершая таинство крещения, он всякий раз испытывал особое, ни с чем не сравнимое блаженное состояние. И сегодня в сумеречной малолюдной церкви, украшенной сосновыми ветками, с иконой Спасителя на аналое, всем сердцем ощущал благодатное присутствие Святого Духа...

После молитвенных обращений к Господу, приняв изустное отречение от Дьявола восприемницы, он подошел к большой медной купели. Оканчивая молитву, отгоняющую от крестильни лукавого, отец Антоний опустил руку и трижды сделал в воде знамение креста. Затем таким же образом осушил купель елеем.

В храме было довольно прохладно, и отец Антоний, хотя помощница и подогрела воду, решил ограничиться омовением лиц. Но казачата по команде деда стащили с ног валенки, сбросили на руки матери кацавейки и рубашки и голышом подбежали к купели. Смуглотелые, вихрастые, оба вопросительно-серьезно смотрели священнику в гла-

за. Отец Антоний, подхватив младшего из них, лет двух с половиной, опустил в воду.

– Крещается раб Божий Петр во имя Отца, аминь...

Окунув во второй раз:

– И Сына, аминь...

И в третий:

– И Святаго Духа, аминь!

Он надел на шею малыша нательный крестик и передал восприемнице, приготовившей полотенце. А затем, когда вытерли и облекли Петьку в белую рубашонку, миропомазал его, повторяя:

– Печать Дара Духа Святаго.

И как только священник обернулся, ожидавший своей очереди Толька ухватился цепкими ладошками за край купели и перевалился в нее, окатив священника брызгами. Троекратное погружение в воду воспринял он как забаву и постоянно улыбался, хотя дрожал, и на коже проступили цыпки...

Во время хождения вокруг купели с детьми и их крестной матерью, державшими в руках воженные свечи, в церковь ввалились гурьбой странные немцы в кубанках. Они обнажили головы и по-православному перекрестились. Выжидаяще стояли, пока не завершился обряд. На рукавах их мундиров чернели нашивки с черепом и костями. Наконец усатый немолодой вояка прогремел сапогами по каменному полу, подходя к батюшке, и отчеканил с лихостью, присущей казакам:

– Здравия желаю, святой отец! Унтер-офицер Кильпа второго эскадрона полка Юнгшульца! Герр подполковник приказал стать на постой в церкви, так как хаты в станице заняты другими частями под завязку. В нашей роте – кубанцы, люди верующие, шкодить не будем, – и тут же поправился: – На всякий случай благоволите замкнуть алтарь и уберите ценные иконы и тому подобное... Ждать нам некогда. Сутки с ко-

ней не слезали. Надеюсь, за полчаса освободите помещение?

Отец Антоний силился постигнуть сказанное кубанцем в форме вермахта и – молчал, пораженный злоумышлением. Это было немислимо и сопоставимо с нашествием бесов. И тем кошунственной представилось грядущее святотатство, что в душе его пребывало еще умиление от совершенного несколько минут назад таинства. Он встряхнулся и заговорил решительно, подчеркивая слова:

– Мы только отпраздновали Рождество Христово. Идет святочная неделя. В мир пришел Спаситель. В молитвах восславляется Пресвятая Богородица... А вы вознамерились осквернить Божью обитель? Господь через пророка Иезекииля свидетельствовал: в неправде своей, юже сотвори, в той умрет.

– Мы долго не задержимся, – перебил унтер-офицер. – Дня два, а то и меньше...

– Я не пушу вас в храм.

– Почтенный, выполняйте приказ! – громко прикрикнул унтер-офицер и, крутнувшись на каблуке, шагнул к выходу, уводя за собой подчиненных.

Дед Дюньдик, Пелагея Никитична и прислужница Лидия слушали разговор, стоя у амвона, и, когда церковь опустела, стали возмущенно советовать обратиться к Гулому. Но батюшка покачал головой и повторил слова апостола Павла:

– Беды приемлем на всяк час. Староста безвластен над воинством. Поэтому милостиво прошу вас разойтись по домам.

– А вы? – спросила Пелагея Никитична.

– Буду молить Господа отвести поругание...

– Тогда мы тоже с вами, – вызвалась бесстрашная казачка, и ее поддержали остальные.

– Нет. Эту ношу я понесу сам...

Когда в храме отец Антоний остался один, он запер изнутри входные двери на два железных

засова, выкованных давным-давно в станичной кузне, и вошел в алтарь. Он возжег лампадки высокого семисвечника и подождал, пока лепестки огня поднялись и затрепетали на сквознячке. Потом встал в горнем месте на колени у запрестольного креста и начал молиться. И с первых слов обращения к Иисусу Христу, Господу нашему, в душе замерцал тот чудесный молитвенный луч, который с каждой минутой обретал накал и таинственным образом помогал перестроиться и чувствам, и мыслям, и пребывать в свете лица Божия. Отец Антоний воздавал благодарение Спасителю и Богородице и покаянно просил очистить грехи и простить беззакония и не допустить вхождение нечестивых в храм...

Тяжелые размеренные удары в дверь быстро слились в сплошной грохот. Отец Антоний молился, не поддаваясь страху. Когда же услышал позади себя детский плач, встревожено оглянулся и вдруг заметил стоящую у полуоткрытых северных врат ту самую девочку в клетчатом платке и большой телогрейке, достающей до пола, которую видел сегодня во время крещения. Он поднялся и, выйдя из алтаря, ласково успокоил:

– Не плачь, милая. Я с тобой. И Господь с нами.

Глазастая девчонка, всхлипывая, стала умолкать.

– Как ты здесь оказалась?

– А я... я хотела, чтоб и меня... окрестили... Тетенька Вера послала. И сказала, чтоб дождалась, когда вы будете одни, и попросила вас... Вот я и ждала... За кучей дров... А теперь мне страшно... – и егоза вновь залилась слезами. – Это... это немцы хотят нас убить?

Отец Антоний руками поманил ее к себе. Она подбежала, обхватила его ручонками за пояс и, прижавшись, затихла. И, как ни странно, в эту минуту грохот пошел на убыль. Снаружи стали слышней разъяренные крики и брань. Похоже, рвущие-

ся в церковь немецкие казаки спорили, что делать дальше. Убедившись, что выломать дубовые створки на мощных петлях невозможно, они поняли: войти в храм можно было только одним способом – выбить двери взрывом.

– Как тебя зовут, голубушка? – спросил отец Антоний, по-отечески тронутый теплом, исходящим от ребенка.

– Люська. А мама звала Милой...

– Вот и я буду звать тебя так же.

– Нет, лучше – Люськой, – возразила девочка, и в дрогнувшем ее голосе послышалась боль, ограждающая самое сокровенное, что хранилось в душе – память о матери. И уловив это, отец Антоний прослезился.

Тишина росла. Она становилась звенящей. Тянулись минуты.

Отец Антоний повел девочку в подсобную комнату, где обычно трапезничал, зажег свечу и дал ей кусок печеной тыквы и полпышки. Наблюдая, как уплетает Люська за обе щеки еду, он мысленно благодарил Господа за чудесное избавление от осквернителей, за собственное спасение, а появление в храме ребенка отнес к благому знаку свыше...

Ранним утром Пелагее Никитичне удалось таки достучаться, и когда отец Антоний впустил свою хозяйку в храм, она с радостью рассказала, что в станице фрицев уже немного – они драпают на запад, а Гаригу снял староста с должности за то, что не впустил в свой дом ночевать казаков. Те пожаловались, и теперь бывший обер-полицай угодил собственной персоной в арестантскую...

– А я вам нашел новую квартирантку, – с улыбкой сказал отец Антоний, вопросительно глядя на хозяйку. – Девочку-сиротку. Спряталась в храме и была со мной это время... Отец у нее погиб на фронте, а мать – под бомбежкой, когда шли в беженской колонне. Приютилась пока у какой-то тетеньки.

– А сколько ж ей лет? – поинтересовалась Пелагея Никитична, ища глазами девчонку.

– Должна учиться в первом классе.

– Как отказать... Раз считаете, что нужно взять, значит, возьмем, – махнула рукой казачка и приободрилась, тоже посветлела лицом. – Ну, иде она? Показывайте свою находку... Чтой-то вы бледный. Часом, не захворали?

– Немного морозит... Ничего, не обращайтесь внимания. Господь отвел от напасти, и это великое чудо...

Но оптимизм отца Антония оказался поспешным. В тот же вечер слег он с высокой температурой. И как ни старалась хозяйка и ее неумолимая помощница Люська поскорей вылечить батюшку, готовя травяные и ягодные отвары, ставя банки, читая молитвы об исцелении, побороть простуду удалось только через две недели. Начал подниматься отец Антоний уже после Крещения...

16

Новый обер-полицай Касторнов продержал в арестантской Гаригу трое суток. Даже староста, взбешенный своеволием Семена Минича, удивился столь строгой мере. Еще вчера был Костя правой рукой обер-полицая, беспрекословно выполнял приказы, стараясь угодить и заслужить похвалу, а нынче превратился в девятнадцатилетнего Константина Ивановича. Широкие плечи, скуластое лицо с обрванным подбородком стали как бы выразительней и заметней, придав всему облику суровость, да и походка изменилась, обретя стремительный напор. При его появлении сразу возникала мысль: вот идет командир. И этот командир, посадив своего бывшего командира на галеты и воду, нарочито вызвал Гаригу среди ночи, желая поглумиться. Вошел тот понурый, по-стариковски шаркая сапогами.

– Ну, выспался, Минич? Отдохнул? – с мрачной иронией спросил кулацкий внук. – Думаю, пусть сил наберется. Кобылы на конюшне заждались.

– Жестокий ты человек, Костя! Приносила дочка харчи, а ты и на порог не пустил...

– Не Костя! А господин начальник полиции! Ты меня гонял почему зря, а теперь я рулю. Понял?

Гарига подавленно сгорбился и молчал. Он предполагал, что снисхождения от коварного помощника ждать нечего, однако такая встреча смутила даже его.

– О чем ты, Минич, думал, когда наставлял винтовку на военных? Это ж полк Юнгшultzа! На их месте я бы расстрелял тебя без суда и следствия. А они с уважением... Больше тысячи человек – сила! С красной кавалерией на Ставрополье рубились, фронтовики. А ты кто?

– А я такой же, как и ты, – огрызнулся Семен Минич.

– Поговори у меня! Посажу еще на недельку, прочухаешься... – от гнева у Кости затрепетали ноздри, и весь он напрягся, навалился грудью на стол. – Мне с тобой шутки шутить некогда. Отпускаю домой, чтоб переоделся и сейчас же принес свою форму. И сапоги сдашь. Да не забудь, Минич, уворованный карабин и ящик патронов... Я о них не забыл, не надейся... Понял?

Гул автомашин не умолкал за станицей, на ровской дороге. Временами доносился трескучий рев танкеток и самоходок,двигающихся по улицам. Святки в этом году выдались неровными, крепкие морозы чередовались с затяжными оттепелями. Этой ночью веяло с юга сырým теплом, тянуло бензиновой гарью, смешанной с горечью полыни и пресным духом размокшего чернозема. Как только Гарига оказался на улице, былая воинственность сполна вернулась к нему, несмотря на ощущение голода. За время, проведенное под арестом, он всё хорошо обдумал. Красная Армия гонит немцев вспять. И если попадетсá он чекистам, то суд будет коротким. Делать в станице больше нечего! Слнш-

ком много врагов и завистников нажил он за три месяца. Опять же – в немилость попал к старосте и немцам. Надежда на гуцула Стефана не оправдалась. Неизбежно пришлось бы проситься опять в конюхи, навоз ворочать... Но этому не бывать – недаром глотнул он приворотного зелья власти, поднявшего над другими и отравившего гордыней, и теперь ничто не могло заставить его стать прежним, подневольным. Решение Гариги было твердое и бесповоротное: уехать с дочкой подальше, в Краснодар или Таганрог, где никто их не знает. Золотых украшений с камнями и денег у него хватит, чтобы купить приличный дом (благо теперь много пустующих) и жить там втихаря, не высовываясь и не привлекая к себе внимание. Глядишь, в городе и Любаша скорей пару найдет... И скрыться, покинуть станицу необходимо сей же час, чтобы не хватились его бывшие подчиненные. Первым делом – дать команду дочке собираться, затем на конюшне запрячь в бедарку Кугута, которого не всякий верхоконный догонит. Если спроворить до зари, то к полудню можно далеко домчаться...

Пока шел по улице, до звона в голове наслушался капли и надышался запахом талой воды. Ноги сами несли его к дому, и думалось о перемене жизни, о скорой весне. На пустыре белел снежок по сохлону спорышу, и ночь как будто посветлела.

С недоумением увидел Семен Минич в своем дворе подводу. А лошадей, видимо, коноводы увели в другое место. Он минул брошенную кем-то нараспашку калитку. Поверх сена в телеге лежал армейский брезент. «Оце так... Сами хозяйнуют!» – опалила догадка, и ненависть затуманила голову. Обогнув крыльцо, он достал из тайника в сарае карабин быстро зарядил. Прислушался: в хате немела тишина, хотя окна горницы были озарены керосинкой.

Входная дверь была незапертой. Гарига вошел в коридор. Из передней слышался звук, похожий

на гуденье закипающего самовара. Оружие было снято с предохранителя, и он был готов на всё.

Рывком толкнув внутреннюю дверь, Семен Минич ступил в горницу. И оторопь пригвоздила его на месте. У стола, заставленного пустыми бутылками и тарелками с остатками пищи, развалившись на стуле, храпел лысый немолодой кавалерист, со спущенными до колен штанами. А его сослуживец, черноусый верзила, спал на топчане кровати, вытянув ноги в грязных сапогах. В комнате было угарно, и стояла едкая сивушная вонь.

– Любка! – отрывисто позвал Семен Минич и, не получив ответа, повысил голос. – Люба!

Успокоившись, что дочери в хате нет, и проклятые чужаки пили одни, Гарига всё же прошел в зал, заглянул в спальню и обмер: кровать темнела голой сеткой, а перина валялась на полу. Дрожащими руками он достал из кармана штанов зажигалку. И увидел страшное: перину пятнали капли крови, а ночная сорочка дочери, располованная вдоль, висела на краю кровати спинки.

– Ссильничали... – выдохнул Гарига, не слыша собственного голоса. – Издевались...

Шифоньер с дочкиными вещами зиял открытой дверкой, и он даже заглянул вовнутрь, уловил запах духов «Красная Москва», которыми Любаша пользовалась и очень берегла. Снова оказавшись в горнице, Семен Минич хотел сразу убить обоих, но страх за дочку пересилил. Запальчиво дыша, он выбежал на крыльцо, лихорадочно соображая, где она могла спрятаться. И вдруг осенило: она наверняка у богомолки Марфы! И, может, не над ней надругались, а над другой бабой?

Семен Минич долго стучался в ставню соседского дома. Наконец из-за закрытой двери Марфа тревожно и скрипуче выкрикнула:

– Кто там? На постой не беру, и еды – крохи нетути...

– Это я, Минич. У тэбэ Любаша?

Дверь приоткрылась. В образовавшуюся щель старуха проворчала:

– Какого лешего будишь? Нетути ее у меня. Второй день не приходила, как на постой у вас анчутки стали...

Гарига прибежал домой, не обращая внимания на боль в сердце. Карабин тяжелил руку, и он приставил его к крыльцу. И решил не медлить с расправой! Он зашел за хату, где был дровяник, и удивился тому, что ворота его открыты. Значит, и здесь побывали чужаки, топя печь. Он наклонился, нащупывая в темноте топор, и вдруг головой задел за что-то. Вскинул глаза и у самого лица увидел голые ступни, поплывшие от него в сторону... Дико закричав, Семен Минич сел на землю. Не веря, что это может быть, содрогаясь всем телом, он смог достать и щелкнуть своей немецкой зажигалкой. У стены кособочилась лестница, а на потолочной перекладине, захлестнув бельевую веревку, висела дочка в желтом, недавно сшитом платье...

Обезумев, он срезал веревку, на руках занес Любашу в зал, положил на чистую кровать. И глядя девичьи коченеющие руки, твердил одно и то же:

– Ще тэплэ'ньки... Ще тэплэ'ньки...

Вдруг из горницы донеслось пьяное бормотание. Гарига как будто очнулся! Ему больше не стоит бояться пролитой крови в собственной хате. Все равно больше здесь не жить... И старым кухонным ножом он с ожесточением прикончил тех, кто забрал у него дочь...

И после этого Гарига точно бы отрезвел. Уложил в вещмешок шкатулку с украшениями, деньги, патроны, две пары запасных шерстяных носков, немецкий штык-нож, нитки с иглой и пожелтевшую семейную фотографию, на которой были он с женой и маленькая дочка, Семен Минич вынес его во двор и повесил на стоянок калитки. Затем из канистры облил керосином горницу, на минуту задержался в зале, прощаясь с Любашей. Горе гнуло

его к земле, когда выходил он в последний раз из своей хаты сбивчивой походкой, воспринимая все это как бы во сне...

Пламя, подхваченное сквозняком, побежало с крыльца в открытую дверь, гулко объяло горницу, промелькивая языками в окнах. Гарига забросил карабин за плечо и зашагал через сад к речке. Несмотря на оттепель, лед на Мечетке был прочным, и он быстро оказался на левобережье, где были когда-то отцовские виноградники. Путь лежал на запад, и он торопился как можно дальше уйти от станицы. А за спиной вставало, разрасталось зарево пожара. Но Гарига ни разу не оглянулся...

17

Утром тридцатого января Люська прибежала домой с возбужденным криком:

– Наши пришли! Наши солдатики... Дяди красноармейцы на танке примчались... Ура-а!

Пелагея Никитична, всплеснув руками, бросилась к образам, шепча благодарственные слова молитвы всем святым. И отец Антоний, встав с кровати, перекрестился и произнес:

– Слава Тебе, Господи, слава Тебе!

Однако осунувшееся после болезни лицо его осталось невозмутимо-задумчивым. Он жалел о потерянных днях, которые отняла у него болезнь, о несостоявшейся крещенской литургии, о несовершенных требах и проповедях, о непрочитанных часах. Душа рвалась в храм, к прихожанам. Но это стало уже несбыточным. Господь не впустил в храм одних безбожников, теперь пожаловали другие. Он испытывал двойкие чувства: и радость от изгнания оккупантов, и печаль от неизбежного закрытия храма.

Оказалось, не один он думал об этом. Пелагея Никитична вошла в его комнату с решительным видом. Опустилась на стул возле письменного стола.

– Может, поднять людей и всё из церкви перевезти к нам? Иначе разграбят или сничтожат.

– Офицерам Красной Армии не до этого. Нам скажут, когда освободить здание.

– Ой ли? В искушение легко впасть. Я советую забрать.

– Ну, хорошо. Убедили.

И часа через три отец Антоний расслышал по- нукание и увидел в окно, как к воротам подъеха- ла груженная подвода. Шел снег, и белыми от него были гривы лошадей и одежда кучера Агафона. Следом дошагали дед Дюньдик, тот самый Вить- ка, который отличился при ремонте церкви, и хо- зяйка. Старик сдернул с воза дерюжку и на пару с подростком стал носить иконы, подсвечники, об- лачение батюшки, священные сосуды, хоругви и разную мелкую церковную утварь во времянку. Под конец подняли со дна фурманки огромную купель и даже – аналой. Отдельно внесли в курень в двух чистых мешках убранство алтаря – предметы с Престола и жертвенника, запрестольный крест и семисвечник.

Дюньдик разговорился с батюшкой. Узнав, что дело пошло на поправку, простодушно обрадовал- ся и посулил прислать внучонка Тольку со щукой, которую забил острогой. Напоследок поделился новостями.

– Набилось в станицу танков, а мост взорван- ный. А по всему этому берегу, по низине, мины расставлены. Саперы туда-сюда, а как под снегом отыщешь? По колено лег. Да... Слыхал, будто Гари- гу поймали.

Вечером при свете жирника Люська играла в горнице с тряпичной куклой, а отец Антоний и Пе- лагея Никитична сумерничали в зале. Разговор вя- зался обрывистый. Оба скрывали непреходящую тревогу, тягостное ожидание ареста.

– Так я притянулась к церковной жизни... Аж не верится, что – всё... – вздохнула Пелагея Никитич- на. – Только стали люди приучаться... И нехай бы церковь была! Кому мешает?

– Всё же мне немного удалось, – с грустью признался отец Антоний. – Старался вести службу и проповедовать так, чтобы храм каждый день был заполнен. Веру Божью надо открывать людям просто и радостно, не устрашением Суда Небесного. Давать ее в руки, как детям дают на Благовещение птиц. Чтобы ощущали трепет в душе и помнили, что потерять ее, спасительницу, можно безвозвратно... А я не смог справиться.

– Какое там! По воскресеньям негде было стать. Со всех концов района приезжали. Аж из Сальска! – возмутилась хозяйка. – Скольким людям надежду вернули, утешение дали! Одной церковью и жила станица в эту темень военную. А на кого надеяться, когда фашисты кругом? Только на Спасителя. А кто к нему путь укажет? Вы! И нечего на себя наговаривать...

– Меня принимали в храме как пастыря. А когда заболел, пришли проведать только трое. Вот насколько велика сила веры Христовой и сколь несовершенен наш мир. Он погряз в грехах и в лукавстве, и священнослужители приставлены спасти его. А нам не позволяют! Отгоняют нас от людей бичами и запретами...

– Вот это правильно. Одни люди благодарные, другие – завистливые и корыстные. Кто по заповедям живет, а кому Христово учение без надобности. Но про вас худого словечка я не слыхала!

– Православная душа у вас, Пелагея Никитична. Без края.

– Тоже скажешь...

– Что бы я делал без вашей поддержки? Даже из полиции помогли выйти! Если бы у меня была возможность выбрать крестную мать, то я указал бы на вас...

Через день за отцом Антонием пришли двое особистов: конвойный солдат и младший лейтенант, с орлиным носом и сросшимися бровями. Они

без стука вломились в курень, хмурые и злые, фуражками напоминая синеголовых павлинов.

– Тут живет священник? Это вы? Собирайтесь! – на одном дыхании выпалил лейтенант.

– Он еще хворает, две недели с кровати не вставал, – пыталась защищать Пелагея Никитична. – Дайте сил набраться хотя бы до завтра.

– Мамаша, болезнь устав не отменяет. Незнание закона не освобождает от ответственности, – щегольнул красноречием парень и, желая выбить почву из-под ног, прикрикнул: – Поживей, Меркулов!

Люська потрясенно смотрела то на красноармейцев, то на бабушку Полю. Ее детский разум не мог постичь, почему дяденьки, которые прогнали немцев, забирают батюшку, такого замечательного и доброго человека...

Штаб дивизии разместился в школе, два смежных класса были отведены под Особый отдел. Священника больше часа допрашивал сам начальник отдела майор Веденский. Вопросы были разные, в основном, провокационно-глупые и, отвечая на них, отец Антоний с трудом сдерживал раздражение. Услышав «Увести!», он понял, куда...

Тюремным помещением оказался подвал, приспособленный под плотницкую. Сведя по ступеням, конвойный подтолкнул попа в рясе в отомкнутую дверь. В холодной темнице с маленьким оконцем ощущался запах лака и сырости. На земляном полу курчавилась мелкая стружка, валялись опилки досок. На одном из двух верстаков, подстелив черный тулуп, сидел сгорбленный мужчина.

– Оце так! И тэбэ, Николаич, захомуталы? Ласкаво просымо! – со злорадством встретил Гарига. – Вдвох будэ веселейше.

Отец Антоний, неприятно удивленный встречей, промолчал.

– Оце твоя лежанка, – показал Семен Минич на соседний верстак. – Занимай зараз, а то приведут ще когось.

Не дождавшись ответа, он лег, поджав к груди колени, чтобы согреться. И через минуту захрапел на всю ивановскую. От сапог отдавало тиной и навозом. И Меркулову ничего не оставалось, как снять пальто и, подстелив его, тоже прилечь на доски, чуть пахнувшие сосною. Оправив рясу и наперстный крест, он положил руки под голову и закрыл глаза. Вот и случилось то, о чем знал заранее. И приближается час земного судилища. Его он, в сущности, не боится, ибо сознательно шел к этому дню всю жизнь, пребывая в свете лица Божия. Только бы не поддаться унынию, не растратить смиренного терпения и принимать всё безропотно, с благодарностью Господу...

Семен Минич проснулся, откашлялся и сбросил ноги с верстака.

– Колы ж воны исты принесут? – пробубнил он сердито. – Сутки голодом мордуют...

Полдень заметно посветлел. Но поэмка по-прежнему с шорохом бросала в оконце мелкий снежок. Солнце прочертило узкую синюю тень от здания по просторному двору.

– Чи живой, Николаич? – окликнул Гарига. – Давай балакать. А то бильше нэ придется. Ты кажи мэни, як так, що ты, божья людына, вместе со мной в заточень? Иде ж твой Иисус? Чому не помог?

– Он и сейчас мне помогает, – отозвался отец Антоний и тоже поднялся, стал на землю. – И я знаю, что Господь видит меня.

Гарига нехорошо засмеялся.

– Мы стобой, як два чёбота. Утэбэ ни семьи, ни детей немае, и я – круглый бобыль... – он вдруг всхлипнул. – Дочки лишился... Прокляти казаки... Ото ж... Ты при советах и при германской владыке сидел...

– По вашей милости, – уточнил отец Антоний. – Хотя знали, что вины моей нет.

– Знав, а припугнуть надо було... И я при тех же властях в пленники попадал. Так що мы – одинаковые с тобой. Вот и ряди! Я жив, як хотел, вольно.

Баб имел, водку пил, грабил, командовал полица-ями, богатство наживал. А сколько рабов Божьих на тот свет отправил? Усих не упомяну! Хозяином жизни був! А ты? То рясу носил, в церквах пропадал да молитвами забавлялся, то в лагере срок тянул, хуже пса на цепи, то на счетах костяшки перекидывал. И що? Оце життя?

– Вы заблуждаетесь в том, что живем только на Земле. Душа бессмертна, она дается Господом и забирается им. Вы же согласны, что у вас есть душа?

– А що це такэ? – ернически спросил Гарига.

– То, что заставило вас сейчас заплакать. Она в тенетах грехов, в дьявольской мгле... Но действительно есть! И после успенья предстанет на Суд Божий... Вы усомнились в том, что я выбрал счастливую судьбу... Послушайте, с юности мне не надо было иного, как жить по заповедям Христовым. Но лукавый много раз искушал, и я, грешник, каюсь и отмаливаю грехи... И скажу вам первому, что всю жизнь пытался добром заслужить оправдание перед Господом. Праведность и оправдание не только созвучные слова, но и неразделимые понятия...

– Якщо бога немає? – перебил Семен Минич уже неуверенно, без прежней насмешливости.

– Есть. И он рядом...

Гарига зябко передернул плечами.

– Ну, мэни зараз каятьса поздно... Козырей перед божинькой не запас...

И вдруг услышав скрежет замка, испуганно повернул голову, с дрожью бормотнул:

– За кем?

Из-за приоткрытой двери сурово выкрикнули:

– Гарига, на выход!

Семен Минич стал торопливо натягивать свой черный, без знаков отличия, полицейский китель, скороговоркой пытаясь отвлечься.

– Я до хутора Кавалерского уже дошел... Взял вдоль берега, щоб не побачилы. А там снега по ко-

лено, в копань провалился. Глубокая копань. Попал как кур во щи. А то убег бы и никто сроду бы не арестовал...

– Кому говорят?!

Семен Минич неузнаваемой походкой, еле передвигая ноги, поднялся по ступеням и круто оглянулся, выдохнул:

– Прости мэнэ, Николаич... – и в его глазах темнел покаянный страх.

– Бог простит, – успел ответить священник.

Отрывистые команды во дворе вскоре заставили отца Антония подойти к окну. С первого взгляда он всё понял. Отделение солдат было построено в шеренгу. А трое конвойных вели к ней Семена Минича со связанными за спиной руками. Он валко ступал по снежной пелене, опустив голову. И вдруг упал на колени, начал переступать ими, оставляя борозды, моля о пощаде того самого лейтенантика, со сросшимися на переносице бровями. Двое конвойных подхватили Гаригу под мышки, поволокли к означенному месту.

Отец Антоний отошел от окна. Раскатистый на морозе залп заставил его вздрогнуть и перекреститься и прочесть заупокойную молитву о новопреставленном рабе Божьем Симеоне. Потом он стал ходить по подвалу. Вскользь подумалось: расстреливают, как правило, всех разом...

Спустя несколько минут пришли и за ним. Отец Антоний не стал надевать пальто. Незачем...

Снова он оказался перед Веденским. Но на этот раз майор, невысокий, широкоплечий мужчина, смуглым лицом напоминающий Файта, сменил манеру общения.

– Вас положительно характеризуют многие люди. В том числе бывший председатель колхоза, орденноносец Ершов, – и, достав папиросу, постучал мундштуком по крышке портсигара, неторопливо чиркнул спичкой, прикуривая. – Принципиально не пользуюсь зажигалками...

И эта простая фраза как бы располагала к доверительности.

– Честно говоря, я хочу сохранить вам жизнь. Товарищ Сталин встречался с православными иерархами. У нас с вами общий враг – гитлеровская Германия... Но как же вы, образованный, интеллигентный человек, осужденный за контрреволюционную деятельность, отбыв заключение в лагере, решились служить немцам?

– Я служил в храме Богу, а не немцам.

– Погодите... Церковь открыта по распоряжению немецких властей. Так? Вы получали денежное вознаграждение...

– Нет. Я не взял ни копейки, хотя предлагали.

– Вот я и говорю, что вы добровольно изволили принять церковный приход. Фактически стали в административную зависимость от немецкого старосты... И это тянет на несколько статей, в том числе и на 58-ю. Вы уже осуждались по ней, и второй раз, уверяю, применят высшую меру наказания. ВМН, как пишется в протоколах.

Веденский сильными затяжками докурил папиросу и замаял в стакане, уже полном окурками.

– Мы – не немцы. Вашего полица, матерого убийцу, следовало принародно повесить. А мы пожалели людей – и так натерпелись жестокости... – сплетал свою речь майор из угроз и участливых фраз, стараясь сломать психологическую устойчивость арестованного. – Если вы поможете нам, я гарантирую вам свободу. Более того, дам выписку из протокола, что вы выполнили специальное задание Особого отдела. Думаю, у следственных органов к вам вопросов больше не возникнет.

– Что мне нужно сделать? – спокойно спросил отец Антоний.

– Помочь Красной Армии. Немцы взорвали мост и заминировали берег. Толстый слой снега и ямы мешают саперам. Танки стоят. А рота дивизионной разведки кукует на улице. Нужно найти проход...

– Я должен пройти на противоположный берег?

– Вы поняли меня правильно.

Отец Антоний несуетно поднялся.

– Я готов.

– А почему вы без пальто?

Священник не отозвался.

Его привезли в кабине полуторки к реке. Оси-
янный солнцем цепенел морозный день. Глазурная
снежная пелена вокруг, скаты сугробов и наметов
в заречье слепили до стеклянных мушек в глазах.
Следом подъехал на трофейном «Опеле» майор
Веденский. Появление батюшки в расположении
роты удивило небритого зеленоглазого коман-
дира в белом маскировочном халате. Его отозвал в
сторону особист. Совещались они недолго, и Веден-
ский представил сослуживца:

– Капитан Акименко. Он объяснит вам задачу.

Зеленоглазый, видимо, смущаясь тем, что впер-
вые в жизни давал приказ священнику, отчеканил
низким голосом:

– Задача простая. Хоть напрямик, хоть наиско-
сок выйти на левый берег. – И, подумав, добавил.
– Старайтесь ступать отвесно.

Отец Антоний, щурясь, огляделся. Станица под
толстым снежным покровом была неузнаваема,
празднична. Вездесущая детвора на пригорке не-
подалеку каталась на санках. По-бальному были
нарядны и пушисты заснеженные вишни вдоль
плетней. И среди этой белизны выделялась высо-
кая фигура священника в черной суконной рясе
и скуфье, с отблескивающим на груди большим
серебряным крестом. Бойцы, сойдясь у танкетки,
говорили приглушенно, с любопытством рассмат-
ривая станичного батюшку и не ведая еще, зачем
он здесь.

Отец Антоний прочел про себя «Отче наш» и
«Царю Небесный» и, продолжая читать молитвы,
двинулся по спуску, проваливаясь в снегу выше
голенщик. До выбранной им цели на другом бере-

гу, геодезического курганчика, было не более версты, но идти оказалось трудней, чем предполагал. Несмотря на подмотанные портянки и толстую кирзу сапог, ступни быстро оконечели. Лицо жгуче опахивал ветер. Ступать так, как советовал командир разведчиков, не получалось – болели колени. Сквозь молитвенные слова стал вдруг слышаться ему непонятный, как будто струнный звук. И отец Антоний почему-то вспомнил о Файте, о его прощальной музыке. И решил, что близок миг откровения – исхода души из земной юдоли. Он и страшил немного, и притягивал тайной неизвестностью – как внидет душа в Царствие Небесное...

Между тем, меряя шаги, он дошел до середины луга. И заметил странную закономерность: неотступный звук то усиливался, то стихал, как только вилял он в сторону. И стал старательно внимать ему, ведущему вперед, словно невидимая нить.

Однако силы таяли. Все больше думал отец Антоний не о себе, а о том, что подведет зеленоглазого командира. Судя по открытому лицу, это был хороший человек. С Божьей помощью он должен пройти! Разведчики и танки нужны на фронте, под Ростовом. И копя энергию, стал чаще останавливаться, пережидать одышку...

На полдороге, когда уже ступил на речной лед, его догнал девичий крик:

– Ба-атю-юшка!

Он оглянулся и метрах в ста увидел догоняющую его Люську. Неугомонная девчонка, не бежала, а скакала, принаравливаясь к его следам.

– Стой! – попытался остановить ее отец Антоний. – Марш назад! Кто тебе разрешал идти за мной?!

Люська замедлила шаги.

– Кому я говорю! Сейчас же иди домой!

– А я вам часы принесла, – звонким и упрямым голосом откликнулась своевольница. – Вы их забыли...

– Немедленно домой! Иначе жить у нас не будешь, – использовал отец Антоний последний аргумент, хотя ни за что бы не расстался с потянувшимся к нему ребенком.

Девочка отстала, но уходить и не собиралась.

И только когда отец Антоний с трудом вскарабкался по глинистому крутояру на берег и взошел на курганчик, где была треногая вышка, она смело направилась к нему.

Отец Антоний ничего ей больше не сказал. И выглядел он постаревшим: бороду то ли припорошило, то ли на самом деле побелела за полчаса, пока проходил минную полосу. Он, что-то шепча и улыбаясь, смотрел на станичный берег, с которого цепочкой стали сходить красноармейцы. Молчала и Люська, размахивая голубым, как небушко, платком, сдернутым с головы, и слушая, как в ладони отца Антония тикают принесенные ею часы...

Румяной радостной весны!
Что ей, весне, твои печали!
Несхожи вы, как день и ночь.
Она резвится и ручьями
Тебя, седую, гонит прочь.

Беспечна юность, в думах
старость:

Что принесёт ей новый день?
И сколько дней ещё осталось
Ей, прежде чем заступит в тень?

Не примирить тепло и стужу,
Но неразлучны тень и свет,
И в умирании недужном
Зимы
родится первоцвет.

Тот, что с рожденья до могилы,
Не отменить круговорот.
Так припаси же мудрой силы
Благословить весны приход!

Рек пульсируют вены
В юном теле весны.
Ландыш мой сокровенный
Под кустом бузины!

Белый, нежный, невестный,
В росах утренних свеж.
Свой весна повсеместно
Утвердила рубеж.

Нет конца ей и краю!
Даль прозрачна, чиста.
Внове жизнь начинаю
С голубого листа.

Чистый лист мой небесный,
Ненаписанный стих!
Я с тобою воскресну
Для восторгов земных.

Расцвету, как черешня,
Головою седой.
И баском пусть окрепшим
Грянет гром молодой!

Гляжу я, как, поглупела ты,
Душа моя!
В какую впала ересь,
Коль май тебе охапками – цветы –
Сирень, тюльпаны – это что за прелесть!

И ты уже готова на крыло
Встать и на курс весенних дней ложиться,
Как будто бы тебе не тяжело
В царевну-лебедь вдруг преобразиться.

Самой себе я говорю: окстись!
Ты в зеркало гляделась ли намедни?
Пойми, взглянув: какая тебе высь?
Забудь, забудь скорее эти бредни!

Но что ей, той, кто с Музою блажной,
Стыд позабыв, шась – на лужок поёмный –
С весною хороводить:
Боже мой,
Уж как же с ней попляшем, попоём мы!

Как взмоем в эту неземную высь!
А ты, моя премудрая сестрица,
Ворона, только каркай и гордись,
Что можешь сердца глупого стыдиться.

В тихой заводи речной
На кукуане – ветке ивы
Бьётся рыбкой золотой
Месяц в доле несчастливой.

Он попался! Не беда,
Ветвь я отведу рукою:
Пусть дремотная вода
Светлый сон его покоит.

Влажно дышит тишина
На смежённые ресницы.
За спиной моей одна
Прокричала в грёзах птица.

Из ночных всех голосов
Только лай собак и слышен.
Знать, созвездье Гончих Псов
Опустилось к нам на крыши.

В промежутках тихий звон
Колокольчика заречный –
Конь пасётся...
Сон не сон –
Жизни краткий миг и вечный.

Что соловей, эстрадный тенор?
Горластое «ку-ка-ре-ку»
Его затмило здесь. И в тему
Звучит топорное «ку-ку».

Здесь звуки первобытно грубы,
Так заступ груб в моей руке.
Играет в духовые трубы
Коровье стадо вдалеке.

В малиновом жилете дятел
Ударник свой настроил в лад,
И солнца жаркие объятья
Всё нежат с головы до пят.

Гроза весенняя озоном
Оживший напоила сад.
Приправлен запахом назёма
Цветенья тонкий аромат.

В круговращении кипучем
Басят меж гуда пчёл шмели.
Труда симфонией озвучен
Простор проснувшейся земли.

И мне бывает не до грусти
В борьбе азартной.
Только – рrr-аз! –
И под железом острым хрустнет
Корнями перевитый пласт.

Раненая плакала лозинка,
Падали на землю капли слёз.
Вышла вот в делах моих заминка.
Не смешно ль печалиться всерьёз?

Что ты сделал, инструмент
мой острый?

Это не засохший ведь сучок.
И кропил отжившей ветки остов
Чистый и прозрачный жизни сок.

На ухо сползла моя косынка,
Молвил ветер, дунув мне в лицо:
«Не погибнет юная лозинка,
Рана заживёт в конце концов!»

Падали слезинки и иссякли...
Капнула раздумчиво одна
На ладонь... Пригубила ту каплю,
И очнулась вдруг во мне весна!

Боже мой, я ветру, солнцу рада,
Изумрудной зелени травы!
Живы сухожилья винограда,
А казалось до того – мертвы.

Заблудился во ржи василёк.
Обступили пришельца колосья:
«Ты зачем к нам пришёл, голубок?»
Но отпрянул цветок – укололся.

И шершавый шуршал шепоток:
«Он ненашенский. Экий невежа!
Зёрен нет в нём. Зачем он, цветок?..»
И грустил василёк этот нежный.

Тот вопрос только с виду нелеп,
А на деле встаёт ежечасно:
Что нужней – красота или хлеб?..
Не грусти, василёк мой прекрасный!

Причуды любви

*Мои глаза в тебя не влюблены, -
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.
Шекспир. Сонет 141*

Влюбляются однако же в прекрасных.

Сражён был красотой и пленён
И он, «потомок негра безобразный»,
И гений тот, что не был Аполлон.

Известно, кем «огончарован» Пушкин,
Кем вдохновлялся Лермонтова стих.
Один Тургенев полюбил дурнушку,
И час последний с ней его застиг.

Она блистала певческим талантом,
Ей так к лицу был этот бриллиант.
И был в душе поклонник музыкантом.
Однако это редкий вариант.

И если только к женщине мужчина
«Неровно дышит» не из-за красоты,
Ни бог, ни чёрт тут не найдёт причины,
А дьявол усмехнётся лишь в усы...

Подруга, говорю, не обаяйся
В любой поре, хоть на пороге смерти,
Издалека на подвиги безумства
С улыбкой снисходительной смотреть.

Цветаевой костёр не разгорелся б,
Скорей всего бы угольком сотлел,
Когда б она не падала на рельсы,
Да и в трубу случалось на метле.

Пусть чопорные правила кому-то
Дороже даже матери родной,
Но, погляди-ка, не одну попутал
Бес, рожицы нам корча за спиной.

Поэт

Дитя двух стихий – океана и неба,
Ему задышаться на грубой земле.
Поэт! Ты – дельфин. И добру на потребу

Ты выброшен бурей – испечься во зле.
На душной полоске побыв хоть недолго,
На собственной шкуре нежнейшей своей
Поймёшь, что в страданье становится Волгой
Тебя ожививший банальный ручей;

Что зла и добра соразмерность едина;
Что выбрать по росту и зло предстоит.
Не знает Поэт золотой середины –
В нём лишь сердцевины сплошной монолит.

Любовь, как детёныша, бросив в пучину,
Трусливый, бежит от себя человек.
И есть отчего улыбаться дельфину:
Он – вынес! Он – спас! То, что слабый отверг.

И кроме любви, за Поэтом вины я
Не вижу.
Но есть в нём смертельный изъян:
Дельфину убийственны ласки земные.
Волна!
Уноси ж его прочь –
В океан!..

Сторож

(глава из романа)

Пелена опускалась не очень быстро. Настолько плавно, что электричка, набитая людьми и шедшая как раз через центр будущей Сферы, успела проскочить все пространство и благополучно прибыла на следующую станцию. Пассажиры испытали лишь мгновенное помутнение сознания. Но вот что странно: никто из них не заметил ничего необычного. Мало того, они не помнили, что с ними случилось.

А пелена все опускалась и опускалась, пока не достигла земли. Но не прекратила движения и, как потом выяснилось, на глубине примерно трехсот метров сомкнулась в полусферу.

Одновременно образовалась и верхняя часть Сферы, так что в скором времени на этом участке появился огромный непрозрачный шар.

Который, впрочем, таким оставался недолго. Внезапно непрозрачность словно растворилась в воздухе, и все стало видно, как обычным солнечным днем. Вот только...

**ИГОРЬ
БЕРЕГ**

Проза

Сфера осталась. Непроницаемая сфера. Отныне доступ на пространство, которое она занимала, был закрыт для любого живого существа. Даже для птиц и животных.

Нет, она не била, к примеру, током любого, кто к ней прикоснется, не отталкивала, ничем не угрожала. Она просто не пускала внутрь себя.

Естественно, люди старались в нее проникнуть. Таково уж свойство человеческой психики: если существует какой-нибудь запрет, надо его нарушить. Поначалу пробовали всяческие научные способы: просвечивали всеми лучами, которые существовали в природе, пытались просверлить, прожечь лазерами. Единственное, что удалось определить, – да, это закрытое пространство в форме сферы, окруженное прозрачной, практически невидимой оболочкой такой прочности, что ее нельзя разрушить никакими имеющимися на Земле средствами.

От отчаяния пытались даже стрелять по сфере из пулеметов и пушек. Но скоро оставили это бесполезное и опасное занятие, поскольку пули и снаряды рикошетили под тем же углом, под которым были посланы в оболочку сферы. Результатом были несколько разбитых пушек и раненых солдат. Внешне пейзаж внутри сферы абсолютно не менялся. Но должно же там было что-то происходить?! Просто так в мире ничего не случается.

И тогда кто-то из ученых вспомнил, что на этом месте, вон там, на взгорке, несколько лет назад военными было уничтожено какое-то газообразное облако, которое позже признали пришельцем из космоса. И с этого момента сфера стала Сферой.

Попытки проникнуть внутрь продолжались еще какое-то время. Нашлись умники, предлагавшие использовать для взлома ядерный заряд.

Но Сфера находилась на территории курортного региона и от этой идеи быстренько отказались. Со временем интерес к артефакту угас, железную дорогу проложили в обход зоны Сферы, и жизнь пошла дальше.

А потом появились слухи о каких-то «Серых цветах» – странных образованиях биологического характера, которые, якобы, излечивают любую болезнь. Абсолютно любую! Хоть рак в любой стадии, хоть слепоту, хоть повреждение позвоночника. Все, что угодно!

Компетентные органы сильно заинтересовались, провели расследование, даже добыли несколько образцов этой панацеи. И убедились, что да, все правда, существуют и лечат. Стоили «Серые цветы» на черном рынке совершенно сумасшедшие деньги. Компетентным органам, естественно, образцы достались даром, их просто конфисковали, тем самым обрекши на смерть несколько людей. Но до людей ли, когда такая загадка появилась?

Немного подумали и связали этот артефакт со Сферой. Значит, кто-то все же имеет возможность проникать внутрь ее и выходить обратно, вынося драгоценное лекарство. Кстати, тщательная фото- и киносъемка со всех ракурсов не показала никаких «Серых цветов». По ту сторону барьера все было застывшим, как в день, когда он появился. Даже зимой снег не попадал внутрь. Высказывались предположения, что на внутреннюю поверхность Сферы просто проецируется картинка, снимок одного дня. Но тогда ночью Сфера должна была светиться. А там происходила обычная смена дня и ночи.

В конце концов сферу огородили двумя рядами колючей проволоки, поставили датчики дви-

жения и камеры наблюдения. Да дважды в сутки ее объезжал патруль на автомобиле. Так, для порядка. И на этом успокоился весь ученый и неученый мир. Ну, есть такой феномен. И что? Кому он мешает? Вот и пусть себе существует. А у нас своих, земных дел хватает.

Не уgomонились только компетентные органы. Как это так: что-то происходит без их ведома?! Разветвленная сеть информаторов работала изо всех сил. Но безрезультатно. Неведомые добытчики и распространители «Серых цветов» так и оставались неизвестными. Органы уже начали грешить на самих пришельцев, которые таким образом готовят вторжение на Землю. Довольно безосновательное предположение, если честно. И совершенно нелогичное. Людей, которые излечились с помощью «Цветов», тщательнейшим образом обследовали, как физиологию, так и психику. Никаких изменений, кроме некоторой естественной эйфории от того, что тело стало здоровым и больше нигде не болит.

Кстати, на здоровых людей эти артефакты действовали аналогично. Но в уменьшенном масштабе. Ведь абсолютно здоровых людей не бывает. Какая-нибудь болячка, пусть самая маленькая, но найдется.

В специально созданной секретной лаборатории «Серые цветы» исследовали всеми доступными способами и средствами, пытаясь разгадать механизм воздействия на человеческий организм и, если это будет возможно, синтезировать рабочие вещества. Пока ничего не получалось. Единственное, что можно было сказать об этой панацее с уверенностью – она неземного происхождения.

Так что органы безуспешно продолжали свою поисковую деятельность, а «Цветы» все появлялись и появлялись на черном рынке.

Вскоре из-за границы стали доходить слухи о возникновении этого лекарства и там. Слухи подтвердились. Стоило оно там раза в три (иногда больше) дороже, чем здесь. Ну, это было понятно, народ там небедный живет. Мало ли престарелых хворых миллиардеров!

И лишь несколько человек на всей планете знали источник появления «Серых цветов» и способ их доставки.

Среди них был и я. Причем как основное лицо, добытчик, так сказать.

Дело в том, что я мог проникать внутрь Сферы. Тогда, семь лет назад, именно на меня вышел пришелец, пытаюсь наладить с людьми контакт. Я так и не понял причину его появления на Земле. Может быть, банально потерпел катастрофу.

Но договориться нам не удалось. В тот момент, когда я шел к нему, чтобы, наконец, встретиться, налетели brave военные и сожгли Пришельца из огнеметов. Ну, обычай у нас, землян, такой: все непонятное – уничтожать.

Последним усилием, уже умирая, пришелец разбросал по сторонам нападавших, в том числе и меня. Большинство отделалось ссадинами и ушибами. У меня же оказался сломан позвоночник. Да так, что никакому лечению он не подлежал. И я остался калекой, парализованным ниже пояса и способным передвигаться только на коляске.

Жил на пенсию, которую выделило мне государство, безо всяких перспектив в жизни. Хорошо хоть не спился, хотя одно время попивал, считая, что этим глушу свою боль.

Но однажды в мою дверь позвонили. Это был тот лейтенант, что командовал операцией по уничтожению пришельца. Правда, в запас он ушел в звании капитана, так что прозвище в нашей ма-

ленькой компании к нему прилипло соответствующее звание – Капитан.

И принес он вести совершенно невероятные. Он нашел проход в Сферу. Как его проглядели те самые органы – непонятно. Но проход был, и он действовал. Вот только в саму Сферу по нему мог проникнуть далеко не каждый. Точнее – всего двое. Капитан и... я. Все остальные люди, прошедшие за Барьер, мгновенно впадали в состояние каталепсии, замирали на месте и приходили в себя только после того, как их с помощью страховки извлекали назад в тоннель. И ничего о том, что они были в Сфере, не помнили. Абсолютно.

Без этой неприятности туда мог попасть лишь Капитан. Он не впадал в ступор, мог спокойно двигаться там, дышать. Но... побоялся. Ведь это он отдал команду на уничтожение Пришельца. И теперь, наверное справедливо, опасался, что его где-то там, в глубине Сферы, ждет наказание за варварский приказ.

Подумав, он пришел к выводу, что и я могу безбоязненно пройти через барьер. Ведь я был в непосредственном контакте с Пришельцем и не имел к его уничтожению ни малейшего отношения. Я попросту не предполагал, что военные могут поступить так подло.

«Пройти?», – спросил я тогда с горькой усмешкой. И показал на свои ноги, бесполезными палками валявшиеся на диване.

Оказывается, этот вопрос он тоже продумал. Где-то достал швейцарское инвалидное кресло, которое не нужно было толкать или крутить колеса. Там стоял электродвигатель, питавшийся от мощного аккумулятора. Управлялось кресло двумя джойстиком на подлокотниках, и перемещаться по ровной местности, даже с невысо-

кими препятствиями, можно было совершенно свободно.

Так вот, Капитан предложил мне попробовать проникнуть в Сферу на этом самоходном кресле. Не получится – ну что же, попытка – не пытка. В любом случае «самобеглая коляска» остается у меня как компенсация за невольно нанесенный им ущерб.

Что мне оставалось делать? Да и кресло понравилось. Уже через час я лихо рассекал на нем по квартире. Я согласился попробовать.

Метрах в двадцати от последнего ряда колючей проволоки в зарослях стояла старая, перекошенная избушка. От нее-то и шел подземный ход к Сфере. Для чего и кем он был построен, так и не удалось выяснить. Возможно, кто-то искал здесь золото или драгоценные минералы? Ведь рядом высилась огромная двугорбая гора, с давних пор окруженная слухами и легендами. Последние метры, уже за Барьером, Капитан копал и укреплял собственноручно. А кто бы это мог сделать, если каждый, кто проникал внутрь, тут же застывал соляным столпом, и его нужно было вытаскивать за страховочную веревку?

В ту же ночь меня привезли в избушку. Вход в тоннель был искусно замаскирован. Сам же тоннель представлял собой достаточно широкий и высокий проход, в котором бок о бок могли двигаться два взрослых человека. Стены и потолок были надежно укреплены, имелось даже электрическое освещение. Мечта для узников какой-нибудь тюрьмы, готовящих побег!

Кресло со мной аккуратно спустили вниз, и я порулил по тоннелю. И даже не заметил, когда пересек барьер. Узнал об этом, только когда обернулся и увидел, что мои спутники остановились.

Я сдал назад, опять ничего не почувствовал. Капитан был вне себя от радости, шепотом кричал: «Получилось! Получилось!»

А я хладнокровно попросил фонарик и опять поехал вперед. Уклон плавно повышался, и вот уже над головой сияют звезды, и свежий ветерок шевелит мои волосы.

На какое-то время я застыл на месте. Было очень темно. Свет звезд и Луны почти не помогал. И далее десяти метров я рассмотреть ничего не мог. Как тут покатаешься на моем кресле?

И было немного страшно. Не так, чтобы очень, не до ужаса. Психика моя к тому времени сильно перестроилась, я просто махнул на себя рукой. Я был беспомощным калекой, никому не нужным в этой жизни, даже себе. Так чего мне бояться?

Решившись, тронул джойстик управления, и тележка моя двинулась вперед, чуть покачиваясь на неровностях почвы. Фонарик высвечивал лишь небольшой участок моего пути. А что там дальше?

Понемногу я стал припоминать окружавший меня ландшафт. Насколько он остался запечатленным в моей памяти. Вот здесь я шел на встречу с Пришельцем. Вот там прятались бронетранспортеры, оттуда побежали солдаты во главе с тогда еще лейтенантом.

И впереди, из кустарника пополз дым, который, собственно, и был Пришельцем. Из засады вылетели бронетранспортеры, рванули к этому дыму, побежали солдаты. Стараясь воспрепятствовать атаке, я с помощью той силы, которую передал мне Пришелец, раскидывал их по сторонам. Пришелец помогал мне.

Но ударили огнеметы прямо в центр этого дымного облака и, погибая, Пришелец нанес последний удар, под который попал и я.

Не знаю, может быть, он решил, что я предал его, привел сюда всех этих вояк. Но результат был весьма плачевен. Если остальные, те, кто участвовал в атаке, отделались довольно легко, даже лейтенант, который находился ближе всех к облаку, меня швырнуло так, что при ударе бедный мой позвоночник хрупнул, как сломанная спичка, и я лишился сознания.

Я едва не погиб, врачи долго боролись за мою жизнь и сделали все, что могли. Но вот ноги мои так и остались парализованными.

Кресло продолжало медленно двигаться вперед. Я знал, куда еду. Именно на то место, где погиб Пришелец. Я просто хотел попросить у него прощения. За себя, за всех нас. Прощения за то, что не разобрались, даже не пытались это сделать. А просто и тупо уничтожили его.

Так, это, кажется, здесь. Я посветил вокруг лучом фонарика. Да, точно. Трава какая высокая и зеленая!

Кресло остановилось, я убрал пальцы с управления.

Слов не было. В мозгу крутилась только одна мысль: «Прости нас!»

И вот тут случилось Чудо. Какая-то искра пробежала по моему позвоночнику, и я вдруг ощутил свои ноги! Сколько лет я не чувствовал их!

Осторожно попробовал пошевелить пальцами одной ноги. Есть, ощущаю, шевелятся! Теперь другая нога. И здесь все в порядке! Тогда я вдруг, неожиданно для себя, но решительно встал!

И ничего страшного не случилось! Я стоял, как прежде, на двух своих ногах и чувствовал себя просто великолепно!

Сделал один шаг, другой, обернулся и увидел, как моя коляска медленно стала съезжать назад. На тормоз не поставил, дубина!

Но в моем нынешнем состоянии ничего не стоило догнать ее и остановить. Что я и сделал.

Все никак не мог прийти в себя от восторга. Пришелец простил меня, сделав последний подарок. Он вернул мне жизнь!

Я низко поклонился, благодаря. И в свете фонарика обнаружил круглую серую плиту диаметром примерно в метр. А на ней лежали почти такие же серые образования, чем-то напоминающие наши земные цветы.

Так вот что это такое! Вот почему возникла Сфера! Собратья Пришельца создали на месте его гибели мемориал, согласно их традициям, а чтобы люди не осквернили по своей привычке это место, окружили его непроходимым барьером.

Представляю, во что бы оно превратилось, если бы не было Сферы. Сначала ученые всех мастей роились бы вокруг плиты, потом военные, а потом дело дошло бы и до туристов с непременно шашлыками и пивом!

У нас не принято устраивать пикники на кладбищах. Хотя, конечно, всякое бывает. А тут со временем и ресторанчик бы открыли с броским названием «У Пришельца». И какой-нибудь перебравший посетитель непременно наблевал бы если не на саму могильную плиту, то рядом с ней.

Я видел все это внутренним взором и радовался тому, что друзья Пришельца создали непроницаемую Сферу вокруг места его гибели. Все они правильно сделали!

Разминая ноги, прошелся вокруг плиты. Непонятен был материал, из которого она была изготовлена. И не гранит, и не пластик. Что-то среднее.

Никакой надписи. Я даже «цветы» приподнял – ничего. Принято у них, наверное, так.

Почувствовал тонкий необычный аромат, принялся. Это точно были цветы. Не наши, не земные. Но именно они так пахли.

Пора было возвращаться. Я взял один цветок, как доказательство, что был здесь, положил его на сидение и покатил кресло с холмика, радуясь вновь обретенной способности передвигаться без помощи механических приспособлений.

Рано радовался... Когда я почти уже дошел до входа в подземный тоннель, вновь электрическая искра пробилла мой позвоночник и я рухнул на траву во весь рост! Хорошо еще, что находился на ровной местности, и кресло не уехало от меня.

Да, вот это «подарок» сделал мне Пришелец! То есть, на своих ногах я могу передвигаться только здесь, внутри Сферы. А у ее границ и за ними опять превращаюсь в беспомощного инвалида!

Я долго лежал на спине, глядя в звездное небо и кляня Пришельца, его друзей, Капитана, но в первую очередь – себя. Поверил, дуралей, в бескорыстную помощь неизвестных инопланетян, обрадовался! А все оказалось гораздо прозаичнее. Хочешь ходить, сиди внутри Сферы и не чирикай! Нужен тебе большой мир – катайся, как и прежде, на своей электрической хреновине! Терциум нон датур! Хватит с тебя и двух вариантов!

Утерев невольно навернувшиеся от разочарования слезы, я с помощью только рук взобрался на кресло, предварительно убрав с сидения цветок. Хотел было в сердцах его выбросить, но почему-то оставил. И поехал в тоннель.

На Капитана мой рассказ произвел большое впечатление. Естественно, чтобы не показаться смешным, я не стал сообщать ему о том, что в

Сфере могу передвигаться, как обычный человек. Пусть это будет моей тайной. Черт, как же неудачно и нелепо все получилось!

Мои раздумья прервал удивленный возглас Капитана.

– Что с моей рукой? – вопил он, щупая свое предплечье. – Она совсем не болит!

Действительно, он тоже немного пострадал в той атаке на пришельца – сильно повредил плечо. Этим предлогом и воспользовались командование, чтобы замять последствия инцидента почти мирового масштаба. Ему дали четвертые звездочки на погоны и благополучно выперли на пенсию. Снаружи ничего не было заметно, но боли он испытывал порой ужасные. Очень намаялся, когда докапывал тоннель.

И теперь боли одновременно прекратились! Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы уловить связь между его покалеченным предплечьем и цветком, который он крутил в пальцах этой руки. Цветок излечивал!

Странно, но на мой позвоночник, когда я вновь лишился ног, он так не подействовал. Странно и обидно!

Капитан ухватил меня за плечо.

– Там много таких еще?

– Да были, – неопределенно ответил я.

– Немедленно поезжай туда опять и привези остальные!

Звучало это, как приказ, а я приказов не выношу с детства, поэтому и ответил:

– Тебе нужно, вот и поезжай сам. Могу даже кресло одолжить. А я пока в сторонке посижу.

Капитан начал было орать на меня, но быстро заткнулся. Он все же был умным человеком и понял, что на горло меня не возьмешь.

Пришлось ему менять тактику. Он перешел к уговорам и обещаниям. И обещаны мне были практически «золотые горы». Кстати, не знаю, обманывает ли меня Капитан. Скорее всего, да. Но платит щедро и помогает во всем. От благоустройства квартиры до личного транспорта и консультаций у врачей. Суммы на мой счет за рубежом переводились изрядные, я проверял. Чтобы обеспечить себе алиби, я занялся писательством. Сочинил несколько романов, которые Капитан пристроил в Москве, мне заплатили средних размеров гонорар. Дальше можно было не заморачиваться этим делом. Настучал на компьютере несколько страниц якобы нового романа и всегда мог предъявить «интересующимся лицам», что вот, дескать, трудно идет, очень уж тема сложная.

В тот раз ему все же удалось меня уговорить. Чувствовал я себя не очень хорошо, поскольку похищение цветов с «могилы» казалось мне кощунством. Но, во-первых, мне и самому хотелось еще немного походить собственными ногами, а во-вторых, присутствовала некоторая злость на пришельцев. Что это за ограничения: внутри Сферы можешь ходить и даже бегать, а за ее пределами ни-ни?

И я поехал в ночь. В этот раз задерживаться не стал, только минут пять для разминки поприседал, попрыгал. Потом забрал все цветы, что лежали на плите и повез их к тоннелю. Солидная была охапка.

К тому времени, как я вернулся, Капитан уже приготовил герметичный контейнер и ждал меня, «роя копытами землю». И где он этот контейнер раздобыл среди ночи?

Голова у него работала, конечно, отменно. С нуля, что называется, не зная ничего о целебных

свойствах цветов, да даже о самих цветах, когда вдруг вылечилась его рука, он мгновенно просчитал, какую выгоду можно от этого получить. И взялся за это дело с энтузиазмом строителей Днепрогэса. Букет разошелся по тайным его каналам мгновенно.

Какова же была его радость, когда в следующий свой поход я обнаружил на плите новую охапку тех же самых цветов! Не забывали инопланетяне своего погибшего собрата. А может, какой-нибудь автомат следил за тем, чтобы на памятной плите всегда лежал свежий букет?

Так и пошло дело. Раз в пять дней я отправлялся внутрь сферы, гулял там в ночи, разведывая окрестности, потом забирал новую охапку и вез ее к тоннелю. Дальнейшее уже не было моей заботой. Очередной контейнер исчезал с Капитаном, а на мой счет, открытый в одном из швейцарских банков, приходила приличная сумма в валюте. Ну, и немного в рублях на счет в Сбербанке. Жить-то на что-то надо?

Тогда я и взялся ради маскировки писать романы. Не очень увлекательным это оказалось. Сидишь и как дятел долбишь по клавишам ноутбука, ломаешь голову над сюжетом. И, на мой неискушенный взгляд, шедевров не получилось. Так, проходная фантастика, да один боевик с погонями и перестрелками. Но Капитану понравилось, он взял диски с рукописями и съездил в Москву, где успешно пристроил все. Гонорар заплатили средненький, я через Интернет выяснил, сколько платят «мэтрам» и сколько «новичкам». Видимо, в издательствах решили, что статус «новичка» я перерос, но до «мэтра» не дотягиваю, вот и заплатили по среднему.

Я даже пару критических статей на свое «творчество» прочел в Сети, где меня покрови-

тельственно похлопывали по плечу какие-то совершенно незнакомые мне люди. Но все же хотели прочесть еще, надеясь, что я поднимусь в своем «творчестве» до сияющих вершин «настоящей» литературы.

Похихикав над дураками-критиками, я просто плюнул на свою писанину. Маскировку сотворил – и ладно. Изредка, правда, дописывал страницу – другую в роман, который, я был уверен, никогда не закончу.

А так, все свободное время я валялся на диване, читал, смотрел телевизор, копался в Интернете. Изредка выезжал в магазины. Стараниями Капитана прямо в квартире был установлен подъемник, с помощью которого можно было выбираться на волю.

Но делал я это не очень часто. Сильно злили сочувственные или любопытные взгляды прохожих и покупателей в магазинах. «Самобеглые коляски» – большая редкость в наших широтах. Безногие инвалиды или рычаги ворочают, крутя колеса, или теми же руками те же колеса крутят. Кто-то предлагал мне заняться спортом, ведь даже на паралимпиаду таким путем попасть можно. Но меня сия перспектива не прельстила.

Вот так и проходило мое существование. Именно – существование! Потому что по-настоящему я жил только там, в Сфере. Мои поездки за цветами становились все длительнее.

– Что ты там возишься? – нервно спрашивал Капитан. – Забрал цветы – и назад!

На что я неизменно отвечал загадочной фразой:

– Слушаю ночь...

Кстати, Капитан постоянно теребил меня на предмет поиска еще каких-нибудь артефактов,

оставленных пришельцами. Это он «Пикника на обочине» Стругацких начитался, и надеялся что Сфера просто завалена инопланетными чудесами.

Я его пока не разочаровывал, говорил, что с моим способом передвижения большие участки не могу исследовать. Но, может, со временем...

На самом деле я, конечно же, кое-что нашел. Какие-то артефакты явно неземного происхождения. Но что это и как оно работает, не имел ни малейшего понятия. Поэтому устроил небольшой тайничок и складывал туда свои находки, аккуратно упакованные в пластиковые пакетики.

А про Капитана решил, что хватит ему пока и цветов. Как-то краем уха услышал, сколько он ломит за каждый экземпляр, и только головой покачал. Хапугой он оказался еще тем. Ну, да это не мое было дело. Лишь бы мне на счета денежка капала, да не попался бы он ребятам из органов. Ведь те наверняка землю носом роют в поисках источника этой панацеи. Как же так, такие деньжищи – и мимо государственного кармана!

О том, что цветы действительно лекарство от всех болезней, я узнал от самого Капитана. Как-то, подвыпив у меня дома, он расхвастался, называл себя спасителем человечества и оно, человечество, должно ему руки целовать из благодарности.

– Все лечит, Кимка, – буровил он. – Понимаешь, абсолютно все! От насморка до рака в последней стадии! Один-два дня – и человек здоров! Как заново родился! Во какую штуку мы с тобой нашли!

Я лишь криво ухмылялся. Мне, к величайшему сожалению, цветы не помогали абсолютно. Как я только не пытался их применить! И нюхал, и крутил в пальцах, и прикладывал к спине, даже отвар из них пил! Нет, ничего не выходило. Только в

Сфере я становился нормальным человеком и мог делать все, что захочу. Но стоило приблизиться к тоннелю, как знакомая электрическая искра пробивала позвоночник, и я вновь становился беспомощным калеккой. В чем тут секрет – оставалось неясным. Смиряться с этим фактом не хотелось, мне нужно было продолжать эксперименты, и с этой целью я после каждого похода утаивал пару цветков. Капитан пока ничего не подозревал.

У нас на могилу кладут только четное количество цветов. Здесь же, на плите Пришельца, это правило отсутствовало. Количество тоже было неравномерным. Могло появиться пять цветков, а мог возникнуть и целый букет.

Кстати, о возникновении. Как-то, задавшись целью установить, откуда появляются цветы или кто их приносит, я установил дорожную видеокамеру с автоматическим переключением на ночной режим и датчиком движения, включающим камеру в случае появления вблизи плиты чего-то перемещающегося.

И ничего этим не достиг! То есть запись шла, но на диске была сплошная серая муть. И все!

Положительным результатом можно было считать лишь то, что датчик движения срабатывал несколько раз, и съемка продолжалась от пяти до десяти минут. Значит, кто-то или что-то появлялось у плиты Пришельца! Причем происходило это днем, когда я не рисковал ходить в Сферу, опасаясь, что меня могут заметить со спутников, которые, конечно же, снимали этот объект.

Кстати, потом выяснилось, что можно было не опасаться. Ничего спутники не могли рассмотреть. Они даже плиту не видели!

Была у меня задумка лечь в засаду хотя бы на сутки и все-таки выяснить, откуда появляются

цветы. Но по зрелому размышлению и после отговоров Капитана я от идеи отказался. Ну их всех, этих Пришельцев! Мало ли что они со мной могут сделать? Проще говоря, страшно мне стало. Но я хотя бы ходил за Барьер. А Капитан ведь тоже мог, но границу переступить боялся. Так кто из нас храбрее?

Впрочем, такими вопросами мы головы себе не забивали. Каждый делал свою часть работы. Я приносил цветы, Капитан обеспечивал безопасность нашего предприятия и сбыт товара. Сколько у него было помощников, я предпочитал не знать. Меньше знаешь... Ну и так далее.

Все шло хорошо и спокойно, по накатанной колее, пока в один прекрасный день ко мне не заявили эти двое...

Дверной звонок заливался соловьем, наверное, не меньше минуты, сделал перерыв и засвистел вновь, прежде чем я соизволил повернуть ручку своего кресла и подъехать ко входу в мое жилище. Кто бы ни звонил в это время, мне он был не нужен. Те люди, в которых я нуждаюсь, и те, которые нуждаются во мне, в такую рань не приходят.

Пошарив по пульту, я нажал кнопку. Дверь открылась. И в коридор вошли двое. Времена теперь другие, но агенты безопасности предпочитают внешний облик не менять. Строгие серые костюмы, белые рубашки, неудачные галстуки. Ребята, вы от кого маскируетесь?

– Ким Викторович? – поинтересовался один из вошедших, приземистый, с висячими усами на широком лице. И, конечно же, продемонстрировал книжечку.

Я был сама любезность.

– Чем обязан?
– Есть серьезный разговор...
– Слушаю.
– События, случившиеся с вами десять лет назад...

Боги мои, что за дурацкий стиль! Знаю я, зачем вы явились, не надо вола за хвост крутить! Вываливайте!

Они, поняв шестым, наверное, чувством, с кем имеют дело, и вывалили. А может и знали. Впрочем, это они так подумали, что знают, с кем имеют дело...

– Зона вторжения, образовавшаяся в районе нашего города, грозит распространиться на все курортные ареалы. С этим что-то надо делать...

– Я-то здесь при чем? – хмуро осведомился я.

Один из посетителей, старший, видимо, по званию, передернул плечами.

– Как при чем? Кто с пришельцем общался? Вы, вообще, как себя чувствуете?

Ах вы, козлы! Как я себя чувствую?! Да не ваше собачье дело! Просто чувствую – и все!

– Кстати, – вмешался в разговор второй агент, повыше и похудее первого, но с таким же, собачье-проницательным выражением лица. Больше особых примет у него не было, даже оттопыренных ушей. Серая такая, неприметная личность, увидишь в толпе, через секунду забудешь, как выглядел. В шпионы, наверное, таких набирают.

– Кстати, не позволите ли нам пройти? А то стоим на пороге, здесь и поговорить-то как следует нельзя, – он вроде бы весело улыбнулся, но и улыбка у него вышла такой же серой.

– Ну что же, проходите, – вздохнул я, отъезжая от дверей и давая им место, чтобы они могли пройти. Потом нажал кнопку на пульте. Входная дверь закрылась.

– Куда нам? – спросил «Усатый».

«К чертовой матери!» – подумал я, но вслух сказал, радушно улыбаясь: – А давайте по-простому, без церемоний, на кухне, как у нас в России принято. Я вас пивом угощу. На улице-то июль, жара. Как, употребляете пиво в рабочее время?

«Усатый» непроизвольно облизнулся.

– Ну, если по стаканчику...

За что получил предостерегающий взгляд коллеги. Но от своего намерения не отказался.

Я сделал приглашающий жест рукой и покатил впереди них по направлению к кухне. Ничего я абсолютно не боялся, не было у них на меня ничего, да и не могло быть. Разве что Капитана взяли и он раскололся. И то вряд ли... Дело, конечно, серьезное, но сейчас безопасники предпочитали действовать чисто полицейскими методами: допросы, очные ставки и так далее. Безо всяких своих хитрых штучек типа инъекции «сыворотки правды» или вульгарных пыток электротоком. А в Капитане я был уверен – не расколется – на все сто. Впрочем, в ком можно быть полностью уверенным в наше время?

В моей просторной кухне гости чинно уселись за стол, огляделись и едва слышно, но восхищенно поцокали языками. Да, там есть на что посмотреть. Как и во всей обширной квартире. Ну-ну, позавидуйте, позавидуйте... Вам такого и во сне не приснится. Обязательно ведь спросят – откуда у инвалида такой доход. Посмотрим.

Я поехал к холодильнику, занимавшему значительную часть угла. «Усатый» предупредительно поднял свой зад со стула.

– Вам помочь, Ким Викторович?

– Нет, спасибо, привык делать все сам, – пресек я его попытку. Еще не хватало, чтобы ты, морда,

совался в мой холодильник. Ничего там такого страшного нет, но все равно неприятно.

Достал пару ледяных бутылочек «Будвайзера», себе, подумав, решил тоже не отказывать в удовольствии и зацепил еще одну. Сплит-система в квартире работает исправно, царит приятная прохлада, а на раскаленную июльским солнцем улицу я сегодня даже носа не высовывал – дома дела накопились.

Поставил пиво на стол, достал бокалы, положил открывалку.

– Угощайтесь, господа!

«Может, вам еще и открыть? Официанта нашли! Обобьетесь».

Господа обслужились сами. Я – тоже сам. Не барин, чай. Пиво было терпким и вкусным. Еще бы, ребятки только вчера завезли два ящика самого наисвежайшего. «Усатый» явно наслаждался, «Серый» делал вид, что все это ему крайне неприятно, но удовольствие получал тоже.

Когда в бутылках осталось примерно по половине янтарного напитка, я решил, что пора и приступить. Своих дел хватало, зачем переводить время на этих двух? Театр одного актера, что ли, устроить?

– Ну-с, господа, так чем же все-таки обязан? Не воображайте, что я поверил в вашу байку о расширяющейся зоне. Да, с пришельцем я контактировал. Но это было десять лет назад. Результат контакта – перед вами. Безногий, полупарализованный калека. И что вам надо от этого калеки, чем он может помочь всемогущим органам? Пивом угостить, на тележке покатать? Да с превеликим удовольствием! Издеваться пришли над калекой? Развлекаетесь в свободное от государственной службы время? В зоопарк явились на

жертву пришельца и своей глупости поглазеть? Глазейте, чего там, мне не жалко, привык уже!

И я сделал жадный глоток из бокала, глядя на них злыми глазами. Очень мне хотелось их расшевелить и посмотреть, что из этого получится. Авось какую-нибудь несанкционированную ин-формацию и удастся выудить.

Но нервных дураков в службы безопасности не берут. Нет, есть там, конечно, и дураки, и нервные. Но, так сказать, отдельно. А вместе это сочетание почти смертельно, как и для сотрудника, так и для престижа служб. В общем, раздражить мне их не удалось. Они переглянулись, потом «Серый» с показным сочувствием и даже некоторым интересом спросил:

– Ким Викторович, на вас всегда пиво так действует? Мы понимаем, последствия травмы... Ну, так переходите на воду, или, в крайнем случае, на лимонад. Или вот, сейчас широкое распространение получило безалкогольное пиво. А, извините за вопрос, откуда такие шикарные апартаменты? Доходы у вас вроде бы невеликие, что там той пенсии? Ну, слышали мы, что у вас парочка книжек вышла. Но это ведь тоже невесть что, по нынешним временам...

И я сразу успокоился. Ах ты, гад. Ничего ты не накопишь, все залегендировано и задокументировано. Капитан в свое время постарался. Но игра должна была продолжаться. Поэтому я, как бы отходя от вспышки гнева и тяжело дыша, мрачно пробурчал:

– Продал квартиру матери, когда она умерла, да от государства компенсацию получил за увечье.

– И кресло швейцарское на электрическом ходу? – подал голос «Усатый». – Оно ведь ой какие доллары стоит...

– А кресло, к вашему сведению, подарила мне немецкая благотворительная организация, в которой работают также известные на весь мир уфологи. Узнали о моей беде и ее причине, вот и подарили. И вообще, я не понимаю, это что – допрос? Может быть, еще и обыск учините? Извольте представить ордер и позвать понятых. В противном случае – до свидания! Больше на ваши вопросы я отвечать не намерен!

Что, съели, гады? Все равно ведь расколется! Я вам нужен и довольно точно знаю, для чего. Сейчас, сейчас все и прояснится.

Так оно и получилось.

– Ну что вы так раскипятились, Ким Викторович? – успокаивающе сказал «Серый». – Никакой это не допрос, просто праздное любопытство. Интересно ведь, откуда у людей берутся подобные роскошные квартиры. (Знали бы вы о доме на Селигере...) Вот и поинтересовались. Не волнуйтесь так. Тем более, что пришли мы к вам с предложением, которое значительно может повысить ваше благосостояние. Содержание квартиры ведь недешево обходится? Особенно по нашим временам и особенно такой большой...

– Так не задавайте дурацких вопросов! – грубо прервал его я. – Пришли по делу говорить – говорите и не виляйте. Времени у меня мало, третью главу нового романа заканчивать надо. А то договор подписал, аванс получил, сроки сдачи в издательство определены, а в рукописи еще конь практически не валялся.

– О чем пишете? – опять встрял «Усатый», который свое пиво уже допил. Дулю с маком ты у меня еще бутылку получишь, толстяк наглый.

– Сходите в книжный магазин, – язвительно сказал я, – там должны еще экземпляры оста-

ваться. Не пожалейте пары сотен рублей – вот и узнаете!

«Усатый» совсем не обиделся, кивнул и улыбнулся. Улыбка у него, на удивление, была более человеческой, чем у «Серого». А тот, наконец, приступил к делу.

– Вы, конечно, слышали о «Серых цветах»? – спросил он.

Ну, так я и знал! Впрочем, чего еще было ожидать от визита этих личностей?

– Ну, слышал кое-что, – нехотя ответил я. Давайте, ребята, спрашивайте дальше! Только вот вопросы ваши... Ничего ведь не узнаете.

– Тогда я вам вкратце опишу, о чем идет речь. На «черном» рынке время от времени появляется некое медицинское средство, способное, по слухам, излечивать от любой болезни. Даже от рака в последней стадии. Причем за очень короткий срок. Стоит это средство совершенно баснословные деньги и, естественно, простому человеку оно не по карману. Достается только очень состоятельным людям, которые отчаялись излечиться с помощью обычной, традиционной медицины.

– Сказки все это, – махнул я рукой, изобразив на лице разочарование. Дескать, я думал, что вы по делу пришли, а тут о такой ерунде речь заходит.

– Нет, погодите... – попробовал возразить «Серый», но я не дал ему продолжить.

– Да если бы такое волшебное средство существовало, я бы все продал, в долги вечные влез, но достал! Думаете, это так здорово всю жизнь на коляске кататься?!

В моем голосе ясно слышались тоска и безысходность от невозможности изменить свою судьбу.

Незачем им знать о моих экспериментах с цветами. Тем более, что не сработало. У всех других

срабатывало безотказно, а у меня – нет. Вот и оставалось только деньги на этом делать. Конечно, не такие большие, какие доставались Капитану, но все же на безбедную жизнь хватает.

– И все же дослушайте меня до конца, – не сбился с темы «Серый». – «Серые цветы» действительно существуют и эффект от их применения именно такой, как я сказал. Любая болезнь излечивается в течение нескольких дней. А после этого «Цветок» рассыпается в пыль. Вот, посмотрите эти фотографии.

Он полез в карман пиджака и протянул пачку снимков. Я, изобразив интерес, взял фото.

Ну и что ты мне демонстрируешь? Серые семилучевые звезды, размером чуть больше ладони взрослого мужчины, похожие на морских звезд с каким-то волнистым рисунком на поверхности.

Чего мне их рассматривать, если все, что поступают на этот «черный» рынок, прошли через мои руки? Сам собирал, сам укладывал в контейнеры, сам отдавал Капитану. А эти, значит, то ли денег не пожалели из фондов своей конторы, то ли просто конфисковали у кого-то. Интересно, как они их употребили? Ученым отдали или какие-нибудь генералы из их ведомства воспользовались, чтобы подагру или застарелый геморрой вылечить? Наверное, просто поделили: меньшую часть – на исследования, а большую – себе...

Но игру надо было продолжать, и я изобразил живейший интерес.

– Ах вот как это выглядит! И что, действительно все лечат? Не поделитесь, где достать можно? Если это правда, то вы просто не представляете, как мне эта штука нужна!

Не сработало. Актер из меня плоховатый, наверное.

– Дурака-то не надо валять, Ким Викторович! – спокойно, но и с укоризной сказал «Усатый». – Все вы прекрасно понимаете и об «этой штуке», как вы изволили выразиться, осведомлены не хуже нас! Все мы знаем, иначе и не пришли бы к такому несчастному калеке.

И вдруг заорал во весь голос:

– А ну-ка, встать! Встать, я кому говорю!

Вот тут он прокололся. И крик его на меня совсем не подействовал, наоборот, поднял в душе волну холодной злости. Ах ты, скотина! Орать на меня смеешь?

Но усилием воли я сдержался от взрыва эмоций. Наоборот, усмехнулся нагло, развел руками и, как бы извиняясь, сказал:

– Да вы хоть вдвоем орите, хоть всей вашей конторой! Христа из вас не получится! Ишь ты, придумал! «Восстань и ходи!» Не двигаются у меня ноги, это вам понятно? Лучшие врачи с этим ничего поделать не смогли, а вы чудо совершить надеетесь своим криком. Мне за вас стыдно, ей Богу! И как вас только в агенты взяли, нервного такого?

«Усатый», мгновенно превратившийся из добродушного на вид человека в разъяренного зверя, сделал движение, словно собирался броситься на меня, но его остановил окрик «Серого»:

– Виктор! Держи себя в руках!

И Виктор, мгновенно опомнившись, шумно выдохнул и сел на табурет, с которого только что подскочил. Но продолжал сверлить меня ненавидящим взглядом.

Да плевать я хотел на его взгляды! Более того. Если бы его вопль мог хоть немного повлиять на мои ноги, я даже расцеловал бы его и выставил на стол лучший из коньяков, из тех, что стоят у меня в баре. Но увы... Это только там, за барьером...

Маленькая баллада

Полказны разорил для
 принцессы одной...
 Усмехнулась она, не любя:
 «Дорогого ли стоит твой
 герб родовой?»
 Я сказал: «Не дороже тебя».

Я в боях за неё сто врагов
 истребил,
 Сто достойных и дерзких
 ребят.
 Рассмеялась она: «Сколько
 стоил твой пыл?»
 Я сказал: «Не дороже тебя».

Трубадуром я в дальние
 страны умчал,
 О принцессе повсюду трубя.
 Вдруг письмо: «Сколько
 стоит, чтоб ты замолчал?»
 Я в ответ: «Не дороже тебя».

Корсар

И парусник куда-то уплывал.
 А на причале
 закатный ветер волосы трепал
 твои... И чаек
 был полон горизонт
 и склон у каменного пирса.
 И я любил...
 а может, просто сон
 мне снился.

**ОЛЕГ
 ВОРОПАЕВ**

Поэзия

Корсаром ли я был?.. военным моряком?..
Не помню, право.
Но губы твои пахли молоком
в солёных травах.

Звучанье вокзала. Огни электрички.
«Царевну встречаешь?.. Княжну?»
Условности к чёрту и к чёрту кавычки.
Встречаю чужую жену.

Давно ли казалось – чужого не надо.
Краплёная карта – не в масть.
И вдруг леденящая страсть конокрада –
Украсть!

И не было лучше... и не было хуже.
Непойманным вором живу.
Огни электрички. Вокзальные лужи.
Встречаю чужую жену.

Тихая пристань

Вот и желанный покой,
тихая пристань моя.
Ветер играет листвой,
мёртвой листвой декабря.

Тихая пристань моя,
как же я долго плыл!
Как же я долго зря
верил, искал, любил...

Ночью уйду к реке,
буду совсем один
лёд согревать в руке
над чернотой глубин.

Остановились часы. И листвы намело.
В теле густая бесчувственность крови венозной.
И алкоголем в крови растворилось тепло
осени поздней.

Осень вернулась. А мне возвращаться куда?
Странно-смешны однодневные тайны прописки.
Помнится только, что ныли ветра в проводах
и облака были низки.

Грязь одиночества. Перегорела игра.
Остановились часы. Онемели вопросы.
Не было?.. Было?.. Окна чёрно-белый экран.
Осень.

Ветра ноября неожиданной стужей
обрушили снежный набег.
Земля не остыла, и чёрные лужи
глotalи стремительный снег.

Янтарные окна лучами уюта
магнитили льдинок слюду.
И мёрзлые ветки кивали кому-то
в безлюдном саду.

Погожий день

Смотрю в глаза красавицам прохожим,
чему-то улыбаюсь про себя.
Какое счастье – этот день погожий!
Какое счастье – просто жить, любя
весь божий свет и в нём – себя немного,
как малую частицу бытия...
Какое счастье – лёгкая дорога,
слепящий снег и молодость моя.

Нам не осталось даже немного
Тихого счастья вечером снежным,
Чтобы в окошке луна, и дорога,
И разговоры о чём-то нежном.
Всё наизнанку, всё по-другому –
Нервные взгляды, беглые встречи.
Не извиняйся, режь по живому,
Это, случается, тоже лечит.

Поздно считаться – кто неподсуден.
Поздно считаться – кто непорочен.
Просто от боли выжженных судеб
Руки распались в холоде ночи,
И не осталось даже немного
Нежного света снежного утра.
Тихое счастье – это от Бога.
Долго ли?.. Коротко?.. –
не было будто.

Несмелая весна. Восходов миражи.
Осоковые дали бледно-ржавые.
И отверделый снег ещё лежит,
исколотый зелёными кинжалами.

Вечерних туч малиновый гранит
татуирован строчками гусяными.
Высокий лес качается осинами
и влажными кореньями хрипит.

Я люблю возвращаться домой,
Где простор и нельзя
надышаться
Тонким запахом трав и акаций,
Где всегда благодатный покой.

Я люблю возвращаться домой
После долгой и грустной
разлуки.
Я люблю, когда мамыны руки
Пахнут так же, как сад
наш весной.

Я хочу быть всегда здесь
родной...
Знать, что есть куда мне
возвратиться.
Как и все перелётные птицы,
Я стремлюсь, как стремлюсь
я домой!

...И богатств на земле
не коплю:
Есть свой дом, и поля,
и дорога...
Что просить мне у щедрого
Бога?..
Всё, что есть, я всем сердцем
люблю!

НОЯБРЬ

Крестнице

Родная, милая моя,
Смеёшься, плачешь – звонко!

**АЛЕНА
РЕЙМАН**

Поэзия

Как смеет хмуриться ноябрь
Перед такой девчонкой?!

Куда он спрятал все лучи?
Зачем кудряшки треплет?!
Но, знаешь, вскоре замолчит
Листвы прощальный шелест...

И станет все кругом бело,
И очень-очень тихо!
Ты позабудешь, как мело
Листву цветную вихрем!

Ты будешь спрашивать о том,
Когда весна наступит...
Счастливая врываться в дом,
Смышлено бровки супить.

Я, твой разматывая шарф,
Смахну с него снежинки,
Шепну: «Красотка, скоро – март...»
Подпрыгнешь, как пружинка!

И ну! – с утра глядеть в окно:
А где цветы на вишне?
А почему еще темно
И птиц вокруг не слышно?

Я шалью мягкой оберну
Смешную торопыгу, –
Когда ж дождешься ты весну, –
Она промчится мигом!

Ты – мой кудрявый огонёк! –
Лучатся завиточки.
Вставай, скорей встречай денёк,
Улыбчивая дочка.

Уже вовсю цветёт заря
На сонном небосклоне,
Но звёзды призрачно горят.
Глянь: ветер тучки гонит...

Ты так научишься любить
Людей, зверей, природу,
Что всех счастливей сможешь быть
В любую непогоду!

Тогда поймешь ты, что ноябрь –
Не хмурый! – чуть печальный...
Он всё такой же, как и встарь, -
С мечтой и смутной тайной!..

Душе приятен нежный шелест
Легко волнующихся крон...
Что ж в небе птицы расшумелись?
Как много крика от ворон!

Их грай, я слышала, к напасти,
А сами вороны – к беде,
Но для меня все птицы – к счастью...
Чего не взыщешь от людей!

Чего бояться больше стоит,
Так это веру потерять,
Прожить бесцельно, бестолково,
Былых ошибок не принять.

А все недобрые приметы
Верны для тех, кто верит в них.
Благословенен дар поэта:
Печаль и радость плавить в стих!

СТАРИЦА

Будут голые деревья
Плакать в серой тишине,
Заскрипит избушка дверью,
Вскрикнет ворон в вышине...

И согбенная старушка
Обметёт гнилой порог.
Из еды сухарь да юшка,
Из имущества – платок.

Проторённую дорожкой,
Как забрезжит солнца свет,
В бедной, старенькой одежке
Ходит к речке много лет.

Про себя творит молитву,
Чётки вытрепаны все.
Простодушна и открыта,
Не чурается бесед.

Тихо вечером и утром,
Ночь безмолвна, как рассвет.
Люди к старице премудрой
Ходят редко на совет:

Кружит тропка по болотам
Одинокая, в глуши...
Год проносится за годом
В добром подвиге души.

День придёт, вернётся к людям –
В мир обыденной тщеты.
Но по-прежнему пребудет –
В горнем Храме доброты...

Русский язык: время угроз

Зуд реформаторства

Казалось бы, реформы русской орфографии, замышляемые разными учеными мужами в России, преследовали благие цели: что-то «упорядочить», что-то «привести в соответствие», что-то «упростить» и т. п., ведь язык у нас очень разнообразен, изошрён, велик и требует определённых правил.

Однако минувшие реформы орфографии (1917-1918 гг. и 1956 г.), помимо, казалось бы, очевидных плюсов, нанесли русской словесности и немалый урон. В целом произошло оскотление языка: ушли в прошлое целые пласты лексики, было утрачено разнообразие оттенков письменной речи (как-никак язык лишился падежа, нескольких букв), пострадала семантика и многое другое.

О негативных последствиях реформ не раз говорили и писали авторитетные русисты и литераторы. «Реформой язык не повышается, а понижается, не толпу намерен поднять за собой реформатор, а сам спуститься до уровня толпы. В этом и есть пле-

**ЕВГЕНИЙ
ШИШКИН**

Литературо- ведение

бейский оттенок реформы», – так оценивал в начале прошлого века действия орфографических перестройщиков выдающийся русский писатель Борис Зайцев.

Последняя затея реформирования русского языка приходится на конец минувшего века, начало нынешнего: Орфографическая комиссия Российской Академии наук предложила опять же «упростить» и «упорядочить». И то ли по наивности, то ли по недомыслию, академики вознамерились русскому правописанию дать урок. Причем урок, который затронул бы каждого, кто имеет хоть малое касательство к русскому языку, в том числе всю экономику страны.

Да каким образом могут затронуть российскую экономику и сограждан безобидные «чёрточки», «новые» запятые, звонкие «з» вместо глухих «с» в приставках? Ещё как могли затронуть! Чтобы воплотить предложенную реформу, надо было бы переиздать сотни тысяч учебников, словарей, методических пособий. Для школ, техникумов, вузов! Всякий уважающий себя грамотный человек в России обязан был бы обновить свою книжную полку со справочниками. Да и все книги с «прежней» орфографией автоматически стали бы устаревшими и ждали бы своего обновления. Колоссальный куш сорвал бы издательский бизнес!

А всего-то – умные дяди и тётки в тишине академических кабинетов решили, что «полдвенадцатого» надо писать так же, как «пол-одиннадцатого», что «красавица дочка» будет краше при написании «красавица-дочка», что «матушка Русь» станет крепче в новом исполнении «матушка-Русь». А может быть, «многомиллионную» реформу, острой необходимости в которой нет, «заказывали» учёным киты книжного бизнеса, специализирующиеся на выпуске учебной и справочной литературы? Сюжет от-

нюдь не фантастический. И если бы заинтересованным кругам удалось реформу «продать», вот тогда барыши некоторых издательств могли бы стать действительно фантастическими.

Но даже не экономический фактор был страшен в навязываемой реформе, а другое... Реформа могла оказаться губительной для правописания. Безграмотного письма могло стать ещё больше. Орфографических и стилистических огрехов и сейчас полно – даже в респектабельных газетах, журналах, книгах солидных издательств, а не только в «неуправляемом» интернете. «Да пошли они к чёрту! Как писал, так и писать буду!» – сказали бы не только некоторые писатели-«консерваторы», но и журналисты, редакторы газет, издатели, корректоры, большинство которых предлагаемую реформу встретили в штыки. И управы на них бы не нашлось. Сейчас в России всё слишком демократично. Следить за соответствиями печатного слова новым правилам некому. В итоге мог возникнуть хаос в правописании, а попросту – бардак.

Вот вам и чёрточки с дефисами! Языковая реформа обострила бы многие российские проблемы. В том числе – политические. Беднейшие слои общества: сельские учителя, родители сельских учащихся-тоже были бы вынуждены раскошелиться на новые словари и учебники. Да помилуйте! Откуда ж у них лишние деньги! Вот проблема из экономической и превратилась в политическую – курс на дальнейшее обнищание...

А в каком положении оказались бы русские школы за рубежом, в странах СНГ? Кто позаботился бы об учебниках для них? В бывших братских республиках и так очень многое делается для выхощивания русского языка. А тут ещё реформа. Лишний формальный повод к закрытию русских школ. «А

чтоб не возиться с ихними проблемами...» Про Украину с её нынешними революционными русофобскими завихрениями страшно и подумать; там ещё бы активней стали топтать сапогами националистов великий и некогда родственный русский язык.

Впрочем, в страны СНГ можно и не ходить. Языковой сепаратизм мы недавно наблюдали в России. В Татарии уже был принят закон, по которому заменяли кириллицу на латинский алфавит. А значит, пытались поменять вектор духовной и культурной ориентации. Это могло стать прологом расколов, распрей, гражданской напряженности. Только жёсткими мерами и законодательным путём удалось пресечь «алфавитное» реформаторство в Татарстане, которое вбивало клин в культуру народов России.

Удалось также и отбиться от назойливых академик-реформаторов, выправителей русской орфографии, которые даже не подумали – ох! академики, головы учёные! – о том, что «упрощение правил», уничтожение «исключений» в языке отнимет некую изюминку русской письменной речи и повлияет на мыслительную деятельность человека, особенно – молодого, постигающего правописание. Язык – инструмент мышления. И нет ничего страшного в том, что русская орфография подкидывает учащимся сложности в виде отступлений и исключений. Это только способствует мыслительной деятельности человека, повышает его образовательный уровень. А ещё даёт возможность проникнуть в глубины русского языка, в этимологические, словообразовательные, фольклорные пласты.

Тут уместен пример Англии. Британцы уже несколько веков не трогают орфографию. Ну и пусть пишется «Манчестер», а читается «Ливерпуль». Так было, так должно быть. Данный консерватизм крепит традиции и моральные устои Англии. И конеч-

но, имеет свой прагматический расчёт. А мы за одно столетие готовы провести целых три революции в языке?!

Отстаивать завоевания русского языка в России, в странах СНГ, в мире, а не вносить сумятицу в мозги русских и русскоязычных граждан путём неуместного реформаторства – это святая обязанность русистов, и безусловно – академических!

Языковой натиск: заразные вживления, сор, притеснения...

Было время, когда российская знать изъяснялась по-французски, иногда по-немецки (обезьянничанье и низкопоклонство перед Западом – у нашей знати в крови). Теперь той знати нету... Появилась элита... Для новоявленной элиты три сотни английских слов вполне достаточно, чтобы козырять своим безупречным английским и разговаривать с официантами, портье, таксистами где-нибудь на Западе.

Английский язык стал проникать не только как средство коммуникации, но и как язык лейблов, терминов, инструкций, компьютерных программ и т. п. С одной стороны, это вроде бы неизбежно: английский язык – международный, для разговорных надобностей он весьма прост, да и электронных переводчиков уже появилось немало. С другой – насаждение англицизмов не только притесняет, выдавливает обиходный русский язык, но и урезает сферу его применения, а стало быть, уменьшает его влияние: все меньше русских употреблений в речи... Зайдите в любой торговый центр Москвы (и не только Москвы): все таблички, названия кафе, магазинов, ремонтных мастерских, химчисток – непременно на английский манер. «Маркет», «супер-

маркет», «гипермаркет», «сити-маркет», «бутик», «шоп», «фастфуд» и просто «фуд», а ещё извращенческие «Смирнофф», «Деффчонки»... Даже стыдно это писать. Всё это небезобидно. Это сор, иноязычный сор, даже языковая отравка!

Наплывы заимствований и прежде были. Но, как правило, были они по недомыслию и ущербности внедряющих эти заимствования. Русский язык с ними боролся и чаще всего побеждал. Некоторые варваризмы отомрут сами по себе. Горбачевский «консенсус», «плюрализм» почти исчезли. Правда, жизнь подкидывает другие словечки...

Есть такой телеведущий Сергей Брилёв, респектабельный, самоуверенный, общается с первыми лицами государства. Так вот, однажды, комментируя коротенький репортаж о предстоящем чемпионате мира по футболу, он около десятка раз произнёс слово «мундиаль». Слово, абсолютно чуждое русскому языку, русскому уху, но телеведущему уж так оно нравилось, что он упивался им... Эх, этого бы мундиалья по его мундиалю отмундиалить, чтобы он больше никогда не мундиалил...

Ну а как нынче обожают слово «шок»! «Я была в шоке!» Медицинский термин «шок» обозначает «угрожающую жизни реакцию организма на травму, ожог, операцию...» Никакой образности и метафоричности в слове шок нет, зато явно обозначается у произносящего слабость в знаниях русского языка, неумение выразить своё изумление образно.

В отношении огромного количества англоязычных техницизмов, связанных с компьютеризацией, особо бояться не стоит. Сайт, файл, драйвер, интерфейс – всего лишь профильные термины. К ним нужно так и относиться: профильные термины! Аналогично, предположим, терминам медицинским: аналгин, грипп, антибиотик, клизма...

Профильные термины не так страшны, как язык публичных выступлений каких-нибудь телевизионных див, звёзд, актёров, а иногда – попросту разных телемартышек (это опять от «обезьянничанья»), которые рассуждают о «креативе» (творчестве), «контенте» (содержании), «биеннале» (выставке) и т. п.

Самое печальное, что засорением русского языка занимаются именно те, которые должны бы его бережно охранять от иноязычного вливания. Тут есть ещё одна сторона данного вопроса. «Биеннале, креативы, контенты, мундиали», скорее всего, и не приживутся в языке, но люди (в первую очередь, дети), воспитанные на этой иноязычной тарабарщине, уже не смогут вернуться и к истинному русскому языку, эмоционально богатому и многословному.

Вспомнился старый анекдот. Из времен, когда в обиход входили словечки «кайф» и механическое, жёсткое, холодное – «секс» (у нас секса не было: была любовь в разных проявлениях, в том числе любовь грешная и продажная...). Так вот: на работу секретаршей приходит наниматься красивая длинноногая девица. Директор принимает её на службу, а руководитель отдела кадров показывает ей место работы. «Здесь ваш письменный стол...» – «О! Кайф!» – откликается девица. «Здесь ваши письменные принадлежности...» – «О! Кайф!» – «Здесь телефоны и пульт управления...» – «О! Кайф!» – «Скажите, а другие слова вы знаете?» – не выдерживает кадровик. – «Секс», – отвечает девица. – «А что такое секс?» – «О! Кайф!»

Язык нашего общества, к сожалению, становится примитивен, ограничен несколькими сотнями слов. Косноязычные депутаты и чиновники всех мастей, не очень грамотные редакторы и ведущие телеканалов, со своими ужимками и приколами, одни и те же персонажи, приглашенные на однотипные

крикливые телешоу, скудная речь героев бесконечных бандитских и дамских сериалов, – вот и получается, что язык, который мы слышим, очень жалок, чёрств, неинтересен, а подчас и глуп, потому что забит не только «мундиальями» и «мейнстримами», но и вульгарными словечками, фней: «облом, попёрло, лохануться, фарт, откат, распил, беспредел» и другой словомутью. Присовокупите сюда приблатнённую песню, которой определили стиль «шансон» и заполонили радиоэфир, а ещё – модные молодёжные песенки, где стихов нет, они там даже противопоказаны, в основном там три-четыре пары зарифмованных глаголов и бессистемный набор слов, а ещё чмоки, динь-дини, буди-буди, гуди-гуди...

А ещё засилье голливудских фильмов «блокбастеров, бестселлеров». Как там разговаривают тупорылые голливудские костоломы?! Примитивно-ругательный, пошлый язык у них прекрасен, а юмор поражает своей оригинальностью и чувством такта.

А ещё на всех каналах бесконечная КВЭНщина, «пельменщина», «нашарашнина», «комедиклабщина» и другая телечушь, не имеющая никакого отношения ни к искусству, ни к просвещению, даже к развлечениям отношение имеющая отдаленное (стриптиз и пошленькие анекдоты ведь тоже развлечение, но вряд ли их надо делать общественными).

Злостное подспудное реформаторство русского языка идёт каждодневно на бытовом уровне, благодаря средствам массовой информации, примитивному вещанию и кинопоказу, и так далее и тому подобное... А семья, школа, художественная литература, редкие просветительские программы в СМИ не могут, не способны и не рассчитаны справиться с засильем пустозвонства «фрайерских, понтырских» песенок, фней, примитивом сленгов: бизнесменских,

молодёжных, интернетовских. А главное – эта социальная болезнь даже толком не диагностирована. Современная художественная литература истребляется, школьные и вузовские гуманитарные программы сокращаются. Рынок ведь не востребовал богатства русского языка, а у нас правит рынок! Каков поп – таков и приход...

Художественную литературу подменили сивухой детективщиц донцовского разлива и псевдо-историческим чтивом – акунинщиной, и вроде бы все довольны. Особенно издатели. Кстати, владельцы крупнейших издательств и книготорговых сетей в России, по информации СМИ, давно живут за границей: им плевать и на русский язык, и на русскую литературу. Им не плевать только на толстощёкого президента США со стодолларовой купюры. Впрочем, разговор о современной литературе – тема отдельная и многоликая.

Есть ещё один важный фактор, затрагивающий русский язык, вернее – урезающий его влияние. К несчастью, ещё одна напасть. Беженцы и переселенцы с Ближнего Востока, трудовые мигранты Европы нам демонстрируют эту напасть... И у нас, почти повсюду города центральной России, а в Москве это особенно наглядно, выпукло проявляется, наводняют выходцы из южных краёв. Одни из них – граждане России, другие не граждане. Но и те, и другие носители своего языка.

В столице уже есть целые кварталы, где живут, обитают, работают, а некоторые ведут незаконную деятельность выходцы из далеких регионов. Они, эти выходцы, безусловно, имеют полное право общаться на своем языке. Но в последнее время это общение становится уж слишком активным. Словно бы они, эти выходцы, нарочито подчеркивают, что русский язык им чужой, знать они его не хотят.

В метро, в общественном транспорте, в жилых массивах, в торговых центрах, особенно вечером, когда большинство мигрантов после работы выходят на столичные улицы, – они говорят громко, даже вызывающе, – с одной стороны, это их закомплексованность, но с другой – плохо скрываемая агрессия, подчеркнутое неуважение к русским и русскоязычным окружающим их гражданам. При этом их южные женщины плодовито рожают, дети становятся российскими гражданами, и в некоторых местах диаспоры уже требуют создание национальных школ. Ассимилироваться-то не хотят...

В Россию произошёл наплыв кавказцев и азиатов уже другого поколения. Это поколение в советских школах не училось, о Пушкине и Некрасове не знает, про Великую Отечественную почти не слышало... А про русских знают твёрдо: они у них, с национальных окраин, забирали все богатства, – нет, не строили города, предприятия, школы, вузы, научные институты, театры, а всё-всё (имеется в виду ценное) забирали и оставляли только «пыль», как выразился один из лидеров бывшей советской республики, забыв при этом, что республику ему создали тоже «русские варвары».

Все эти выходцы, другого, не советского кроя, русский язык знают плохо, скверно, из русского языка для бытового общения берут чаще всего матерщину, грубую лексику, торгашеский жаргон.

Некая ползучая антирусская языковая эпидемия-реформа, имеющая вполне легальные и даже законные рамки, распространяется всё шире и шире, а наш язык, его область применения, а главное – богатство языка, ценности словоупотреблений и неиссякаемой лексики, становятся невостребованными и насильно омертвляются – как устаревшие, архаичные, годные для употребления только квасными патриотами.

А что ж власть? Русская общественность требует от власти принять действенные меры по сохранению, а не по разрушению языка. Власть принимает кое-что, проводит заседания «Совета по языку» при Президенте, поддерживает некоторые общественные инициативы, участвует в создании «Общества русской словесности». Выходит, кое-что делает. Но больше всё же для показухи.

Некоторые из инициатив вызывают сомнения. Вот проводят в стране «Тотальный диктант». Почему тотальный? Нельзя, что ли, просто – всеобщий? Или французское словечко «тоталь» ласкает новым русистам слух? Проверка знаний – это не плохо. Всеобщий диктант! А лучше бы назвать «Общественный русский диктант». Но опять же инициатива с каким-то вывихом и подоплекой. Чьи тексты для диктантов? И какие тексты? Ну, непременно что-нибудь из быковско-рубинских книг, которые отнюдь не блещут ни грамотностью, ни красотой русского языка. А уж рубинский текст и вовсе вызвал возмущение: оказалось, израильская авторша сама заявила, что правил русского языка не знает. Но ведь тотальный диктант оголтело внедряют в регионах, в столицах. Тут есть где блеснуть писакам-русофобам, а ещё и похвастаться: мы их всех за парту усадили!

Есть и другие инициативы. Создано «Общество русской словесности», которое возглавил Патриарх. Туда вошли крупные деятели науки, культуры, религии. Но опять же те, которые делать по сути! практически! для сбережения русского языка (кроме участия в общих говорильнях) ничего не будут. Им некогда. У них своих обязанностей полно. Совещания, форумы, симпозиумы – это только трата средств, в том числе наших с вами, государственных. Действенных планов у этого «Общества» нет и, похоже, не предвидится... А почесать языки, пофилосо-

софствовать с трибуны, – так это мы всегда, ведь все эти деятели входят в десятки подобных обществ, фондов, комиссий... Показушества и профанации в таких инициативах в переизбытке, они вроде бы направлены на благое дело и цели у них благие, а по факту – пшик!

Вот и досточтимый Год литературы. Мне довелось быть на писательской встрече с Президентом, где он объявил об этом Годе литературы. Аплодисменты! А после довелось услышать слова премьера, что на Год литературы выделено аж три миллиарда рублей! Где они? Кто отчитался? Ау, Счетная палата, расскажите: куда, сколько и зачем было потрачено? Что реально-го получила наша русская литература, русский язык? Деньги-то из кармана налогоплательщика. То бишь – наши. Вернее, были наши, стали...

Ещё раз о русской брани

Так уж исторически сложилось, что редактором III-го издания Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля в начале прошлого века был лингвист польского происхождения И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он самовольно включил в словарь огромное количество ругательных нецензурных слов. Расширил русскую лексику? Нет. Жестоко поступил по отношению к памяти В.И. Даля, потому что «словарь авторский», а ещё вроде бы и «узаконил» нецензурщину как языковой пласт русского народа. Нет спору, крепкие выражения испокон веку употребляемы в России, но рассматривать их как богатство, а словарь В.И. Даля открывает нам именно богатство языка, неправомерно.

И нынешние языковеды ведут себя очень непоследовательно в отношении ненормативной лексики. Веяния нового времени – словари жаргонов,

русского мата, блатной «фени» и т. д. Сколько их выпущено по России! Под прикрытием объективности (явление, мол, существует, его надо исследовать) появились книги с жуткими словниками. Здоровая ткань богатейшего русского языка разъедается зафиксированным сквернословием, подобострастными примерами.

Труды эти в большинстве своем псевдонаучные, их значение для лексикографии мизерное, но интерес к ним спекулятивно подогревается: мол, такие изыскания прежде были невозможны. На самом деле всё диктует прибыль издателей и растущее бескультурье общества. Цензуры нет. Вернее, цензура – рубль и доллар – тут не помощница, а совести, разума и вкуса некоторым творцам изящной словесности и науки попросту не хватает. И языковая вольница дает волю разного рода прохиндеям, эпатажным персонажам и просто отъявленным прохвостам от литературы и искусства.

Порой слышатся ссылки на классиков. Великий А.С. Пушкин, якобы, не чурался крутых высказываний. Но разве использование нашим гением нескольких нецензурных слов в своих произведениях повод для подражательства? Пушкин иной раз и неприглядные поступки совершал. Что ж из того? У Есенина найдется во всем творчестве тоже несколько бранных нецензурных слов... И что теперь?!

Появление ненормативной лексики в произведении великих художников – это, скорее всего, результат духовного срыва, факт болезненного состояния или озорства, творческого отчаяния или некоторого вызова ханжескому обществу, проявление симптома какой-то социальной зараженности и т. п. К этому стоит относиться очень настороженно, и уж никак не восторженно!

Замечательный языковед, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского В.А. Гречко (ныне покойный) считал мат – «антиязыком» русского народа. Он был в этом убеждён, писал на эту тему статьи, был категоричен. Заметьте: не языком, а антиязыком! То есть по существу – врагом. А уж когда какой-нибудь деятель или даже писатель ерофеевско-сорокинско-пошиба с пошлыми улыбочками всезнайки говорит, что мат просто язык русского народа, то и вовсе хочется на них, на этих говорунов, плюнуть!

Мат – язык русского народа??? Нет, голубчики! Антиязыком – ещё можно признать, но языком... Мат – назвать языком, это будет слишком жирно! И подло! Это всего лишь малая междометная часть бытового нелитературного языка. Кстати, матерных слов в языке совсем немного – с десяток... (трехэтажные обороты – это всего лишь обороты с участием одних и тех же непечатных слов). И говорить о том, что это язык русского народа? Да упаси бог! Что вы плетёте, олухи?!

Или вот разрекламированная книжица некоего обласканного на телеканале «Культура» доктора филологических наук М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва». В этой книжице говорится в основном о соре русского языка, о тех убогих лингвистических новшествах в области интернета, молодёжного сленга, и, разумеется, немалое место уделяется матерщине. Цитировать кронгаузов о почтении к мату – занятие жуткое. Но кое-что придётся, чтоб почувствовать уровень, соотнести с выводами нижегородского учёного. Цитируем М. Кронгауза: «...как просвещенный лингвист я мат не то чтобы поддерживаю, но отношусь к нему с интересом, пусть исследовательским, и с определенным почтением как к яркому языковому и культурному

явлению...» (Вот оно как! «яркое языковое и культурное явление».) «...в советской деревне мат использовался много, часто и всеми...» (Интересно, бывали ли эти кронгаузы в советской деревне? От моих бабушек, русских крестьянок, я никогда матерных слов не слышал! Да разве обзовет крестьянка свою коровушку-кормилицу матерным словом?! Никогда не слышал я матерщины и от других своих родственников, выходцев из деревни.) «А не ругаться матом это для русского человека, ну, как водки не пить, то есть подозрительно». (А что, все русские пьют водку? Все спились? Кто бы вам, кронгаузам, построил дома, университеты, заводы, накормил вас, напоил, защитил?!) И ещё одну цитату из доктора филологии: «Увы, и в мате не стоит искать национальную идею. Сегодня он скорее разъединяет людей». (О чём это?! О том, что полдюжины бранных слов могут быть национальной идеей России?! Это ж надо так не любить, не знать, не понимать, не уважать свою, или правильнее для кронгаузов «эту», страну!)

И вот такая профессура нынче в самых популярных вузах. Учат... И на экранах, разумеется, мельтешат, копошатся. Нынче для них – вольница. Плети Емеля – твоя неделя!

ТЬфу на них! На эту нерусь!

Слово «нерусь» я использую в значении широком: нерусь – это не обязательно человек другой, чужой нации или веры, приезжий; нерусь – это те, кто, возможно, родился и вырос в русской среде, но её не признает, не принимает, глумится над всем русским и радуется каждому провалу русских в той или иной сфере, в том числе языковой.

...Междоветная, животная сущность мата очевидна: слова эти коротки, скоропалительны, их даже договаривать до конца не надо. Да ими и пользуются люди чаще всего заводные, взвинченные, с

избытком темперамента, злобы, ущемлённости или неудовлетворенности. А животная сущность этих слов также очевидна: что бы ни приписывали человеку, – божественное начало, духовность, – человек несёт в себе и животную основу, поэтому и весь мат связан с плотскими потребностями человека, опирается на полдюжины слов плотской лексики.

Мат, безусловно, заразителен. Как вредоносная бактерия, он больше всего заражает молодые неокрепшие души. Разговоры многих молодых людей и так-то поражают своей простотой и малословием. Но это поправимо, с годами что-то приобретётся; молодые люди слишком молоды: в них бурлят эмоции, в них кипит кровь, и изъясняться длинными красивыми предложениями несподручно. То ли дело коротко: «классно! прикольно! дебил!...» А соцсети интернета вообще – отдельная тема. Там писать надо, а не хочется. Короткие слова и те не дописывают, грамотностью никто не «заморачивается». Там же в основном «лайкают»! Даже есть «словарь интернет-сленга», где приготовлено немало глупостей для малограмотных пользователей. Но самым печальным в речи молодых людей становится обыденная матерщина.

А ведь повседневный, бытовой, междометный лексикон очень губителен! Особенно для девушек. Тут имеются два важных момента. Молодой мужчина, юноша острее чувствует свою половую зрелость, в нем бушует плоть, жаждет улады и удовлетворения... Поэтому животные междометные выплески естественны. Другое дело – молодые девушки. Они ещё не падки до плотских утех. Они ещё находятся в стадии лирики – в мечтаниях о любви, а все плотские любовные игры – это где-то впереди, и чаще всего плотский расцвет для женщины наступает уже после рождения ребёнка.

Но в компании юная девушка порой вынуждена подыгрывать окружающим сверстникам, выглядеть взрослой, подчас ругаться матом. Тут и показушное представление своей взрослости: сигарета, пиво, ругань и прочие шалости. Но с каждым ругательным плотским словом милая девушка, юница, лишает себя многого: в ней становится все меньше фермента любви; она растрчивает свою энергетику любви, которой потенциально наделила её природа, в брани, в показной вульгарщине. Ей потом все сложнее будет полюбить, ведь любовь – это уважение к мужчине и таинство, а какое уж таинство и уважение к мужчине, если она матерится рядом с парнем как сапожник... (извинимся перед сапожником: подлинные ремесленники ругаются редко).

Да спросите любого парня из той же компании, где стоит мат-перемат: хотел ли бы он взять в жены девушку, которая палит «уй» да «лять»? Так, пошалить с ней – куда ни шло, с такой распутной даже и в кайф... Ну а всерьёз полюбить, пойти с ней под венец вряд ли захочется. Ведь она ещё и будет матерью его детей, ведь она ещё и с его мамой будет говорить на таком языке... О! милашка матерщинница, лучше уж я без тебя как-нибудь по жизни обойдусь, другую позицию. Он так не думает, его так невольно подсознание воспитывает.

Как алкоголь, который быстрее губит женщину, чем мужчину, так и матерщина. Женщины, которым привили брань и которые даже нелепо гордятся своей чудовищной речью, впоследствии становятся несносными циничными хамками, мужчина для них – самец, добытчик денег, «козёл»; впереди у таких дам – развод, делёж имущества, судебные дела, бесконечная нервотрёпка и неудовлетворённость во всех проявлениях. И как правило, у таких уже не будет любви. Разве что к деньгам мужчины. А эта любовь

слишком зыбкая. Ведь мужчина-то интуитивно понимает, за что его любят...

О! милые девушки, юные создания, не пачкайте свою душу бранью, матерщиной, не допускайте в своё сердце чёрную злобу, которую несёт междометный плотский слог, который оставляет меньше шансов на искреннюю, светлую, духоподъёмную любовь.

Есть такой певец, зовут его не по фамилии, а по кличке: что-то связанное со шнурками. Пошляк, сквернослов и хам – часто мелькает на экране; вот он закон эпатажа! Но мат на сцене запретили. Есть «закон об ответственности за нецензурную брань». Так этот деятель решил выступить без мата, но при этом снял на концерте штаны... Другие «шоумены» в одном из бесконечных «телешоу» на центральном канале, правда, заметили, что «пиписечка» у голоштанного певчишки невелика. Поэтому, молодые люди, не стоит обращать внимание и тем более брать пример с этих пиписечных певцов! Они валяют дурака и потешаются над вами за ваши же деньги.

Как важно, чтобы родители и педагоги, проповедники и гуманитарии, а ещё и вездесущие средства массовой информации (такие свободные!) провели просветительскую работу на эту тему, дали бы молодым людям представления о ценностях русского языка, русского творчества, дабы безвкусица, хамство и эпатаж не выдавались за искусство. Поймут ли и примут ли молодые люди эти наставления сразу? Скорее всего, нет, но они будут хотя бы посвящены в то, что существует и Русский Мир, и Русское Искусство, и непревзойденный Русский Язык. А чиновники из Минкульта, Госкомпечати, телена начальники с госканалов публично должны отчитываться за казённые средства, то бишь народные, потраченные на современных создателей культурных

ценностей. И вообще, всех чертей надо выводить на чистую воду! Знать, кому и за что мы платим! Депутаты, проснитесь!

Противно слушать матерные реплики со сцены театра. Стыдно становится за актёров, совестно перед соседями-зрителями, будто и тебя, и их унизили. Некоторые демонстративно уходят из зала. И правильно делают! Всё же «храм»... И диву даешься, когда люди в театральных бархатных ложах – солидные мужчины и женщины в нарядных платьях (особенно где-нибудь в провинции) – смотрят на голозадых мужиков или слушают матерщину со сцены, а ведь эта публика считает себя нынешней элитой, посещает модные театры, где куртуазные режиссеры, брезгующие законами русского театра и русских традиций, преподносят шедевры, от которых нормальному человеку хочется сморщиться и подумать: «Как хорошо, что мои родители и мои дети этого не видят!»

Есть, конечно, провалы, которые можно назвать случайными. Многим известен оскаровский фильм «Утомлённые солнцем» Никиты Михалкова – популярного актёра и режиссёра, председателя Союза кинематографистов, президента Российского фонда культуры. По телевидению этот фильм демонстрировался в самые «массовые» часы, когда у экрана собираются семьями. И вот главный герой фильма в исполнении того же Михалкова в порыве гнева ругается матом. Этот матюжок фильму ничего не прибавляет. Но он произнесён. Нецензурная брань обретает позволительность. Несмотря на то, что это – капля яда. Которая поражает чаще всего юное зрительское сердце.

Пробелы вкуса у кинематографистов сейчас заполняет законодательное ограничение по употреблению бранной лексики да и «Кодекс об административных правонарушениях», в котором нецен-

зурная брань в общественных местах расценивается как мелкое хулиганство. Любое появление разумных законов, которые выполняют роль языкового ассенизатора, наверняка будет приветствоваться обществом. Законов разумных, продуманных: язык, мышление, устои, темперамент – рубку сплеча не принимают.

При этом только отъявленный русофоб или неуч может сказать, что мат – это язык русского народа.

Русские никогда не почитали матерщинников. И если о ком-то говорили: «он матерщинник», – проносили это с досадой или отчуждением, их так же не любили, как не любили лентяев, нерях, пьяниц. Жаль, что русские подчас излишне скромны в общении с хамами, излишне доверчивы, слушая чепуху псевдоинтеллигенции, которая изнутри до дыр протирает экраны телевизоров; жаль, что потворствуем и наглецам из разных мигрантских наплывов.

А между тем даже в уголовной среде есть табу на матерщину. Блатной мир такую лексику отвергает. Не забудем, что в лагерях, к сожалению, находится немало наших сограждан. Не найти матерных слов в блатной поэзии, песнях.

Нет никаких матерных слов в фольклорных сказаниях, легендах, балладах... Кое-что наберется в срамных частушках да в некоторых сатирических сказочках из устного народного творчества (чаще всего это авторское творчество, которые пытаются сделать народным).

Иронически-похабная поэзия, сочинительское хулиганство, – на это заносило иной раз и талантливых литераторов, но при этом они ни на какие поэтические высоты и не замахивались, знали место таким срамным поделкам.

Армия... Вот уж где не скромничают и грешат многие – но не все! – матерным окриком. Это объяс-

нимо. Там суровость службы, часто – климата, быта, там мужиковское общество. А междометный окрик, возглас, резко напрягает человека, взвинчивает или играет роль сублимации, ибо внутреннее напряжение от службы и эмоции требуют своего исхода. И в некоторых случаях мат в армии теряет всякий смысл, превращается в возглас, бессмысленный клич.

Но при этом опытные мудрые военачальники никогда не будут разговаривать с подчиненными бранными словами.

Не помню, чтобы командиры полка, замполиты полка (а я служил в трёх частях) ругались при солдатах матом. Но помню полковника, начальника из дивизии, который без разбора крыл всех подряд... Он вызывал и усмешку, и даже какое-то сожаление, хотелось поёжиться от его речи и становилось неловко за него.

А однажды на учения на полуостров Рыбачий к нам прилетел на вертолёте проверяющий, генерал-лейтенант. Услышать от него не матерное, а просто грубое слово было стыдно... Да-да, именно стыдно! За него! Он стоит в лампасах, золотые дубовые листья в петлицах, гербы на золоченых пуговицах – и вдруг брань, обращенная к солдатам и офицерам, на огневой позиции... Ну что ж вы так?! Не прапорщик ведь!

Так вот и писатель. На писателя воспитанный читатель смотрит не как на подвыпившего прапорщика, а как на генерала, – не имеет он права опускаться до матерной брани в своих книгах (извинюсь и перед прапорщиками: немало в армии и таких, от которых не услышать худых слов)!

В конце концов речь-то идёт не о том, чтобы исключить несколько бранных, междометных слов из лексики языка, а о том, что изощрённые русофобы и непросвещённые бездари пытаются почти весь язык

русского народа свести к матерщине. И на законных основаниях использовать его в искусстве... узаконить этот слой как главный пласт языка русского народа.

Если кто-то вам говорит, что мат – это язык русского народа, тут же, глядя прямо в глаза этому человеку, задайте вопрос: кто он по национальности? Кто он по национальности?! Если этот аспид, балбес, вахлак, глупыш, дурень (эх, до чего ж богат, сочен наш язык! ведь я тут только на первые буквы алфавита взял несколько «ласковых» словечек) – так вот, если этот человек будет колотить себя кулаком в грудь и доказывать, что он великоросс, спросите его: на каком языке говорила с ним мама, папа, бабушка, сестра? Может быть, у него хоть тогда просветлится мозги...

Возможно ли избавиться или хотя бы несколько отстраниться от мата? Возможно! Почаще ходить в музеи, картинные галереи. Только избегайте выставок «современного искусства»: в словах «современное искусство» уже заложен какой-то подвох и намёк на некие безобразия. Почаще стоит в одиночестве бывать на природе. Посидите в читальном зале, полистайте книги с картинками старых мастеров. Почаще бывайте на кладбище, вспоминайте родных. Невозможен, дик мат на могилах родных и близких... При воспоминаниях само сознание ограничивает, а вернее сказать – оберегает человека от матерщины. Невозможно вспоминать о своем детстве матерными словами... Храм тоже излечивает от бранных слов. Верно замечено, что человек, находясь в храме, даже про себя не может ругаться матом. Кто-то будет возражать, искать исторические казусы... Но дурной пример – нам не пример!

Не экспансия – здравая защита

Язык – могучее средство воздействия на умы. Внедрение своего языка в другие нации – внедре-

ние политической и экономической зависимости. Лучшего долгосрочного представительства своих интересов и придумать нельзя! А мы отступаем. И не только в «непримиримых» странах Балтии, но и в Средней Азии, а теперь и на Украине. Миллионы русских и русскоязычных граждан в странах СНГ остались без прав на свой язык. Забывчивые лидеры стран ближнего зарубежья не вспоминают, что русский язык прокладывал для национальных элит – научных, творческих – путь к мировому признанию.

Гуманитарное, просветительское значение русского языка в мире грандиозно! Стоило в бывших республиках СССР притеснить русский язык, сразу исчезли с мировой карты культуры все современные национальные литературы. Так как только благодаря русскому языку они были доступны широкой российской читательской аудитории и далее – мировой.

Да что говорить: десятки народностей «через русский язык» стали грамотными и обрели возможность общения с другими народами. А теперь целые государства уходят из сферы влияния русского языка. Мало того – вместе с этнически русским населением, «доставшимся» от СССР, попадают под влияние языка, культуры и религии, которые очень далеки от нашей культуры. И тут встает вопрос: а на какой язык, на какую культуру они повелись, что и кто теперь будет для них таким же проводником к мировому искусству, науке, культуре, каким был русский язык?

Защита национального языка не только в руках власти. Власть у нас нынче больше русскоговорящая... Защита родного языка во власти всех русских! Нам нужно почаще напоминать, что мы русские: в семье, в школе, на работе, в компании. И пусть ошалелая русофобия, которая появилась сейчас в мировых

СМИ, обратится в пустой собачий лай, изведёт сама себя и охрипнет; а те, кто её организуют, поймут, что мы любви к себе не просим, а вот за ненависть к русским, за русофобию придётся платить.

Родом из Величаевского

Русский художник-авангардист Виктор Сергеевич Барт родился 20 (8) апреля 1887 года на Ставрополье, в селе Величаевском Левокумского района. Это современное правописание названия родины знаменитого на весь мир художника, имя которого на Ставрополье известно узкому кругу лиц. В XIX – начале XX века село называлось Величавое. Лежит оно в обширной степи, в низовьях реки Кумы.

С детских лет будущего художника окружала неброская природа восточных районов Ставропольской губернии: равнинная степь – зеленая весной, благоухающая разнотравьем, рыжая летом, выжженная жарким солнцем, камышовые плавни, где нашли себе приют фазаны и дикие кабаны. Много было в округе и другой камышовой и степной дичи. В степях водились сайгаки. Поздней осенью охотники устраивали на них охоту, отстреливая за день десятки голов. Ветры здесь преобладали северо-восточные и восточные. «Моряна» – так на-

НИКОЛАЙ
БЛОХИН

Краеведение

звали в народе восточный ветер, приходивший с Каспия и приносящий запах моря.

Мальчик рос в большой семье. Отец художника, Сергей Александрович Барт – известный в России ветеринарный врач. Ветеринарное образование получил в 1882 году. Его имя значится в справочнике «Российский медицинский список», который издавался сначала Медицинским департаментом, затем Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел России. Справочник выходил с 1810 по 1916 годы.

У справочника имеется подзаголовок: «Списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек, по сведениям на...» (и далее указывается точная дата). Имя С.А. Барта значится в выпусках справочника с 1884 по 1914 годы. Из него узнаем, что Сергей Александрович родился в 1856 году, завершил ветеринарное образование в 1882 году. В год рождения сына Виктора ему исполнился 31 год.

Отец будущего художника-авангардиста начал ветеринарную деятельность в Нижегородской губернии. Здесь в структуре Министерства внутренних дел имелось врачебное отделение. Ветеринарами губернии руководили губернские ветеринарные врачи. Их было немного: старший ветеринарный врач А.П. Кашкадамов, младший ветеринарный врач С.А. Барт и ветеринарный врач по скотопогонным трактам, коллежский асессор В.А. Лопатин. А на всю Нижегородскую губернию в те годы имелось пять ветеринарных врачей и одиннадцать фельдшеров. В среднем по России на одного ветеринарного врача приходилось в земских губерниях 65 тысяч голов крупного рогатого скота.

Из истории развития ветеринарной медицины в России известно, что часто повторяющиеся вспышки инфекционных заболеваний тормозили развитие

отечественного животноводства. Чума рогатого скота, сибирская язва наносили огромный ущерб сельскому хозяйству, крестьянству России. Очень верно определил роль и место ветеринарного врача в обществе академик И.П. Павлов. Иван Петрович писал: «Врач лечит человека, а ветеринар – человечество».

«...Ценою огромного труда и массы лишений наши предшественники побороли чуму в Европейской России, киргизских степях и Западной Сибири. Бесправные и полуголодные ветеринары сделали населению и государству подарок, оцениваемый десятками миллионов рублей, и обезопасили развитие скотоводства», – писал исследователь истории отечественной ветеринарии В.М. Коропов. Одним из таких ветеринарных врачей был и С.А. Барт. В 1887 году Министерство внутренних дел перевело Сергея Александровича из Нижнего Новгорода в Ставропольскую губернию, которую в 1873 году охватила чума и с нею не могли справиться в течение десяти лет. Приезд С.А. Барта в Ставропольскую губернию совпал с решительным наступлением на чуму, которое началось в январе 1887 года после введения в действие Закона Российской империи от 3 июня 1879 года «Об убивании зачумленных животных». Царское правительство было обеспокоено вспышкой чумы на юге России и принимало все меры для пресечения распространения инфекции. Из Санкт-Петербурга в Тифлис, а из Тифлиса в Ставрополь шли обращения о необходимости «безотлагательного составления проекта постановлений мер по полной ликвидации чумы».

Вместе с С.А. Бартом в губернии работали еще восемь врачей, командированных департаментом медицины Министерства внутренних дел. По их предложению на административной границе Ставропольской губернии с Астраханской губернией

были установлены ветеринарные пункты для осмотра животных. В селе Величавом, севернее которого проходил скотопрогонный тракт между двумя губерниями, был открыт ветеринарный пункт. С.А. Барт был назначен его пунктовым врачом. Работы было много. С утра и до позднего вечера Сергей Александрович был занят осмотром скота, выявлением заболевших животных, составлением актов, выдачей денежных компенсаций, отсылкой отчетов о проделанной работе...

В том же 1887 году в семье ветеринарного врача С.А. Барта родился мальчик, которому дали имя Виктор – «победитель». Имя для сына Сергей Александрович выбрал не случайно: верил, что выйдет победителем в борьбе с эпидемией. О детских годах Виктора Барта известно мало. В селе Величавом насчитывалось триста тридцать дворов, и в них проживало чуть более тысячи человек. Семьи, как правило, многодетные. Местное население занималось хлебопашеством и скотоводством, виноделием и овощеводством, садоводством и вязанием изделий из козьего пуха. Жители села разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и свиней. В поле сеяли пшеницу, рожь, просо. На огородах выращивали лук, капусту, свеклу, помидоры, картофель, арбузы, дыни. Село страдало от засух и восточных ветров, поэтому урожаи были невелики. Из общественных зданий в селе – волостное управление, церковь да четыре запасных общественных амбара для хранения озимого и ярового зерна. В селе насчитывалось двенадцать торговых лавок: в них продавали мануфактуру, бакалейные и мелочные товары; два питьевых дома да два ренсковых погребка.

К приезду С.А. Барта в Величавое в нем не было даже земской школы с начальным курсом обучения. Поэтому первым азам знаний Виктора учили его ро-

дители. Он рано научился читать, писать. Через четыре года после рождения Виктора в селе открыли одноклассное училище с четырехгодичным сроком обучения. Постройка училища обошлась земству в 3500 рублей. Родители Виктора, несмотря на свое более высокое социальное положение, определили сына на учебу в это училище, в котором учились дети всех сословий, проживавших в селе. Виктор изучал русский язык, родную литературу, арифметику, Закон Божий, учился чистописанию. Он переходил из класса в класс, делая успехи в учебе. Но любимым занятием мальчика было рисование. Виктор проучился в училище села Величавое три важных года.

В 1898 году его отец Сергей Александрович получил новое назначение, на этот раз в Сумы, Сумской уезд Харьковской губернии, на должность ветеринарного врача в 28-й драгунский Новгородский полк. В следующем году семья переехала в Сумы. Здесь Виктор поступил в Сумское реальное училище, готовившее молодых людей к поступлению в технические вузы. Но зачастую его выпускники продолжали образование в вузах другого направления. Среди известных выпускников этого училища чаще всего вспоминают пианиста и композитора Георгия Линтварева, геолога Николая Свитальского, художника-авангардиста Виктора Барта, который успешно окончил его в 1906 году. В том же 1906 году девятнадцатилетний Барт уехал в Москву и поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Он учился на отделении живописи. В Училище живописи, ваяния и зодчества, как вспоминал Барт, сохранялись старые, заведенные еще в прошлом столетии порядки. Но в ученической среде уже давали себя знать новые веяния, шли горячие споры. Эстетское искусство было чуждо молодым художникам. Московские обыватели, разбогатевшие лавочники,

отстроившие аристократические особняки и желавшие приобрести к изящному, заказывали модным художникам портреты светских львиц в бриллиантах, букетики в круглых золотых рамках, дачные пейзажики, русалок и нимф, которыми пестрели многочисленные выставки. Обычно они открывались зимой, на рождественские праздники. Все это было ненавистно передовой художественной молодежи Москвы. Неприемлемы были для нее и раздражительные картинки, на которых с дотошной подробностью изображались сцены из народного быта. Картины, лишённые выразительности, назойливые своей слащавой примитивной поучительностью, вызывали у молодых художников отвращение.

В начале XX века в России появилось одно из течений, взявшее начало от модернизма и получившее название «русский авангард». Дословно звучит как *avant* – «впереди» и *garde* – «охрана», но со временем перевод прошел так называемую модернизацию и зазвучал как «передовой отряд». По сути, основоположниками этого течения стали французские художники-авангардисты XIX века, которые пропагандировали отрицание каких-либо устоев, являющихся базовыми для всех времён существования искусства. Основной целью художников-авангардистов являлось отрицание традиций и неписаных законов художественного мастерства.

В училище Барт познакомился с Михаилом Ларионовым. Вокруг него группировался определенный круг художников, которому хотелось разрушить созданный искусством прошлых лет «красивенький фальшивый мир». В этот круг входили Наталия Гончарова, правнучатая племянница Натальи Николаевны, жены Пушкина, Давид Бурлюк и Владимир Маяковский.

Барт знал: Бурлюк – художник-«кубист», он из тех, кто изображает мир как «сцепление кругов и

треугольников, кубов и цилиндров». Слышал он и о скандальном успехе организованной Бурлюком в Петербурге выставки картин под названием «Бубновый валет». До училища доходили слухи о распрях и шумных дискуссиях между «бубновалетчиками» и другой группой «левых» художников, выступивших под вызывающим названием «Ослиный хвост». В журналах Барт читал издевательские фельетоны, видел пародии на картины «левых».

От своих воинственно настроенных друзей Барта отличали «классические симпатии», которые, как отмечал один из критиков, считались почти «преступными» в среде молодых художников в то кипучее время. Но Барта влекло к этим молодым художникам желание немедленно «делать настоящее искусство», выставлять свои картины, участвовать в литературных вечерах, дискутировать о «новом искусстве».

Познакомившись еще в Москве с Ларионовым, Гончаровой, Бурлюком и Маяковским, Барт примкнул к «левым» направлениям русского искусства 1910-х годов, и довольно часто встречался с ними в знаменитой «Башне» – коллективной мастерской молодых художников. Натуру здесь ставили сами художники.

В декабре 1910 – январе 1911 года Барт участвовал в выставке, организованной художественной группировкой «Бубновый валет, открывшейся в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. На выставке экспонировали свои работы Н. Гончарова, П. Кончаловский, А. Куприн, М. Ларионов, И. Машков, Р. Фальк – участники выставки «Золотое руно», братья В. Бурлюк и Д. Бурлюк, А. Лентулов, А. Экстер – художники группы «Венок-Стефанос», В. Кандинский, М. Веревкина, А. Явленский – из группы «Новое мюнхенское объединение художников». В выставке

приняли участие и московские художники, тяготевшие к «новой» живописи, но не состоявшие ни в одной из авангардных группировок. Среди них были В. Барт, К. Малевич, А. Моргунов...

Барт представил на выставке набросок «Мальчик и дискобол», иллюстрации к «Повестям Белкина» А.С. Пушкина, эскиз «Распятие»... Это была его первая выставка.

Выставка «Бубновый валет» ошеломила Москву и москвичей. По свидетельству очевидца, это был: «Какой-то самум искривленных тел, перекошенных лиц, издевательства в красках, то необузданно смелых, то удручающих своей однотонностью. Невиданные пейзажи, невозможные ракурсы, подхлестнутое желание считаться с рисунком. Безмолвный дом умалишенных. Конвульсия свихнувшейся мысли. Застывший в красках крик ужаса. Передернутый бешенством рот... Публика отплевывалась. Печать обрушилась с беспощадностью. Если и был успех, то скандальный».

У Казимира Малевича было другое мнение о выставке: «Самая сильная по своему живописному духу молодежь соединилась под флагом «Бубнового Валета», видя в нем мир как живопись, как цвет. Кто помнит эту выставку, тот не должен забыть впечатление. Многие из зрителей были поражены настолько, что живопись лишала их опоры. Цвет поражал, зажигая мозг, который привык к тихой монотонной живописи «передвижников»».

О том, какой след оставило в русском искусстве объединение «Бубновый валет», можно судить по такому факту: в его выставках с 1910 по 1917 годы участвовали свыше ста художников, имена которых сегодня знает весь мир. Вот только некоторые из этого списка: Н. Гончарова, Д. Бурлюк, В. Кандинский, М. Ларионов, К. Малевич, Г. Матисс, П. Пикассо, Р. Фальк, М. Шагал...

О Наталье Гончаровой, к примеру, сегодня пишут, что среди художников-женщин у ее картин на мировых аукционах самая высокая стоимость. Так, 18 июня 2007 года на вечерних торгах аукциона «Кристис» в Лондоне ее работа «Сбор яблок» (1909) была продана с аукциона за 4 миллиона 948 тысяч фунтов стерлингов (почти 10 миллионов долларов США). А 2 февраля 2010 года на том же аукционе «Кристис» в Лондоне картина Гончаровой «Испанка» (1916) была продана за 6 миллионов 425 тысяч 250 фунтов стерлингов (10 миллионов 216 тысяч 148 долларов США).

В 1911 году Барта исключили из Училища, как он сам писал в «Автобиографии», «за отрицание училищной догматики и дисциплины». По другим сведениям, Барта выпустили из Училища со званием классного художника (учителя рисования).

В том же 1911 году Барт покинул Москву, переехал в Санкт-Петербург и поступил в Высшее художественное училище при Академии художеств, занимался в классе, который вел профессор живописи Я. Ф. Ционглинский. Вместе с Бартом в эти годы учился будущий профессор Московского художественного института имени В.И. Сурикова Петр Покаржевский, который вспоминал, как однажды, рассматривая рисунок Виктора, схематично выполненный, но условно яркими красками, Ционглинский сказал: «Что вы так бросаетесь яркими красками? Драгоценности надо беречь, если алмаз бросите в грудку драгоценных камней, вы его не найдете, а на дороге вы его сразу увидите».

С 1911 года Барт – член петербургского художественного объединения «Союз молодежи». В 1912 году Барт вошел в отколовшуюся от «Бубнового валета» группировку «Ослиный хвост». Вместе с Ларионовым, Гончаровой, Шевченко, Малевичем,

Татлиным, Шагалом и другими членами «Союза молодежи» Виктор Сергеевич участвовал в его программных выставках «Ослиный хвост» (1912) и «Мишель» (1913).

25-летний художник представил на выставке «Ослиный хвост» 23 работы. Среди них – «Четыре поучительных картинки на слова, взятые из «Опытов» Монтеня». Молодого художника привлекли «Опыты» французского писателя и философа эпохи Возрождения Мишеля Монтеня, которые он создавал как вольное собрание своих наблюдений, размышлений, сочинений. Посетители выставки обратили внимание на представленные Бартом иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина, Ф.К. Сологуба.

На выставке «Мишель», а она объединила под знаменем «неопрIMITивизма» художников, вышедших из «Бубнового валета», который, как писала искусствовед Е. Древина, «они обвиняли в излишней приверженности французскому искусству», Барт представил десять работ. Среди них – «Женщина с башнями», «Барабанщик», «Танцовщица», «Аquareль», «Рисунок с мертвой натуры»... Позднее Алексей Кручёных в стихотворении «Встречи с художниками» вспомнил выпускников «Школы Живописи, Ваяния и Зодчества», посвятив несколько строк Виктору Барту и его однокашникам:

Виктор Барт – к вершине башни
поднявшийся на «Облаке в штанах» –
и в то же время – пушкинист, парижанин,
отчаянный шахматист
молнийного наброска суровый мастер
еще с 12-го года,
Тогда уже я часто встречался с ним,
злющим карикатуристом,
в Школе Живописи, Ваяния и Зодчества,

в знаменитом доме – Кировская, 21 –
где учились, резвясь, Маяковский и Бурлюк,
где жил и трудился Предземшара Велимир
и позже – сестра его – художница Вера.
Жил и работал во всю ширь Коля Асеев,
мечтал о летающем люде Татлин,
преданный деревьям Фаворский.
Провел детство и юность сын профессора
Борис Пастернак.

В этом восьмیارусном доме, в моем подъезде,
где сейчас бурлит и гремит,
как только что пойманный тигр,
композитор Шостакович,
сколько досок надо вбить на фасаде,
одна другой легендарней,
одна другой памятной.

В произведениях 1911–1916 годов Барт стремился, как отмечали его современники, «объединить стилистику неопримитивизма и тяготение к формам классического европейского искусства». В эти годы Виктор Сергеевич активно сотрудничал с журналом «Млечный путь». В 1914 году опубликовал в этом журнале искусствоведческую статью «Теория композиции в живописи». В этой статье художник писал: «Стоя одиноко вне противоречивых теорий современных увлечений, в произведениях великих мастеров древности, изучением и размышлением над ними, рядом своих ошибок, нашел я идеи, заложенные в основании живописи».

Как развивалось бы творчество Барта в России дальше, сказать сложно. Началась Первая мировая война, в которую в 1914 году было втянуто сразу двенадцать стран. Барта мобилизовали в армию, сначала в офицерскую школу, а затем в чине прапорщика зачислили в Русский экспедицион-

ный корпус. В составе одной из бригад Барт оказался в Салониках, воевал на Восточном фронте (Балканы).

Русские войска за границей, как вспоминал Барт, подчинялись непосредственно французскому командованию. После Февральской революции в России солдаты отказывались воевать и требовали отправки на родину. Среди русских солдат начались волнения. Бунт был подавлен с помощью артиллерии. По распоряжению французского правительства из русских солдат сформировали рабочие батальоны. Отказавшихся сослали в Африку на каторжные работы. В общей сложности в Алжире оказались около девяти тысяч русских солдат и пятьдесят младших офицеров. Среди них был и Виктор Барт. Он был арестован за отказ воевать после заключения Россией сепаратного мира с Германией и сослан в Алжир.

По воспоминаниям репатриантов, в Алжире русских солдат разделили на «трудовые роты» (отряды, команды) и расселили в разных населенных пунктах. Алжир, Оран, Константина, Бон, Блида, Бискра, Богар, Сук-Ахрас, Мостаганем, Лагуат, Монтаньяк, Тебесса, Афревилль – всего насчитывалось около ста алжирских городов и населенных пунктов, где на положении каторжников находились русские солдаты. Жили они в бараках, обнесенных колючей проволокой. Ходили строем. Выполняли тяжелейшую работу: в городах солдаты работали в мастерских, на стройках, морских причалах, заводах, угольных шахтах, свинцовых рудниках и железной дороге; в селах их использовали на фермах, опрыскивании виноградников, земляных работах, заготовке дров. Питание было скверным. Климат Северной Африки был суровым, а «медицинская помощь» издевательской. Плюс глумление, побои, жестокие наказания за

провинности. На два года каторжником стал и Виктор Барт.

В 1919 году, вспоминал Барт, его отправили на северо-запад Франции, в Лаваль, где была сформирована русская база. За отказ следовать в армию Деникина Барта уволили из армии и после стольких лет мытарств он наконец-то обрел свободу.

Барт поселился в Париже, в Латинском квартале, жил в одном доме со своими старыми друзьями М. Ларионовым и Н. Гончаровой по адресу: улица Сены, 43. По воспоминаниям современников, художник работал интенсивно и плодотворно, словно наверстывал упущенное время. 3 июня 1921 года в Париже открылась выставка «Сотня с Парнаса». Организованная русским художником, публицистом, критиком и переводчиком Сергеем Ромовым и французским художником Огюстом Клерже выставка была продолжением выставки «47 художников», состоявшейся в кафе «Le Parnasse» в апреле того же года.

В выставке приняли участие сто художников и скульпторов. Среди них семнадцать художников из России. После долгого перерыва посетители увидели новые работы Виктора Барта.

В Париже Барт познакомился с Пабло Пикассо, который тоже увлекался классикой. И это, как вспоминал Ларионов, сблизило двух столь разных художников. Барт считал за честь выставлять свои работы с Пикассо.

«Первая мастерская, в которую нужно пойти в Париже, это, конечно, мастерская Пикассо, – писал Владимир Маяковский, посетивший Париж в 1922 году. – Это самый большой живописец и по своему размаху, и по значению, которое он имеет в мировой живописи».

Затем мастерская Делонэ, о котором Маяковский писал, что он «весь противоположность Пикас-

со», мастерская художника Леже, который произвел на поэта «самое большое, самое приятное впечатление». И, наконец, мастерские русских Гончаровой, Ларионова, Барта.

«В лавках купцов Парижа, – писал Маяковский, – вы не найдете картин Гончаровой или Ларионова. Зато на заграничных выставках, при свободной конкуренции, в Америке, в Испании или в Голландии – сразу бросается в глаза непохожесть этих русских, их особенный стиль, их исключительная расцветка...»

О встрече с Бартом Маяковский писал с щемящей болью в сердце: «Он голоден. Ни один купец никогда не будет носить с его картинами». Барт, работы которого поэт знал еще до войны, по его мнению, человек, безусловно, серьезный, с большим талантом. В семидневном смотре французской живописи Маяковский повидал много работ, но картины Барта ему показались намного интереснее по сравнению с любым французом.

В тот день Барт поведал Маяковскому «грустную повесть о том, как он был единственным офицером, не согласившимся после Октября с культурной манерой французов хоронить не желающих идти против революционной России в африканских ямах». Глядя на Барта, на его худобу, нервное подергивание всем телом, Маяковский впервые высказал мысль о том, что этот художник вернется в Россию, потому что «русским без энергии Париж – крышка». Но пройдет еще долгих четырнадцать лет, прежде чем Барт примет решение о возвращении в Советский Союз.

В двадцатые – тридцатые годы Барт продолжал жить и работать во Франции. Многие русские художники обосновались в Париже еще до войны. В Париже Виктор Барт сблизился с представителями левого крыла русской эмиграции, которые с симпатией

относились к Советской России, проявляли интерес к советскому искусству, советской литературе.

«В 20-е годы русские художники Парижа, – писал В. Барт в автобиографии, – разделились на 2 группы: на просоветских, группировавшихся около журнала «Удар», и бело-эмигрантских...»

В 1922–1923 годах статьи Барта печатали в журнале «Удар» (издавался в Париже, вышло четыре номера), с которым сотрудничали Илья Эренбург, Анатолий Луначарский. Журнал был задуман критиком и публицистом Сергеем Ромовым для объединения художников и писателей – выходцев из России. Журнал, как отмечают современные критики, «открыто демонстрировал лояльное отношение к советской России и негативное, часто ироничное отношение к литературной эмиграции». Такую позицию журнала в значительной степени определяли Сергей Ромов и Виктор Барт.

В журнале «Удар» печаталась реклама органа московской художественной группы «Маковец», с которой предполагался обмен статьями и репродукциями. Виктор Барт числился среди постоянных сотрудников журнала, и как автор статей, и как художник черно-белых репродукций. В 1922 году журнал «Удар» опубликовал несколько программных статей Виктора Барта «Существует ли русская живопись?» (№ 1) и «Относительность живописных решений» (№ 3). Художник участвовал в благотворительных акциях, проводимых ее редакцией. Одной из таких форм стали «Чествования поэтов»: устроенный 24 ноября 1922 года обед в честь приехавшего в Париж Владимира Маяковского, вечера поэтов Ильи Зданевича, Бориса Божнева, Александра Кусикова... Барта можно было видеть на костюмированных балах, постановке пьесы румынского и французского поэта Тристана Тцара «Воздушное сердце», на одноднев-

ной выставке эскизов и макетов декораций московского Камерного театра, гастролировавшего в Париже (кафе «La Closerie des Lilas»), организаторами которых выступали сотрудники журнала «Удар» и литературно-художественная группа «Через», в которую входил и художник-авангардист Виктор Барт. Здесь Барт зачастую выступал как художник-оформитель.

В эти же годы Барт создал графическую серию работ по мотивам древнерусской живописи, заочно вступил в Московский Союз художников и поэтов «Искусство – жизнь», опубликовал свои рисунки в московском журнале «Маковец» (1922, № 1 и 2), участвовал в его первой выставке. Между делом оформил обложку стихов поэта-эмигранта Александра Гингера «Преданность» (1925). Барт – участник выставок русских художников в галерее Лондона: Whitechapel (1921), в галереях Парижа: La Licorne (1923), T. Carmine (1924), M. Henry (1925), A. Manteau (1928), Zak (1929). В 1935 в Праге открылась выставка русской живописи, на которой были представлены и работы Виктора Барта. Значительным событием в жизни русского художника-авангардиста стало его участие в выставках парижских салонов: Независимых (192, 1925, 1926), Осеннего (1928) и Тюильри (1930). Были и персональные выставки произведений Виктора Барта: одна в галерее на улице Bonaparte (1921), другая на улице Dilevsky (1931).

Шире стало сотрудничество Виктора Барта с русскими и французскими журналами. Его работы публиковали известные французские издания тех лет «Clarté» («Кларте»; 1922–1925), литературный журнал «Le Monde» («Монд»; 1928–1935). Оба издания, основанные французским писателем Анри Барбюсом, печатались в Париже. Он же был и главным редактором этих изданий.

Среди художников журнала «Clarté» («Кларте») было несколько выходцев из России: Серж Фотинский, Осип Цадкин, Жан Лебедев, Натан Альтман, Дм. Митрохин, Виктор Барт, Айзик Федер, Хана Орлова... Об уровне журнала можно судить по такому факту: на страницах издания постоянно появлялись рисунки таких художников, как Пикассо, Матисс, Фужита, Люрса, Лот, Мазерель. Барт напечатал в «Clarté» («Кларте») целую серию литографий.

В 1928–1935 годах Виктор Барт печатал свои графические работы в новом барбюсовском международном журнале «Le Monde» («Монд»). Графика этого журнала, по оценке искусствоведов, блистательна. Один только перечень имен художников завораживает: Матисс, Пикассо, Леже, Шагал, Ривера, Синьяк, Дерен, Дюфи, Марке, Гросс, Жанн Эффель... И вот в таком блистательном ряду читатель видит имена и русских художников: Анненкова, Ларионова, Лебедева, Альтмана, так и приезжающих из СССР: Дейнеки, Редько, Глущенко, Кибрика... Виктор Барт не потерялся в этом искрометном перечне...

Барт сотрудничал с просоветским журналом «Наш Союз» (1926), издававшимся Союзом возвращения на Родину, газетой «Парижский вестник» (1925–1926).

Связей с Россией Барт тоже не терял. В эти же годы Барт создал графическую серию работ по мотивам древнерусской живописи, заочно вступил в Московский Союз художников и поэтов «Искусство – жизнь», опубликовал свои рисунки в московском журнале «Маковец» (1922, № 1 и 2), участвовал в его первой выставке, участвовал в 1-й и 2-й выставках Московского хранилища современных произведений. В 1925 году в Париже открылась Международная выставка. Для нее он оформлял павильон СССР. В 1927–1928 годах Ларионов и Барт скомплектова-

ли выставку «Современное французское искусство» в Москве. Художник прислал для нее три свои работы в русский отдел этой выставки. Выставка имела колоссальный успех для установления культурных связей Франции и СССР. Отсюда нередко в литературе встречаются аннотации, что Виктор Барт – французский художник.

Несмотря на столь обширную деятельность, по оценке искусствоведов, творчество Виктора Барта не получило признания во Франции. Но еще сложнее оказался путь к признанию творчества художника в Советском Союзе. В 1936 году Барт приехал в СССР, поселился в Москве, на Масловке – в городке художников. Занимался в основном книжной графикой. В 1937 году создал иллюстрации к детским книгам «Сказка о царе Салтане» А.С. Пушкина, «Мишкины соседи» З.Н. Александровой. В 1939 году вышла книга «Стихи» Н.А. Некрасова, в 1940 году – «Олеся» Я. Купалы, в 1948 году – детский календарь «Крулый год», все с иллюстрациями В. Барта.

В 1943–1948 годах Виктор Сергеевич работал над серией литографий «Москва в ее прошлом и настоящем». Но признания его работы не получили. Графическое творчество Виктора Сергеевича Барта советская критика характеризовала как «формалистическое» и «модернистское».

Последние годы жизни были самыми трудными: с 1951 года и до самой кончины, последовавшей 27 мая 1954 года, Виктор Сергеевич Барт занимался изготовлением учебных пособий. Художнику шел 68-й год.

Работы В.С. Барта хранятся в собрании Государственного музея В.В. Маяковского, Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (ГМИИ им. А.С. Пушкина), Костромского государ-

ственного объединенного художественного музея, Музея Виктории и Альберта в Лондоне.

Картины В.С. Барта имеются и в частных коллекциях. Нередко их обладатели передают работы художника в дар музеям, несмотря на их высокую стоимость. Так, по информации Отдела личных коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина, в дар Музею в 2016 году передано собрание графики русского авангарда 1910–1920-х годов известного литературоведа Р.В. Дуганова и его жены Н.С. Шентелевич. Коллекцию передали их наследники. Среди произведений станковая и книжная графика известных художников, в том числе и футуристические композиции В.С. Барта. К сожалению, работ В.С. Барта нет на его родном Ставрополье. Надеемся, что в будущем появятся биографические материалы о В.С. Барте в музеях и библиотеках сел Величаевского и Левокумского.

Прошло более ста лет с тех пор, как зрители впервые увидели работы Виктора Сергеевича Барта. Последний раз работы художника-авангардиста В.С. Барта представлялись широкой публике в 1974 году на выставке «Русский взгляд» в Гейдельберге (Германия).

Виктору Барту, как и ряду других художников XX века, и как самому «ставропольскому парижанину», принадлежит достойное место во Всеобщей истории искусств.

Подписано в печать 06.11.2018.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ № 318-2. Тираж 979 экз.
Дизайн и верстка: Климов А.В.
Корректор: Иванов В.Б.
Отпечатано в типографии «Фаворит»:
394036, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Трудовая, дом 50, кв. 10.
Тел.: 8-958-649-53-31.

ББК 84(2=411.2)64
УДК 821.161.1(470.63)-8
А72

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова**

**А72 Литературное Ставрополье. Альманах. –
Ставрополь, 2018 г. – № 3.**

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Дизайн и верстка: А.В. Климов

Корректор: В.Б. Иванов

Сдано в набор 28.09.2018. Подписано в печать 06.11.2018.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.

Заказ № 318-4. Тираж 979 экз.

Отпечатано в типографии «Фаворит»:

394036, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Трудовая, дом 50, кв. 10.

Тел.: 8-958-649-53-31.

ISBN 978-5-6041333-3-0

Не баловали Фидии числом.
Не брезговали славой
Геростраты.
И вместо Афродит и
Ник Крылатых
с небес сходила девушка
с веслом.

Что это было?
Бред иль скверный сон,
что на рассвете вдруг
смежает вежды?
Безжалостного века
колесом
раздавлены мечтанья
и надежды.

И всё ж столетье, что
пошло на слом,
ещё цепляет горечью
утраты.
И с пересохших губ
летит псалом –
то девяностый,
то пятидесятый.

Вот так, дойдя до края,
до черты,
перехватив последнее
дыханье,
их праха и развалин
мироздания
восходят ввысь надежды
и мечты.

**ЕКАТЕРИНА
ПОЛУМИСКОВА**

Поэзия

Четвёртая свеча

Четыре восковых свечи
горели медленно в ночи...
Одна сказала с сожаленьем:
– Увы, меня зовут Терпеньем!
Меня так трудно сохранять,
и я дотла сгорю опять,
меня теряют всякий раз.
И огонёк свечи погас.
– Я – Вера! – молвила вторая,
перед иконой догорая, -
зачем и для кого горю?
Кто слышит, что я говорю?
– А я – Любовь! – сказала третья, -
для любящих должна гореть я,
но свет нести нет больше сил
для тех, кто сердцем не любил!
Услышав те слова спросонок,
вдруг в комнату вошёл ребёнок
и видит только слабый свет
одной свечи (а трёх уж нет).
И пляшет тень на образах.
К свече он кинулся в слезах:
– Не догорай, свети хоть ты!
Спаси меня от темноты!
И лишь четвёртая свеча
была светла и горяча.
Бесстрашно раздвигая тьму,
она ответила ему:
– Не унывай. Сильнее тьмы
мой луч, куда вместе мы.
Не бойся больше, не кричи
и вновь другие три свечи
зажги от моего огня.
Зовут Надеждою меня!

БЛЖ. Ксения Петербургская

Рассвета жаркие лучи
пронзили высь над колокольней.
А сердцу радостно и больно,
Господь, молю – не разлучи!
Иначе разве может быть?
Бог заповедал нам любить.

Как не наполнить решето,
не умолить раскатов грома,
так вышло в жизни по-иному.
За что же, Господи, за что?
Ужель в душе померкнет свет?
Ведь Бог сказал, что смерти нет...

И вот уж лютая зима
бредёт скиталицей усталой
по сонным питерским кварталам...
Не дай, Господь, сойти с ума.
А даль морозна и светла,
и всё звонят колокола...

Уж сколько лет, уж сколько лет
та вьюга сердца не остудит.
И всё идут, идут к ней люди,
чтоб на вопрос найти ответ.
И всё горит лампы свет.
И смерти нет, и смерти нет...

Кто-то видит звезду из колодца,
Кто-то славит столетия ход...
Как в стране престарелым живётся –
Значит, так и Россия живёт.

И порой опускаются руки,
И слезой застилается взор.
Где они, благодарные внуки,
Или это пустой разговор?

Ни конца и ни края не видно
Череди испытаний лихих.
И опять за державу обидно,
Что не держит обетов своих.

Задевая душевные струны,
Ветер листья сметает к ногам,
Да зима серебром своим лунным
Щедро платит по нашим долгам.

Листопада карусель
закружила, завертела,
будто нет другого дела!
Запах сырости и прель.

Привкус горечи и дыма...
Оттого ли в горле ком,
что тоска невыносима
в ожидании пустом?

На реке окрепнет лёд.
День истлеет. Луч заката
метким выстрелом пробьёт
небо в точке невозврата.

И застывший Божий Свет
в ледяных озёрах-блюдцах
вдруг прочтёт – «возврата нет»
и надумает вернуться.

Сны – туман. Обиды – тлен.
Всё, что грязно, серо, плохо,
снегом выбелит Эпоха
Холодов и Перемен.

О Фейсбуке

Где б клиповым мышлением разжиться?
Наверное, в Фейсбуке, в соцсетях.
И на какой-то выбранной странице
от блогеров иль интернет-бродяг

вдруг промелькнёт какое-нибудь фото.
Зацепишься за памяти крючок
и вырвешь из вчерашнего болота
воспоминаний золотой пучок.

Нить Ариадны, как же ты некстати
натянешься в тугую тетиву!
И мысль стрелой калёной на закате
насквозь пронзит забвенья синеву.

И звездопад ненужных откровений
обрушится на голову мою.
Средь незнакомых голосов и мнений
сама себя уже не узнаю.

Вот так бывает при затменье солнца!
Прорвётся слов бессмысленная рать -
и другом называешь незнакомца,
а друга не желаешь признавать.

И кто же в жизни нам дружить мешает,
из новостных не выпадая лент?

Не друг, а фрэнд... И разница большая.
Начни сначала и лови момент!

И вот, уже освоившись немножко
и зная теги все наперечёт,
идёшь туда, где мышь играет
с кошкой
и век минувший тайнами влечёт.

Качалась лодка у причала.
Сгущалась темень над водой.
По небосклону величаво
Плыл полумесяц со звездой.

И это сказочное диво
Затмило всё и вся окрест.
А я искала терпеливо
Над горизонтом Южный Крест.

Вот он, едва доступный взглядам,
Мерцает призрачным огнём,
Объятый заповедным сном –
Пока звезда и месяц рядом.

Но двум светилам быть в зените
Не век... И только Южный Крест –
Дорог земных путеводитель,
Небесный знак для этих мест.

Говорят, есть дорога к спасенью –
сам себя сохрани и спаси!
От цунами и землетрясения,
от смещенья магнитной оси.

Сядь в ковчег, уподобившись Ною,
стиснув зубы в последнем броске.
Если время морскою волною
Не размочит твой след на песке.

Если память, маяк негасимый,
не предаст. Не сметёт, как тогда
Хиросима (теперь – Фукусима)
и Чернобыля «злая звезда».

Остальное – ведь всё наживное.
Каждой твари – по паре с собой!
Это снилось, наверное, Ною,
и не выдумать людям иное,
если вертится шар голубой

и летит во Вселенной свободно,
не пугаясь ни зноя, ни стуж...
Если будет так Богу угодно
ради нескольких праведных душ.

В храме

Нет на свете вопросов простых,
Если тайна души сокровенна...
Пред сияньем крестов золотых
Я глаза опускаю смиренно.
Как участливо проникновенны
И задумчивы лики святых!

Зачарованно слушая хор,
Я стою у Казанской Иконы.
Мне до боли знаком этот взор
Богоматери – русской Мадонны.
И летят колокольные звоны
В бирюзовый морозный простор.

И как будто я тоже лечу
Под расписанный купол куда-то.
Зажигаю с надеждой свечу.
Вдруг наполнился Храм ароматом,
Чуть смолистым, слегка горьковатым –
Вновь молитву тихонько шепчу.

И плывёт золотистый туман
Над лампадами, благоухая.
Даже глядя в глаза прихожан,
Для себя навсегда понимаю –
Только здесь я душой отдыхаю,
Миг блаженства судьбою мне дан!

Хорошо, что по будничным дням
Здесь спокойно и немногочлюдно,
Что стоит, недоступный ветрам,
И живёт величаво и трудно
Близкий сердцу, святой и уютный,
Православный спасительный Храм!

СВЯЩЕННИК И ПАЛАЧ

Повесть

Смерть грешников люта.
Псалтирь, 33

1

«Совершенно секретно
Начальнику Особого
отдела Северо-
Кавказского фронта
полковнику
Белкину М.И.

Служебное донесение

В соответствии с приказом НКВД № 001683 от 18.02.1942 г. возглавляемая мной группа Особого отдела 44-й армии провела оперативно-розыскные мероприятия в полосе наступления наших войск, на освобожденной от оккупантов территории Беломечетского района Ростовской области и в пограничных населенных пунктах Краснодарского края. В ходе

**ВЛАДИМИР
БУТЕНКО**

Проза

расследования по горячим следам были выявлены и арестованы:

Предателей – 7,

Полицаев – 3,

Фашистских пособников – 18,

Дезертиров РККА – 4,

Бежавших из мест заключения уголовников – 4,

Прочих изменников Родины – 1.

Привожу список и характеристики преступных элементов, против которых применены репрессивные меры, в том числе ВМН...»

В предвоенные годы Семен Минич Гарига выделялся среди станичников тем, что на праздничных демонстрациях носил, как хоругвь на высоком древке, портрет Сталина. А в будни этот «образ», по словам соседей, красовался в переднем углу его хаты, под узорчатым рушником. На все расспросы Гарига отвечал односложно и скупое, по привычке мешая русские слова с украинскими:

– Нема большевика мэни дорожче! Бачил Йосифа Виссарионовича в Царицыне. Отдал я ему честь, а вин кажэ: «Мы буржуев побъемо и встановимо нашу советскую власть». На тачанке подвиз его в штаб дивизии, до Ворошилова.

В районном отделе милиции знали, что колхозник почем зря трезвонит о встрече с вождем. Но никто из сотрудников не решался укоротить ему язык, ибо такие действия на «верху» могли истолковать по-разному. Например, как выпад против лидера партии в угоду троцкистам.

И всё же это было весьма странно, поскольку слыл Семен Минич пустоболтом и нелюдимом, таившим душу за семью замками. Старожилы помнили, что он, отпрыск переселенцев-малороссов, вернулся с гражданской войны в буденовке. Однако однополчанин его как-то спяну обронил, что вместе не только «давили вшу на астрицком фрон-

те», но и воевали в белой коннице Улагая. А спустя неделю этот болтливый казачок, метая в степи стог сена, невероятным образом напоролся на собственные вилы. Поговаривали о злонамеренном убийстве, однако свидетеля не нашлось.

До самой коллективизации жил Семен со своей бабой и дочерью на отшибе, держал буренку да пару быков, разводил сад и драчливых кочетов. Когда же всё вокруг стало «общим», попрощавшись с раскулаченными родителями, не растерялся – сунул «барашка в кармашке» фельдшеру и предъявил в колхоз справку, ограждающую от тяжкого труда, как подорвавшему здоровью «в борьбе за счастье народа и мировую революцию». С тех пор и обосновался он на конюшне. Дело с малолетства было понятным, знал за лошадьми уход, разбирался в породах и повадках, впрочем, особой привязанностью к дончакам не отличался.

Заполосной стаей мчались годы, но в станице по-прежнему относились к Гариге с предубеждением и всячески сторонились его. А те, кому приходилось ездить с кучером на телеге, невольно испытывали настороженность, как с человеком, готовым на любые выходки. Гуляла молва, что решив завладеть домом отца и матери, сам же и донес на них в ОГПУ как на «кулацкий элемент». Да не повезло: семейное подворье отвел сельсовет под детские ясли. С той поры и ожесточился, стал придиричив к казачатам, гонявшим табун в ночное. А пострелы, как на духу, в один голос твердили, что знается дед с колдовской силой, и кнут в его руке будто бы вырастает, становясь угрожающе длинным и хлестким. Они же и окрестили его осиным прозвищем – Шершень, прилепившимся к чуждой для казаков фамилии.

Несмотря на почтенный возраст, Семен Минич был довольно подвижен, ступал своими раскопченными ногами твердо и не утратил манеры прищуриваться на встречаемых, тая в глубоко поса-

женных глазах льдистую мглу. Седина пролилась по жесткой щетине лица, а волосы на висках и затылке оставались всё такими же огненнорыжими. И только лоб с большими заплешинами избородили морщины, точно время оставило на нем памятные зарубки.

С весны до инистых утренников возил Гарига доярок к заречному коровнику на утреннюю и вечернюю дойку, а в страду, погрузив на телегу бочку, еще снабжал водою полевые станы. Случалось, по распоряжению бригадира гнал лихих в амбулаторию, доставляя туда рожениц или тяжелобольных. Но делал это неохотно, считая, что такие наряды не касаются колхозных дел. Зимой, особенно в морозы, отсиживался дома, ссылаясь на немочь – последствие фронтальной контузии. И напарникам, хромоногому Агафону и деду Тарасу, приходилось отдуваться на конюшне за троих. Ни с кем Гарига не дружил, в помыслах был темен. И стар и млад, помня о лютости «героя-буденовца», загодя перебирались с дороги на обочину, как только показывалась его подвода. Иной раз (в отсутствие свидетелей) батогами¹ доставалось не клячам, а зазевавшемуся ротозею. И если пострадавший жаловался бригадиру на рукоприкладство, то Шершень, отвергая клевету, выпячивал грудь и божился, что не только не трогал охальника, но даже не видел его в тот день. Вызывали не раз конюха в правление, разбирались, пугали милицией, и на том административные меры исчерпывались, и – неприглядный проступок снова сходил ему с рук.

Так командовал лошадьми Семен Минич до августа сорок второго, до прихода немцев. На третий день оккупации был объявлен станичный сход. С крыльца сельсовета белобрысый немецкий офицер возвестил свободу от большевицкого ига и посулил достойную жизнь под крылом фюрера.

¹ Батог (донск.) – кнут.

Затем переводчик предложил желающим выступить. Первым сквозь толпу протолкался Гарига. Из пыльного мешка он выдернул портрет Сталина, с силой ударил о цементированную площадку и минуту топтал, будто отбивал гопака. Свирепый вид аборигена, проклятия в адрес «усатого кровопивца», поясные поклоны «германским спасителям» убедили фельдкоменданта в том, что этот унтерменш пригодится рейху.

И наутро станицу облетела новость, показавшаяся невероятной: малограмотного конюха немцы назначили старшим полицейским, определив в подручные двух ухарей помоложе – дезертира Тимченко и кулацкого внука Костю Касторнова. Во дворах язвили: коль возвеличили фрицы «неуча, отдающего навозом», то и власть их таковская...

Но шутка не прижилась. Как только Гарига облекся в немецкий френч и напялил пилотку, его точно черт обуял – стал многословен, груб и до самодурства придиричив. Доказывая свою преданность, он передал в комендатуру список активистов и переселенцев-евреев из Ленинграда. Глубокой ночью тридцать два жителя станицы (взрослых и детей) каратели СС увезли на грузовиках в неизвестном направлении.

А через день Шершень помогал уже интендантам в изъятии скота и крылатой живности. По его наводкам загорелые румынские парни учинили на подворьях грабежи. Желая выслужиться, в порыве небывалой щедрости, обер-полицей пожег жертвовал для немецких солдат целую фурманку (высокобортную телегу) своих первосортных яблок.

Гаригу точно понесло. Выведав о раненом красноармейце, скрывающемся в камышах, он привел к реке подчиненных и выслал их вперед с волкодавом, а сам, обойдя с другой стороны, застал в лозьяке. Когда из тростниковой чащобы на тропу выбрался бородач в форменных штанах и гимнастерке, с перебинтованной головой, Гарига

подпустил его шагов на пять и сразил из карабина. Фельдкомендант Кремер поощрил аборигена за усердие наручными часами и приказал вывесить благодарственные листовки.

На это Семен Минич ответил «вечерей», куда позвал фельдфебеля, переводчика, четырех солдат, а также своих подчиненных и разбитных молодаяк. Хотел было «ласкаво» пригласить и коменданта, да поостерегся – не по рангу компания.

Патефон заливался до утра, плясовой перебор сапог и чувяков, визг и запевки слышались за три улицы. Стол был щедр, потому как расторопный «Костик-Касторка» в пылу грабежа подвернул подсвинка к своему базу, выполняя волю командира. «Фройндам» веселье понравилось, – в особенности мускатное вино, пирожки с печенкой, зажаренный окорок и объятая грудастых молодух...

В Управе пировали. И никто из станичников больше не сомневался в выборе коменданта. Истина подтвердилась, что лихолетье являет миру кощунников и предателей. Разгоряченные думы уводили оказавшихся в неволе людей куда как далеко – и на фронт, где сражались родные и близкие, и в Москву, к народному заступнику Сталину. С волнением подступали мысли о Спасителе, о его милосердии и неизбежном возмездии. И еще вспоминалась им судьба обер-полицая. Выходит, недаром до войны Господь не раз наказывал этого грешника...

2

Гарига появился на краю огорода негаданно.

– Ось ты иде, Николаич... С картохой воюешь? Бросай! – грубо приказал он, поправляя ремень карабина, висевшего на плече стволом вниз. – Пошли в хату!

Раскрасневшееся от раннего зноя, в окладе бородки, лицо счетовода Меркулова, затененное соломенной шляпой, тревожно застыло. Он вогнал

лопату в затверделый грунт и, переведя дыхание, рослый и сухопарый, зашагал вдоль делянки с россыпью клубней. Полицай сдернул с головы пилотку, суконным рукавом вытер лоб.

– Бачу, богато нарыли... А у германцев нужда в провианте.

На дворе Пелагея Никитична киззяками разжигала печуру. Статная, с зачесанными назад седыми волосами, пожилая казачка, увидев постояльца и Шершня, вытерла ладони о край передника и – нахмурилась. Еще свежо было в памяти, как три дня назад, надев поверх кофточка казачью гимнастерку, она с вилами в руках защищала у двери сарая козу Зорьку. Трое мародеров угрожали автоматами. (Приказ запрещал им использовать оружие против мирного казачьего населения.) Но она не дрогнула! А вот несущек в курятнике уберечь не удалось...

Поняв, что полицай направляется в курень, Пелагея Никитична первой поднялась по деревянным ступеням. Следом забухал подковками ботинок полицай. В горнице он приставил карабин к столу и плюхнулся на единственный здесь венский стул. Комната наполнилась запахами ружейного масла, пота, ваксы и лука, без которого Гарига не обходился и дня. Хозяйка застыла у посудного шкафа-горки, вглядываясь в бывшего колхозного конюха. Немецкая форма – китель мышастого цвета с накладными карманами и нашивкой в виде орла, застегнутый на все пять пуговиц, глубокая пилотка – враждебно, до неузнаваемости изменили конюха. Его вытянутое, в щетинистой поросли лицо багрово пламенело. Он с прищуром наблюдал, как счетовод, войдя и поклонившись образам, сел на топчан.

– Зараз я от коменданта, – объявил Гарига. – Так що захватил хвюрер Сталинград и досягнул аж до Кавказа! А Сталин в Америку убёг...

И помолчав, строго спросил:

– Ты, уважаемый, с якого года будешь?

– Рожден в тысяча восемьсот девяносто пятом, – ответил Меркулов, теряясь в догадках, с чем пожаловал блюститель порядка.

– Значится, в призывном разряде, – прикинул Гарига. – А колы поселился туточки?

– Четвертый год у меня на постое, – вставила хозяйка, глянув на Шершня с неприязнью.

– Тебя не спрашивают!

– В Беломечётскую переведен с поселения в ноябре тысяча девятьсот тридцать восьмого года, – всё той же монотонной интонацией, точно на допросе, подтвердил счетовод.

– За яку провинность в кутузку попал?

– Пятьдесят восьмая статья. Контрреволюционная деятельность.

Гарига хлопнул по коленям жилистыми, в костных шишках ладонями:

– А моих батькив² по сто седьмой! Будь вони, комиссары, прокляти! Ты, Николаич, – человек грамотный. Не стал я тэбэ в Управу звать, а сам уважил. Нехай про мэнэ брешут! А я, щоб ты знал, приходску школу с грамотой кончил и у генерала Улагая вестовым служил... За двадцать шагов с винтовки пятак срезал! Опосля взводом командовал, давал жару «краснозадым!» – Семен Минич потряс кулаком и вновь заинтересованно спросил: – А якому дилу обучен? Чем хлеб добывал?

Красивое лицо Меркулова, с разлатыми, порыжелыми от солнца бровями, оставалось, как прежде, спокойным.

– Работал в трамвайном депо. Имею аттестат об окончании курсов счетоводов. В лагере приходилось плотничать.

Гарига испытующе смотрел на счетовода. Но, видимо, так и не дождался того, чего хотел услышать.

¹ Батьки (укр.) – родители.

– А ты не забыл шо-небудзь? – как бы удивился он и покосился в сторону хозяйки. – Чи есть в хате жива людына? Пот по морде текёт. Хочь бы ложечку воды дала!

Пелагея Никитична нехотя принесла из погреба квасу, и «гость» в один прихват выцедил кружку пенного напитка с ягодами смородины. Возвращая посудину, он распорядился:

– У вас, Пелагея, картоха уродилась. Два чувала реквизирую для германцев. Пойди и насыпь... А нам трэба по секрету побалакать.

– Мы ее не для дяди растили! – вспыхнула хозяйка. – И-и... Наглючие твои гляделки, Семка! При старости лет – в чужие оглобли?!

– А ну, замовчь! Моду взяла... А то заберу в полицию – не пикнешь!

Когда наконец хозяйка удалилась, обозленный Гарига повернулся к окну. По стеклу, жужжа, семенила, приподняв палевые крылышки, оса. Коротко перелетала на другое место и еще быстрее перебирала лапками, пытаясь выбраться на волю. Семен Минич привстал и с хрустом припечатал ее большим пальцем.

– Если это для вас важно... – с рыву продолжил Меркулов разговор. – Накануне большевистского переворота я окончил Кавказскую семинарию. Через три года был рукоположен в священники.

– Ото ж! – осклабился обер-полицей. – Проверял я твою карточку в правлении, у Наташки. Так что знаю, Николаич, про твое життя всё наскризь!

Меркулов напряженно слушал.

– И про станичных розумию! Казаки нас, иногородних, гнобылы. Ще поквитаемось! – полицей скользнул взглядом по своим часам, со свастикой на циферблате, по дощатому полу, в сохлых травинках чабреца. Затем, будто игрушку, подхватил карабин и, любовно оглядев, поставил на прежнее место.

– А приказ, значит, такой! Передавай счетоводство учетчице. Немцы колхоз не разорили,

а своего управляющего привезли. А нам с тобой нака... – Семен Минич откашлялся и договорил с хрипотцой. – Наказано нам церкву открыть.

Меркулов вздрогнул, по лицу его точно пробежал луч. А Гарига стал чеканить еще внушительней:

– Нашу Троицкую церкву! И тэбэ, Николаич, назначаем с немецкими властями пресвитером. Сам я к вере не дюже склонный. А леригию понимаю, як устав в полку. Нехай народ молится, абы не дураковал!.. Прикажу принести иконы, яки по хатам разибралы, и церковные причандалы. Заготовим доски и гвозди. Дедам и парубкам прикажу на ремонт выйти. Выделю тебе, як батюшке, свободную хату и кобылу с двуколкой. Вот така писня!

Гарига, зацепив ремень карабина указательным пальцем, поднялся, – на коленях старые льняные штаны вздулись пузырями. Тут же встал Меркулов.

– Это великое благодеяние – открытие церкви! – заговорил он взволнованно. – Но в моем личном деле ничего нет о том, могу ли я вернуться в церковное лоно. Приставлять священнослужителя к храму имеет право только архиерей.

– Всех архиереев большевики повбывалы! – оборвал Гарига. – И ты, Меркулов, не виляй. Читать молитвы можно и под голым небом!

– Вы меня не слушаете... Многое, что необходимо знать иерею, не имея практики, я запамятовал, – признался Меркулов. – Но и это не основное. Я столь грешен перед Господом нашим, что... Я все-невно и всечасно молю у Спасителя прощения. Но от содеянного не избавиться... И сейчас я не готов дать вам ответ...

Разомлевший от духоты и подуставший, служивый вздернул карабин на плечо. У двери обернулся и с ехидцей изрек:

– Ты, Николаич, неначе свихнулся на радостях? Ишь, кается вин... А хто будэ приказ коменданта исполнять?!

В расширенных глазах Меркулова появился влажный блеск. Он с заминкой вымолвил, точно пугаясь собственных слов:

– Послушайте! Мною нарушена заповедь Христа... Шестая заповедь!

– Не убий? Так. Ну, и дальше?

– Тогда, на гражданской, в силу обстоятельств я был заряжающим орудия. Безусловно, при артобстрелах многие преставились...

– А я що, на гармонье отам играл?! – вскипел Гарига. – Убивал комиссаров – и буду! И ты на хронте у кого палил? У самих анчихристов!.. Зараз германьска влада³, и суд короткий... Добывай, Меркулов, рясу и принимай церкву! Да за ремонтом следи... А не то отправлю с пленными в степу траншеи рыть. Усэ понятно?!

3

В эту сентябрьскую ночь Меркулов так и не сомкнул глаз, вороша в памяти свою долгую жизнь. Только детство живо помнилось ему, а молодость и последующие годы, словно туманом, сокрыты были лагерным сроком...

Всего несколько лет назад, когда в таежной ночи молился на нарах, – случившееся с ним представлялось очистительной жертвой за прегрешения. Там, в «рукотворном аду», где на равных с рецидивистами «перевоспитывались» люди совершенно невинные, осужденные по лже-свидетельствам и разнарядкам, душа Меркулова пребывала в мучительной раздвоенности, – предстоял перед Господом и терпя кабалу дьявольских слуг.

В одинаковых условиях находились и верующие, и безбожники. Враг рода человеческого, укorenившись на православной земле, безостановочно влек на пагубу русские души. Расстреливали за слово, за случайный жест, за шутку. А уж если ты,

³ Влада (укр.) – власть.

«враг народа», угодил в «зону», то сполна познаешь всю меру своей ничтожности!

Изо дня в день – бревенчатый барак одной и той же лагерной роты, одни и те же примелькавшиеся лица заключенных и надзирателей. Вселенское Зло и «советская власть» тут обрели зримое воплощение – надзиратели и конвоиры, офицеры и начальник лагеря Бугримов, от скуки стрелявший через форточку кабинета по кедровым шишкам. А еще потешался тем, что ночами врывается в женский барак и, подняв арестанток на ноги, приказывал петь революционные песни.

В освобождение тогда не верилось, хотя лозунг над воротами барака гласил: «Советская власть не карает, а исправляет». Изможденный и затравленный, с номером 09344 на ватнике, Меркулов разучился думать о себе впрок. Жил одним днем, следуя словам святого Антония: «Вставая от сна, не будем надеяться дожить до вечера и, отходя ко сну, будем помнить, что, быть может, не доживем до утра». Исполдволь приобщал к Богу других. О том, что он «поп», лагерники узнали от кого-то из «стукачей». На удивленье, немало собралось желающих в беседе с ним, как на исповеди, запоздало покаяться.

Чем тяжелей ему приходилось, – тем истовей зывал в молитвах к Спасителю и вспоминал слова святителя Игнатия о незлобии. Сердцем внимал он завет: испить чашу скорбей до дна – и следовал этому, и утешал сотоварищей словами Учителя: «Терпением вашим спасайте души ваши». Безропотно убирал в бараке, выносил «парашу», стирал, ухаживал за больными. И вышло на поверку, что он, осененный верой Христовой, оказался духом крепче большевиков. Они, лишённые власти и благ, оклеветанные своими соратниками, лишь в лагере познали истинную цену «всемирного братства и свободы». Мир, сотворенный Господом, они вознамерились «пересотворить» на свой лад. Но вера в коммунизм, в будущий земной рай здесь

оказалась бесплодной. Наверняка не раз вспоминалась репрессированная поговорка, что птица не чувствует боли, когда ей подрезают крылья, но летать больше не может.

Сосед по нарам, седоусый Нифонтов, земский фельдшер, угодивший под суд за вечеринку в годовщину смерти Ленина, помогал заключенным чем мог, лечил снадобьем из хвои и ягод. Нашелся доносчик. И старика посадили в карцер, скованный крещенским морозом. А наутро, во время переклички, его труп, привязанный за ноги к повозке, как бревно, уволокли в таежную глухомань...

Другой однобарачник, красавец Матвей Балыкин, сдержанно сносил лагерный режим и лишь ночами нашептывал любимую песню: «Ой да ты, полковник мой, отпусти домой. Отпусти домой, к отцу, матушке родной...» Когда доходило дело до драк с уголовниками – очертя голову защищал своих. Меркулов сдружился с донцом, мужественным и верующим, в неполные двадцать лет водившим сотню в атаки. «Коль не выживу, ты, Антон, бесперечь навести мать. Один я у ней. Доберись в Беломечётскую станицу. Передай: жив-крепок».

В ростепельный вечер, когда роту гнали на ужин, какой-то курносый ездовой на виду у всех вытолкал из ворот конюшни пожилую заключенную и начал бить. (Впоследствии выяснилось, что она набрала в пенал овса.) Матвей выбежал из строя и кулаком вразумил служивого. Конвоиры кинулись на подмогу, стали долбить казака прикладами, пока не отеснили за барак. Прощальный крик Матвея догнал колонну уже у двери столовой...

Однако умирали чаще невольники по дороге на участок или обратно, а то и на лесоповале, – падали, где придется, застывали в случайных, вычурных позах рядом с теми, кого завтра могла постигнуть такая же участь...

Непостижимо, но с годами страх смерти у Меркулова притупился. Да и другие лагерники, втяги-

ваясь в неукоснительный режим, постепенно отвыкали от мирской жизни. Горбатиться от зари до зари, терпеть произвол и холод, зуботычины, задыхаться в барачной вони и сырости, ходить под прицелами стрелков на вышках и ощущать себя бесправным и голодным рабом, – это окаянство было лишено всякого смысла. Так человек, плывущий в море после кораблекрушения, в отчаянии сознает, что тело наливается свинцовой тяжестью, а берег по-прежнему далек...

Однако каждый раз с приходом весны, с приближеньем Христова Воскресения, в нем чудодейственно восставала жажда жизни. Вспоминалось, что срок заключения стал меньше, и в душе точно пробивался родничок, – и вновь обретал он силы служить Господу...

– Не спишь, Антон Николаевич? – донесся из темноты двора голос хозяйки. В открытую дверь времянки послышались неспешные шаги. Просто-волосая, в холщовой ночной рубашке, она отодвинула занавеску и заглянула в дверь. – За книгой? Чтой-то и мне не до сна...

Меркулов, сидевший за столом перед керосинкой, обернулся, глянул поверх очков. В домике пахло припаленной тетрадной обложкой, надетой на стекло в форме абажура.

– Читаю Откровение Иоанна Богослова. Какая вы умница, что сберегли библию.

– А когда церкву рушили, забрала... Ты скажи, с чем полицей приходил?

– Велел явиться в правление.

– Выслуживается, гад! Выдал немцам людей... Убить его мало! Жалко Нору, какая с тобой работала. Придет за козьим молоком – и всё балагурит... Да и муж у нее культурный, на скрипке пикирует... Значится, останешься счетоводом?

– Нет. Замену нашли.

– А на что жить?

– Как раз к слову... За мое проживание колхоз рассчитывался натуроплатой. А теперь... Можно я поживу в долг?

– Нашел об чем... Помогаете в хозяйстве, по дому. Истый хозяин. А помирать буду – курень тебе подпишу.

– Спасибо великое, – улыбнулся постоялец и, немного помолчав, удивил неожиданным вопросом:

– Скажите, вы местная... Остались в станице верующие?

– Само собой. Мы, донские, – богу преданные.

– А если откроют храм?

– Такому не быть. Фрицы хуже комиссаров.

– Нет, вы ответьте.

– Пожилые все чисто пойдут! – рассудила станичница. – Как без Богородицы и Спасителя? А младежь... Те – не шибко. Главное, чтоб батюшка был видный, с бородой и малость пузатый. А то служил у нас один... Голосок, как бабий волосок... А надо, чтоб до души пронимал!

Лицо Меркулова, освещенное сбоку, тронула улыбка.

– Внешность имеет значение, но важней всего – слово пастыря.

– Кабыть, так, – легко согласилась казачка. – Со святым отцом не плясать...

В дверь повеяло запахами настурции и белого табака. Не смолкал в палисаде хор сверчков, заглушаемый иногда переплеском листьев. В отдалении, в кавказской стороне улавливались отголоски то ли грозы, то ли канонады.

– Пелагея Никитична, хочу повиниться, – решительно обратился Меркулов. – Вы не знаете об этом... Давно, в молодые годы, сподобил Господь меня тайне священства. Служил недолго в храме, потом полковым священником.

В ночной тишине размеренно стучали ходики. Хозяйка отерла рукой сиденье табурета, как бы в замешательстве, присела.

– Когда узнала, что Матвеевшки нет, ты мне стал навроде сына... – с укоризной проговорила она. – Вот, оказывается, откуда бралась свяченная вода...

– Простите меня! Грешен... Вы же знаете – был под надзором. Постоянно в милиции отмечался.

– А я подозревала. Как ни зайду в твою комнату, то за книгами, то у икон. Думаю себе: посты собождает, табака и водки чурается, блудом не антерсуется, – неспроста...

– С Господом я не расставался никогда. Но в лагере, Пелагея Никитична, меня перемолотили, аки сноп. Постарел, оскудел плотью... И даже здесь, в станице, поддавался малодушному искушению. Бывало, проснусь среди ночи, встану у окна и прислушиваюсь: ветер калиткой стукнул или чекисты идут?.. А теперь – еще тяжелей... Трудно поверить: немцы собираются открыть храм. И Гарига потребовал, чтобы я принял приход.

Многое повидавшая в жизни пожилая казачка свела брови, задумалась. Она хорошо помнила последние годы, ломавшие до корней казачью жизнь, щедрые на кровь, преобразования и посулы народного счастья.

– Храм на горе, как солнышко. А зараз – бевсовская пора! – проговорила она с расстановкой, взглянув на постояльца. – Только ты не верь немчуре проклятой. Это они туману нагоняют, выколашиваются, к старине пихают. Пустили слух, а до дела – нескоро, – и, спохватившись, пояснила: – Я не отговариваю. Не подумай... Вот только что будет, когда немцев выбьют? Тебя же «врагом народа» обзовут...

Меркулов перекрестился, ответил словами из библии:

– «Положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать». Всё в руках Господних. И ежели призывает, я должен внять. Но прежде мне нужно подготовиться, обрести «силу в деле и слове

пред Богом и всем народом».

Во времянке затянулась безмолвие. Меркулов сидел за столом, сгорбившись, сцепив ладони. Прогоревший фитиль чадил. Порывистой и громче шумел сад. Несколько раз проблеснули зарницы.

– Может, пошлет Господь дождичка. Земля аж звенит... – посетовала Пелагея Никитична и вспомнила: – Коли храм открывать, то надобно его освятить?

– Непременно. А для этого, прежде всего, требуется антиминос.

– Знаю. Плат с Ликом Христа, какой в алтаре.

– С ним пребывает сила Божья и Святой Дух. Он освящается архиереем.

– Когда отменяли церкву, ктитор многое забрал. Он помер, а бабка Фрося на ногах... Хлопот будет много! Вам же и облачение положено! И теперича... Как подобает именовать вас?

– Как и раньше. А рукоположен отцом Антонием, – ответил Меркулов, удивившись, что хозяйка стала обращаться к нему на «вы».

– Отец Антоний... – повторила казачка. – Жаль, с тканями туго. У соседки Махоры, помнится, есть платье черное, сатиновое. Росту вы с ней ровные. А я перешью... Ничего, поднимем народ. Одного не оставим! – обнадежила хозяйка и скрылась за летучей тюлевой занавеской.

Надев очки, Меркулов вновь попробовал читать. Но глаза стали слезиться от усталости. Он закрыл библию и, не выпуская ее из рук, прилег на кровать.

То ли от прикосновения Священной книги, то ли от душевного тепла казачки лагерная мгла, ставшая воспоминания, исподволь рассеялась...

4

Он родился и вырос в семье учителя гимназии, в той особой разночинской среде, которая на рубеже двух столетий воспитывала патриотов-вольно-

думцев с православной душой.

Родители снимали дом в центре Ставрополя, близ Казанского кафедрального собора, и придерживались строгих религиозных правил. В дни праздников и по воскресеньям вся семья отстаивала службу и причащалась. Антон, внук войскового священника по материнской линии, павшего на Шипке, рано усвоил молитвы и песнопения. Свое будущее он связывал с литературой, мечтая стать таким же знаменитым писателем, как живущий по соседству Илья Сургучев. Его рассказы печатались в столице, а пьесы ставились в театрах. Встречая на Николаевском бульваре кумира, всегда одетого франтом, Антон ощущал, как замирала душа: вот избранник богов! А начинал здесь, в губернском городе...

Последний выпускной экзамен в гимназии, выдержанный на «отлично», и величайшая в жизни трагедия – гибель отца – роковым образом совместились в один день. И тем ужасней была эта утрата, что произошла на его глазах. Вдвоем с отцом поднимались они по улочке, усыпанной крупным гравием, а навстречу, стоя во весь рост, мчался на пролетке выжига в красной рубахе, лохматый, с оплывшим лицом. Он стегал нагайкой вороных и по-пьяному что-то горланил. И когда экипаж поравнялся с ними, вылетевший из-под колеса бульжник ударил отца в голову...

Ночью, накануне похорон, у гроба отца испытал он неизъяснимый трепет. То, что таилось в душе подспудно, вдруг открылось с поразительной ясностью. Всего себя он должен отдать служению Господу, Его вере. Только это даст силы жить без отца. А приобщаясь к Дарам Господним, он вымолит упокоение его душе, спасение душ ближних...

В семинарии Антон учился самозабвенно, а бескорыстием снискал расположение святых отцов и товарищей. Мать, Наталья Михайловна, оставшаяся без всяких средств, сошлась с вдовым

купцом Асмаркиным. Это не помешало относиться к матушке и сестренке с прежним обожанием и дорожить каждой минутой, проведенной вместе.

Мария Волобуева, дочь мельника, стала для него избранницей. Знали они друг друга с детства. Но только будучи семинаристом, решился он назначить ей первое свидание. И в безоглядной влюбленности потерял голову – всё восхищало его в девушке: и хрупкая фигура, и волнистые светло-русые волосы, и наряды, и неизменное добродушное настроение. После гимназии Маша училась на курсах сестёр милосердия и готовилась отправиться в Галицию или Польшу, где сражалась императорская армия. Однако на Покров, в канун большевистского переворота, состоялась свадьба. Вскоре Антон был рукоположен в диаконы, и она с улыбкой стала величать себя «диаконицей Марией».

Следующий год, одна тысяча девятьсот восемнадцатый, выдался в Ставрополе многослезным и несравнимо жестоким. «Красные товарищи» грабили, насиловали и убивали любого, кого причисляли к буржуям или контре, – от гимназисток и священников до дряхлых генералов. Под руку налетчиков попала и чета Асмаркиных. Ограбив, расстреляли их в собственном дворе. А двенадцатилетняя Тосенька, крик которой слышали соседи, бесследно пропала. В отпевании собственной матушки участвовал и он, диакон Антоний...

В те дни, потерявши родных, мучимый сновидениями (уродцы пробегали по комнате в озарении свеч, – то в образе лешего с пустыми глазницами, то в виде чертика, то оборачиваясь двуглавым мужиком в красной рубахе), потрясенный разгулом террора, он наложил на себя епитимью. И благодаря многочасовому молитвенному труду, терпению жены и милости Божьей смог утвердиться духом. Предназначение его в юдоли земной – служение Богу. В открытом бою, как дед с османами, биться с воинством Антихриста. И пройдя

хиротонию, будучи поставленным в священство, он по-своему понял послание патриарха Тихона с анафемствованием большевиков: «Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем мы наши слова утешения: обратитесь не к разрушению, а к устройению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами пролитая, и от меча погибните сами вы, взявшие меч».

Вскоре в Ставрополь вступила Добровольческая армия. Город уже несколько раз переходил из рук в руки, и «кадеты» в отместку большевикам провели свои репрессии, а товарища Ашихина, начальника городского гарнизона, вздернули на виселице. Эти казни также ранили его душу! И вот однажды Маша заговорила о том, что преступно, ничем не жертвуя, взирать на гибель России, на разгул «красных варваров». В добровольческих войсках, как читала в газете, нехватка медицинского персонала...

Жизненным рубежом для них стал Южно-Русский Собор. Отцу Антонию пришлось участвовать в его подготовке. Несмотря на споры иерархов, в Ставрополе было создано Управление епархий, освобожденных от большевиков. Поддерживая соборное обращение, Деникин издал приказы об амнистии пленных красногвардейцев и восстановлении должности полковых священников.

На аудиенции у митрополита Агафодора он, молодой священник, испросил позволения служить в Христолюбивом войске. Пастырь, иссушенный немощью, был немногословен.

– Патриарх Тихон призывает к прекращению распри. Он не дает благословения генералам Белой гвардии, ибо они также чинят беззаконие. Полковой священник Божьей волей приставляется унимать жестокосердие. Сказано Иоанном Богосло-

вом: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны». По всему, недаром коронованы большевики «звездой»... Внемли гласу Божьему. Стань поводырем заблудших. А моё благословение – с тобой...

Священника-добровольца и его матушку, сестру милосердия, зачислили в пехотную дивизию. С первых дней привелось вдосталь хлебнуть фронтового лиха. Вблизи какой-то воронежской деревеньки красные, внезапно ударив во фланг, смяли позиции деникинцев. Из-за нехватки солдат свирепый поручик приказал отцу Антонию подносить снаряды к орудию, а затем заменить заряжающего. Артобстрел остановил наступление красных, позволив эвакуировать лазарет. Случилось это столь поспешно, что отцу Антонию не удалось даже проститься с беременной женой. А на следующий день дошла весть, что санитарный обоз перехватили латышские стрелки. Тяжелораненых расстреляли на месте, а прочих угнали в плен. Между тем бои становились кровопролитней, и полковому батюшке приходилось поневоле толкать снаряды в жерло раскалившейся трехдюймовки...

Ранение в плечо оторвало его от фронта. Повезло в одном: на ноги встал он еще до бегства Добровольческой армии к Черному морю. Поскитавшись по Абхазии, поселился в Пятигорске, надеясь устроиться в Бештаугорский монастырь трудником. Но святая обитель была переполнена, и настоятель отказал ему.

За неимением пристанища и службы ничего не осталось, как идти до конца. У подножья Машука, в Свято-Лазаревском храме, он исповедовался перед епископом Иовом, только что вернувшимся в край предков, терских казаков. Владыка, осанистый, длиннобородый, помрачнел и, вероятно, хотел отлучить от священства. Но что-то остановило мудреца. Быть может, покаянная боль и чистосерде-

чие батюшки, ради веры Христовой не жалевшего себя.

Епископ отпустил ему прегрешения и наставил:

– Тяжелейшие времена пришли на Русь. Не только безбожники, но «живоцерковники», еретики в рясах, аки саранча, нагрянули в храмы православные. Бился я с этими отщепенцами в Саратове, ограждая от проникновения их в епархию. Наставил на автокефалии. Но лукавый хитер и вездесущ...

Отец Антоний надеялся, что получит место в одной из церквей Пятигорского викариатства. Но к середине двадцатых на Кавказских Минеральных Водах многие приходы были захвачены именно «обновленцами». А храмы окрест продолжали закрывать, атеистическая травля разгоралась.

Тем временем чекисты вылавливали белогвардейцев, скопившихся на юге. Суд вершили лихо, расстреливали «пачками». Фальшивым удостоверением на имя «Василия Зубкова», тульского пролетария, Меркулова снабдили еще в полковом штабе, и теперь этот «документ» помог ему спастись и трудоустроиться. Без труда освоив управление трамваем, он стал вагоновожатым. Подстриженный под полубокс, без бороды и усов, с крепким развалом плеч, «Василий» выглядел подлинным комсомольцем. Звание «Ударник пятилетки» поспособствовало в получении отдельной комнаты. Дождавшись отпуска, он тайком навестил в Ставрополе могилы родителей. Попытался через третьих лиц разузнать о судьбе жены, но ничего выяснить не удалось.

Господь даровал ему покой на целых четыре года. Каждое утро, за исключением выходных, дальний пеший путь приводил в депо, где работали люди мастеровые и несуетные. Затем весь день он курсировал от железнодорожного вокзала до Провала. А вечерами, убрав трамвай в тупичок,

шагал обратной дорогой. Хотя на работе и были приятели, он чурался компаний. Комсорг убеждал его вступить в ряды «коммунистической смены», но «Василий» отговаривался недостаточной подготовленностью.

В его квартире благоухали лилии, заливался кенар, барствовал рыжий кот по кличке Туз, приученный подавать лапку. А по утрам на стене, пронизав тюль занавески, атели кружевные лучи. Свистел чайник, и шумела на кухне вода, ухали напольные часы, подаренные соседом, объединяя чудесным образом все предметы и придавая комнате уют. Это отшельничество помогало общению с Господом. Он приобрел по объявлениям несколько старинных икон. И читал пред ними евангелие, и молился, и даже в полном объеме проводил службы. А если выходной выпадал на воскресенье, то отстаивал в храме литургию и причащался. В благой отстраненности пребывал он часами пред алтарем. Внимая песнопениям, как сладко замирала душа в сиянии свеч и лампад! Родство со всем причастным к Господу ощущалось Меркуловым еще глубже. И уходил он из притвора с надеждой, что вернется на стезю священства...

Но вот кондуктором за его трамваем закрепили комсомолку Зинаиду. Плечистая девица считала себя неотразимой и без конца заигрывала с парнями. Больше месяца обласкивала улыбочками неженатого «Васеньку», угощала пирожками с печеной тыквой. А затем, узнав адрес, первомайским вечером заявила в гости. Он предложил ей чаю, но Зинаида, вдруг увидев на стене иконостас, а на божнице стопу старинных церковных книг, с досадой поняла, что расчет на замужество рухнул. Что-то невнятное буркнув в ответ, принаряженная краля обижено ретировалась.

И вскоре, на ее радость, подвернулся случай. Обнаружив за водительским сидением образок Богородицы, она настрочила в ОГПУ жалобу, что

«вагоновожатый Зубков кажин день молится на маршруте, заставляет ее и пассажиров креститься, и ругает товарища Сталина, а дома открыл поповский пункт».

Заявление кондукторши и свидетельство «сексота» видевшего в городе белогвардейского попа, побудили следователя устроить очную ставку. Осведомитель с первого взгляда опознал священника. У Меркулова не осталось выбора, как во всем сознаться.

Он понимал, что вероятен расстрел. На суд шел, полагаясь на волю Божию, читая мысленно девяностый псалом. Однако «тройка», известная суровым отношением к служителям «культа», на сей раз вдруг явила слабину, приговорив Меркулова к семилетнему «перевоспитанию» в исправительно-трудовом лагере...

5

Еще с юности досаждал Семка родителям норовом и ленью, и потому Мина Фомич, женив наследника, сразу же отделил. Просторную хату поставил ему напротив своих виноградников, насаженных по левобережью Мечётки. Да и жену, благодаря свахе, подобрал работящую и видную. Но поначалу семья показалась Семену обузой. И до самого призыва в царскую армию круглый год болтался он по окрестностям с бельгийской двустволкой, выпрошенной у отца. И надо признать, настрелял руку настолько, что на лету сшибал стрижа. А вся помощь его в большом хозяйстве заключалась в том, что осенью, когда вызревал виноград, сторожил по ночам плантацию, постреливая для острастки по звездам. И никто из станичников не позарился даже на гроздь, помня, что Семка с придурью и уकोшит не задумываясь...

И поныне обитал Гарига в своей саманной хате, ошелеванной тесом. Усадьба полого клонилась к реке. В камышах прорубил Семен Минич прога-

лину, соорудил дощатые мостки, с которых удобно и воды зачерпнуть, и вершу забросить. Поливной огород выручал ежегодно. Хватало до весны и картошки, и огородной всячины. Выше по скату тянулся яблоневоый сад. Хозяин стерег его как зеницу ока и, чтобы отвадить воров, летом переводил туда со двора волкодава, сажая на длинную цепь. А сам спал в сеннике, приготовив ружье и кнут.

Яблонь в саду собралось десятка два, и каждая – на особицу. Кроме обрезки ветвей, уход за ними Гарига возложил на дочь Любку. Станичники знали о причуде конюха ездить по селам и ярмаркам в поисках саженцев редкого сорта. Поговаривали, хотя в это мало верилось, что при удаче он не скупился, тешил свой обычай...

Так мало-помалу на береговом скате, открытом солнцу, прижились гости с ближних и дальних мест. С мая и до Покрова сад был овеян нежнейшими ароматами. Первыми подходили белый налив и мельба. В канун Спаса – донешта и бельфлёр-китайка, дивя плодами, сочными и сладкими. И Семен Минич развозил их участковому милиционеру и фининспектору Гулому. Эта дань помогала избегать штрафа за надомную торговлю. Впрочем, для отвода глаз вывозил Гарига свой урожай и на базар.

Лучшие яблоки вызревали в сентябре. Всё подворье наполнялось тогда запахами ранета, апорта и антоновки. Семен Минич чаще обычного подворачивал лошадей домой и, бредя вдоль рядов, с видом полководца оглядывал деревья. Будто на рождественском карнавале, висели на ветках разноцветные шары. Одни были зеленовато-желтые, другие – в темно-вишневых каплях, третьи – с густым краснорызгом, четвертые, как слитки золота...

– Эх, недаром Ева спокусыла Адама яблоком! Яблуня, вона... – задыхался Гарига от накатившего волнения. – Вона – царица садов в свити!

И затаивался, прислушиваясь. И, казалось, подсохшие деревья соглашались и в ответ шелестели листвой...

Только вечерами отпускал сам хозяин. А днем торговала Люба, увечная и окривевшая на левый глаз. Ее руки, источающие медвяный дух, проворно укладывали плоды в ведро, дужку которого она вздевала на крюк безмена.

– Ого! – кривился прижимистый станичник, улышав цену.

– Я вам добавлю, – отзывалась девушка и опрокидывала в мешок еще полведра. – Вы только отцу не сказывайте.

Покупатели дружески относились к Любаше, перешучивались, и она, который год мыкавшая одиночество, ответно оживлялась. Но стоило кому-то намекнуть, что пора завести мил-друга для утех, – хмурилась и уходила в дом...

До девятнадцати лет не было ей в округе соперницы. И статью, и красотой, и певучим голосом выдалась козырь-девка в материнскую казачью породу. Родительница, также отличаясь пригожестью, была при этом своенравна, под стать Семену. Пока хватало сил, давала ему сдачи. А когда заиндевели до времени темные вьющиеся волосы, враз надломилась здоровьем. После очередной стычки слегла, стала таять на глазах. И уже через месяц склонялся Семен Минич над ее гробом, бормоча, однако, не слова раскаянья, а упреки за то, что бросила их с дочкой на произвол судьбины и некому теперь «будэ борща сварыть»...

Это горе не помешало после сороковин привезти из Сальска молодайку Елизавету. И она была казачкой, да инога замеса. Хлопот по дому и ухода за скотиной чуралась, всё больше белила лицо, сурьмила брови и разъезжала с новым сожителем по кумовьям и родне. Смекнув, что связался с бездельницей, Семен Минич попробовал было ее поколо-

тить, да обжегся. Неделю ездил, отворачиваясь от встречных, с подбитым глазом. Гулёна быстро сообразила, что не уживется с постылым хрычом. И после упорных поисков найдя тайник с деньгами и золотыми царскими червонцами, в тот же день как будто уехала к матери, – и прахом пропала! Гарига, обнаружив воровство, неделю разыскивал беглянку, колеся по селам и станицам. Вгорячах решил заявить в милицию. Но в последний момент одумался. А если спросят, откуда накопление? И есть ли документы? Нет, уж лучше не лезть на рожон...

Отвлекли только свадебные хлопоты. Засватали Любашу в соседний хутор, хотя надеялся, что выберет себе пару из станичных. Приглянулся ей тракторист Петро, весельчак и балагур. Свадьбу сговорились играть в ноябре. Не на тройке, а на тракторе СТЗ пожаловал парень за невестой. Его встретила у ворот комсомольская ватага. После речи секретаря о «новой ячейке социалистического общества» молодые направились в ЗАГС.

Накануне трое суток кряду лил дождь. Но «железный конь» ходко бороздил суглинистую дорогу. Бревенчатый мост на краю станицы был в стоячих лужах, по нему радостный молодожен уже переезжал сегодня. А в этот полуденный час Петька то и дело поглядывал на свою красавицу, не ведая, что при первом въезде сорвал брус настила. Разгоняя тяжелую машину, парень прибавил газу, и в тот же миг ее повело в сторону. Трактор, натужно ревя, сорвался с пятиметровой высоты на каменистый уступ...

Петро умер перед вечером. А Любаша, в бинтах и гипсе, пролежала в районной амбулатории до самого марта. Домой забирал ее отец оттепельным деньком. На дно фурманки, как рекомендовал врач, Гарига поместил щит, застланный рядом. На него и переложили с носилок пострадавшую. Тронулись к дому крайней улочкой. Оба молчали после первых минут оживленного при погрузке разговора. И вдруг Любаша запричитала:

– И чего я не убилась сразу?! Кому я теперь, од-
ноглазая, нужная?!

Семен Минич натянул вожжи и обернулся, не
скрывая повлажневших глаз.

– Ты – моя дочка, а я – твой отец. И ты дюже не
сокрушайся. До всех дохтуров дойду, а поставлю
на ноги!

И слова эти, на общее удивленье, Гарига сдер-
жал. Не считаясь с расходами, на поезде повез доч-
ку в Ставрополь, к хирургу Макарову, слава о кото-
ром разнеслась по южному краю. В день операции
пытался Семен Минич даже вспоминать молитвы.
Но душа как оледенела: в Бога верилось и... не
верилось.

6

...На исходе ночи, сморенный бессонницей,
Меркулов забылся.

И увидел вдруг за окном небывало ясный свет.
Смятенье охватило душу, и поспешил он во двор в
предчувствии чего-то важного.

Подле крыльца стоял старец в хламиде, с ко-
томкой за спиной. Меркулов узнал преподобного
Серафима, ибо схожесть с иконным ликом была не-
сомненной. «Ты, сыне мой, молитвенно обращался
ко мне, – возгласил Святой. – Помышленья твои
праведны. Но дух мятежен, и вина пред Господом
не искуплена. Ведаю, ждешь ты благословения на
стезю мученичества. Засим, раб Божий, удались
от мира и, пребывая в молитвах, постись до часу,
когда снизойдет Благодать». – «Отче Серафим, –
вымолвил Меркулов взволнованно. – Чужеземцы
захватили страну. Зло пуще прежнего воцарилось
окрест. Смогу ли я?» – «Сказано: вера без дел бес-
плодна есть. В Царство Небесное внидет исполня-
ющий волю Отца Его. Иди и служи Господу...»

Неизреченный бирюзовый свет стал меркнуть,
воздух пред глазами задрожал, точно во дворе рас-
сеялось водяное облачко. Следом ударил отдален-
ный гром...

Меркулов проснулся и ощутил в руках библию. Учащенно билось сердце. «Всё в воле Твоей, Господи! Ты призываешь меня в храм. Я внял, Отче! А когда призовут меня на судилище земное – отвечу, ибо превыше всего Твой суд...»

Он встал и, поцеловав Писание, возложил на божницу. Светало. Переключка громов становилась громче. И, казалось, гулом отзывалась ей изнуренная засухой степь. Необоримое желание пойти к храму крепло поминутно...

Навстречу ему по светлеющей улице понеслись вихри, кружа жухлую листву и слепя пылью. В окнах домов ни огонька. Дворы еще безлюдно молчали. Лишь у реки, где жил Гарига, вспыхивали петушиные запевки.

Дорога привела его к майдану, на возвышенном краю которого в проблесках молний то возникал, то исчезал храм. И прежде стесняло грудь при виде этого порушенного строения, а сейчас, в грозовых сполохах, церковь выглядела особенно сиротливо. Многие десятилетия проводились в ней литургии и молебны, а на площади казаки выбирали атаманов, давали присягу, и всякий раз освящалась станичная сотня, уходившая на войну. И с именем Господа покрыли донцы свои знамена славой, служба царю и Отечеству...

Молнии жгли всё ближе. И вслед за моросеем, с нарастающим шумом грянул ливень. Меркулов, охваченный смятением, вскинул руки:

– Господи, наставь меня на путь истины твоей! Дай, Господи, моему недостоинству благодать разумения, чтобы распознавать приятное для Тебя, а для меня полезное...

Он вмиг вымок до нитки. Но терпеливо подставлял лицо хлесткой водиче, кричал и смеялся, всем существом отдаваясь этому желанному и спасительному омовению в небесном Иордане. От ударов грома закладывало в ушах, но он стоял с поднятой головой и трижды повторил: «Сокрови-

ще благих и Подателю истины, приди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша». И ощутил, как сила входит в его сердце...

Гроза откочевала в заречье. Над площадью лишь изредка просеивались капельки да мелькали отсветы зарниц. А взгляд Меркулова был устремлен ввысь, где не прекращалось небесное таинство: тучи, прошитые первыми лучами, то наслаивались, сгущаясь, то распадались на витые космы, а то и вовсе разбегались, открывая небосвод. Невиданное доселе зрелище: синевато-серые, белесые, фиолетовые облака, окантованные оранжевой полосой, аспидная мгла в степной дали, куда удалялся грозовой фронт, – вся панорама неба заворожила. Невольно вспомнив жития святых, он воспринял это светозарное диво, как знамение...

Было уже светло, когда на площадь со стороны околицы вылетел верхоконный – черный на фоне алеющего востока. Он развернул каурую кобылицу и пустил напрямик к замеченному человеку. Издали, поднимая руку с нагайкой, угрожающе крикнул:

– Кто такой? Пропуск!

И не дожидавшись ответа, с разгону грудью лошади сбил нарушителя комендантского часа.

Меркулов спиной прокатился по раскисшей дорожке. Следом ожег удар нагайки. У самой головы замерла заляпанная грязью лошадиная нога. Опануло резким духом мокрой шерсти. Он с трудом поднялся, ощущая боль в ноге. В черной кубанке и винцераде⁴, с карабином за спиной, Касторнов склонился с лошади, грубо спросил:

– Никак счетовод? Откуда взялся?

– Я к храму пришел. Буду в нем служить.

– А комендантский час?!

⁴ Винцерада (южн. диал.) – казачий плащ.

Толстогубый, с широко посаженными глазами, молодой полицей, вероятно, что-то вспомнил и ухмыльнулся. Тронув лошадь, бросил через плечо: – Какой из тебя поп?.. Так... Таблица умножения!

То ли испугавшись какого-то зверька, то ли из норова кобылица взвилась на дыбы, затем взбрыкнула и понеслась на кусты шиповника у обочины. Заваливаясь назад и натянув удила, полицей пытался ее осадить, но удержать ли в запале донскую лошадь? Мощно оттолкнувшись задними ногами, она послала корпус вперед, взвилась над сплетеньем веток в алых ягодах. Высокий полет ее был недолог, но это не спасло наездника. Он рухнул в гущину кустарника, закалившего колючки на горячих ветрах. Ядреный мат далеко огласил околицу...

Станица наполнилась утренними хлопотами. Бестолково метался сырой, прохладный ветерок. На деревьях поблескивали хрусталинки капель. Почти в каждом дворе пластался духовитый кизячный дым – хозяйки до выхода на работу спешили со стряпней.

Жизнь в Граде земном шла своим чередом...

7

Жаркое утро выпило лужицы. Ветер с юга спекал на дорожной колее комья, дубил поблекшие травы. Полднем направляясь в правление, Меркулов замечал на себе оценивающие взгляды станичников: то приветливые, то насмешливые, а то и откровенно враждебные. Весть об открытии храма наверняка разнеслась по дворам.

Две недели, пока длилось немецкое наступление, в правлении колхоза дислоцировался штаб танковой дивизии. И теперь повсюду угадывались следы пребывания оккупантов. Штакетник со стороны улицы был сплошь повален, а кое-где измолот гусеницами в щепу. Цветник, проутюженный гусеницами, напомнил вспаханную делянку: земля смешалась с обломками кирпича, с лепестками ногот-

ков и разноцветок. Лишь у крыльца клумба осталась нетронутой – розы белели скрутками соцветий.

В коридоре Меркулов встретил Полину. Худенькая, с выпирающими из-под кремового платья ключицами, девушка шагнула навстречу. На ее засеянном веснушками лице проблеснула улыбка.

– Здравствуйте, Антон Николаевич! Мне приказали вас дожидаться.

В бухгалтерии, где недавно вымыли полы, стоял характерный затхлый запах. Со столов исчезли счеты, а со стен – портреты вождей. Большой сейф распахануто зиял. На полках шкафов – ни папок, ни подшивок документов. Самые ценные увезены в эвакуацию. А прочие сожжены по приказу оперуполномоченного НКВД.

Меркулов по привычке выдвинул верхний ящик стола. Но вместо нарукавников обнаружил огрызки яблок, грязный носовой платок и пустую консервную банку с надписью «Schweinefleisch». Видимо, танкисты подкрепляли боевой дух свиным мяском.

– Вас спрашивала Наталья, – сообщила девушка, открывая на столе свою потертую балетку. – А я захватила копии. Может, пригодятся?

– Побудь здесь...

Меркулов, осторожно ступая на ушибленную ногу, двинулся в приемную. Оттуда, в распаханную дверь, доносились голоса.

– Я знала, что он поп, – короткими очередями выдавала секретарша. – Пожилой, а ни детей, ни плетей. На митинги не ходил. Сидел в бухгалтерии под портретом Калинина, а теперь...

– Человек он неплохой, – вступилась уборщица Акимовна. – Ко всем с уважением. Школьников в кружке... этим... шахматам обучал. А раз должность батюшки дали, значит, знающий.

– Кино, да и только, – хихикнула Наталья. – Идет война. Надо выживать. А религия – опиум... –

и вдруг, увидев входящего Меркулова, осеклась. – Вы пришли, Антон Николаич?

Непрощеный холодок кольнул сердце при виде барышни, восседавшей на прежнем месте, в привычном синем платье с горошинами. Будто ничего в мире не произошло! И тени переживаний не было на ее пухлощеким личике. Напротив, она с особым старанием завила русые волосы, чтобы понравиться новому начальнику.

– Минуточку, – чирикнула Наталья и, отстучав на печатной машинке фразу, вскочила: – Я доложу управляющему.

Секретарша выпорхнула из бывшего председательского кабинета, оставив дверь открытой. Разоренная комната, без шкафов, полок и ковровой дорожки, точно раздалась ввысь. Оттого, наверное, бритоголовый мужчина в пенсне, очень похожий на наркома Берия, показался приземистым. А тот, услышав фамилию вошедшего, в свою очередь, с любопытством оглядел посетителя в бежевом чесучовом костюме.

– Казачий есаул Чунихин. Рад познакомиться. Присаживайтесь. Надеюсь, мы с вами сможем наладить работу, вывести людей в поле, а в дальнейшем восстановим казачий уклад.

Меркулов, положив руки на спинку стула, стоял в полный рост. Слова немецкого назначенца озадачили его.

– Видимо, вас не предупредили. В станице...

– Да, я в курсе, – подхватил управляющий.
– Бог вечен, а мир преходящ. Сначала займемся земным. Уберем и свезем в амбары выращенное, чтобы станичники не околели с голоду! – двойник Берия двумя пальцами поправил пенсне. – Не стану скрывать, я не дока в хозяйственных делах. По корневой профессии – воин. Атаман Павлов представил меня как сослуживца оккупационным властям. У нас с ним одна цель – возрождение донского казачества. И находясь в гуще жизни, всячески

способствовать этому. Уважаемый Антон Николаевич, поработайте главбухом хотя бы месяца три. А я, как христианин, буду вам содействовать.

– Я не имею высшего образования. Учет вел только по полководству. А отныне хочу посвятить жизнь Господу.

– Понимаю. А вот немцы... За отказ работать на рейх могут и... расстрелять, – глянул вверх пенсне поборник казачества и сжал ладонь, распластанную на синем сукне столешницы. – Им нужны хлеб и мясо для армейских кухонь, а не молитвы и духовное единение русского народа. Для них православие – присноблаженная чушь.

– Вы богохульствуете, а назвались христианином.

– Прости Господи! Но и вы поймите... В станице должен быть хозяин, который позаботится о соплеменниках.

Меркулову этот человек показался... знакомым. Наверняка он где-то видел его.

– Я объехал угожья, – с пафосом продолжал Чунихин. – Неубраны два клина яровой пшеницы, поля подсолнечника и кукурузы. Сколько это в гектарах – не знаю. Лобогрейки и молотилки повреждены. Если не отремонтируем, придется косить вручную. А непогода на расстоянии выстрела... В конце концов, вы можете совмещать работу со службой в храме.

– Это невозможно. Урожай все равно присвоят немцы.

– План по заготовкам, да, установлен. Фельдкомандант требует выполнения. Но часть урожая мы могли бы оставить себе... Главное, не количество денег, а то, как их посчитаешь, – пошутил Чунихин, тая во взгляде нечто двусмысленное. – Мне нужен финансовый отчет за полгода!

– Документы, за исключением копий... – Меркулов умолк, обнаружив на тумбочке портрет Гитлера.

– Что вас покорило? – мгновенно среагировал есаул и обернулся. – А-а... Фото? Оно не стреляет... Времена меняются, а людям нужна пища. Сегодня одни в седле, завтра – другие. Для меня святая святых – благо народа. Мы не должны бросить братьев и сестер Тихого Дона на произвол судьбы.

Чунихин в раздумье наморщил лоб.

– Допустим, я найду специалистов. Наберу, так сказать, для сотни вахмистров. А дальше?

– Деятельность колхоза, прежде всего, определяется производственным планом. Он составляется по типовой форме. Также обязательна денежная приходно-расходная смета. А учет при уборке зерновых ведется по «Записным книжкам бригадиров», в которых зафиксирована деятельность колхозников, – начал подробно объяснять Меркулов. – Порядок учета и документы, оформляющие оприходование урожая, различны... Впрочем... МТС ликвидировано, и комбайнов нет.

– Антон Николаевич, голубчик, подготовьте баланс хотя бы по аграрному сектору. В райзо⁵ вообще нет документов по нашему хозяйству.

– Бухгалтерия требует точных цифр, а не фантазий... Я попытаюсь сделать всё, что возможно.

– Явите милость. Это нужно для народа. Когда будет создано атаманское правление, оно примет активнейшее участие в жизни прихода, – Чунихин обогнул стол, поскрипывая новыми хромовыми сапогами. – Письменные принадлежности отменного немецкого качества у Наташи. Кстати! Мы с вами уже встречались. Два года назад играли на ростовском турнире. Кажется, в миттельшпиле я пожертвовал ладью и получил «Матильду». У вас есть шахматишки? Можно вечером подвигать.

– К сожалению, не имею возможности, – сухо отказал Меркулов и удалился в приемную, не принимая протянутой к нему ладони.

⁵ Райзо – районный отдел земледелия.

Только на другой день, пользуясь дубликатами ведомостей и сводок, сохранившимися у Полины, толковой помощницы, удалось частично восстановить полугодовой баланс. Перед вечером в правление прибежал босоногий сорванец. Заглянув в бухгалтерию, скороговоркой выпалил, что «батьюшку в церковь кличет дед Куприян, плотник».

Меркулов попросил Полину передать отчет управляющему, а сам засобирался. Полина со вздохом, покорно приняла от него связку ключей от сейфа и двери. Случайно внимание Меркулова привлек лист бумаги на соседнем столе с распластанным немецким орлом, который занесла в бухгалтерию Наталья. Он взял его в руки. «Вдохновенные призывом нашего атамана Краснова, мы, штаб Войска Донского, обращаем свой призывный клич к станицам Тихого Дона, Кубани и Терека. Слава Великой Германской Армии, слава светлейшему освободителю и вождю Европы – Адольфу Гитлеру... – ниже, скользнув взглядом, он прочел. – Прокричим казачьим «УРА» славу Германской Армии...»

– И я доверился этому лукавому лгуну, – не сдержавшись, вымолвил Меркулов.

Он с отвращением разорвал листовку на мелкие куски и выбросил в урну. Взяв со стола подготовленный документ и черновики, скрутил их в тугой жгут и положил в свой портфель.

– Передай... казачьему есаулу Чунихину, что ничего не вышло. А свои копии, пожалуйста, сожги.

– Я поняла, – кивнула Полина и смущенно спросила: – А мне в церковь можно? Я – крещенная, хотя комсомолка.

– Церковь открыта для всех. Я буду рад увидеть тебя. Господь всеблаг. И ты это поймешь...

8

Никто не знает определенно, кем сооружены на Дону первые православные храмы. Вероятней всего, возводились они повольниками, бежавши-

ми сюда в конце XVI века с двинских и вятских земель после разгрома Великого Новгорода. Именно с приходом на Дон искусных плотников, издревле владевших этим мастерством, казаки обрели деревянные церкви, ставшие оплотом христианства. Северяне-ушкуйники строили часовни на свой манер: прямоугольный сруб-клеть, крытый двухскатной кровлей, украшала маковка с крестом. Соблюдалось деление внутреннего помещения на три части: алтарь, перед ним – мужичник, а в конце – бабник. Впоследствии московские цари и патриарх Никон поощряли строительство храмов в Черкасске, посылая деньги, грамоты и писанные лучшими богомазами иконы.

Донские часовенки, неброские каплички, собирали православных вплоть до середины восемнадцатого века, когда взамен им, часто горевшим, войсковая канцелярия и местная епархия ни взялись за возведение каменных церквей. Уже на новый лад ставились барочные храмы с портиками, колоннами, лестницами. Однако во второй половине XIX столетия донскому архиепископу Игнатию порекомендовал Синод ставить Божьи дома по упрощенным проектам и такой величины, чтобы прихожанам было по средствам содержать их.

Беломечётскую деревянную церковь (на каменном фундаменте) открыли в пору Кавказской войны, когда хутор разросся в станицу, благодаря отчуждению донскими помещиками крестьян и переселению их, наряду с казаками, на юг войсковой территории. Основали эту станицу, как ранее Егорлыкскую и Мечетинскую, с целью постоя русских войск, направляющихся в Чечню и Дагестан или возвращающихся после баталий.

Заново храм перестроили, обложив кирпичом, при «Николашке» (так честили донцы последнего царя). Лейб-гвардейцы по возвращении из столицы рассказывали о милостивом отношении царя к престолюдинам, однако это вызывало обратное

действие. «Не ампирактор, а рохля. Косоглазому япошке укороту не дал! Рази ж способно ему огромной Расеей править? – сокрушались бородачи. – Как в сказке. Имелось у Степана три барана. Был он добряк, а попросту – дурак. Пас он их пас, да напился на Спас. Очнулся рано – ни одного барана. Стал ахать да горько плакать. Ему утирку бросил волк – на поле шерсти клочок... Так и туточки! Ох, не сбережет Расею, выхватят из рук черти...» Между тем на пожертвования казаков и коннозаводчиков украшался иконостас и убранство храма. Во многом ход жизни в Беломечетской зависел от воли и слов священника и брал начало от Троицкой церкви.

Она была ладной, небольшой, о трех куполах, крытых жостью. Крашенные охрой маковки виднелись с разных концов станицы, благодаря тому, что храм стоял на каменистом пригорке. В гражданскую не минули его святотатцы – банда матросов-анархистов «экспроприировала» дорогую утварь, а «товарищи» из пролетарской дивизии расстреляли священника, а затем – образа на иконостасе, – и загнали на постой кобылиц. Но и этого показалось мало. Отступая, они подожгли Царские врата. Прихожане вовремя сбили огонь...

С дороги Меркулов еще раз осмотрел церковь, приспособленную комсомольцами под физкультурный зал. К Первомаю беленная мелом, выглядит она опрятно. Однако поржавевшая жестяная кровля нуждалась в покраске.

Он поднялся на папёрть и вошел в распахнутые двери, слыша размеренные удары. Вихрастый парнишка, забравшись на козлы, кувалдой сбивал настенный крюк, на котором болтался гимнастический канат. В воздухе слоилась пыль. На каменном полу валялись куски штукатурки. А у колонн, обозначающих центральный неф, лежали металлические опоры для волейбольной сетки и шведская стенка.

Увидев вошедшего, Витька опустил руку с кувалдой. Лицо его было припудрено меловой мучи-

цей. Даже брови белели, как у снеговика. Паренек поздоровался и солидно сообщил:

– Дед Куприян сомневаются, где щит под иконы ставить. Он домой уже ушел, – грыжа. А вы мне расскажите, я передам.

Меркулов указал границы алтаря. Пояснил, как нужно возвести амвон. Витька гвоздем нацарапал на полу метки и, не склонный к разговору, снова влез на свой высокий постамент.

– Уже темнеет, – сочувственно сказал Меркулов. – Может, довольно?

Парнишка по-взрослому рассудил:

– Надо еще полупить, пока силы есть.

А дома Меркулова ожидали люди.

В глубине двора кроме хозяйки и соседки Махоры сидели на лавках и ступеньках крыльца еще три старухи-казачки, молодая женщина в траурной косынке и дед Дюньдик, прозванный «Карасем». Лица людей были задумчиво строги. С тех пор, как закрыли станичную церковь, никто из них не видел священника.

Дюньдик, дюжий старик с ореолом седеньких волос на голове, заметив входящего в калитку Меркулова, взволнованно обратился:

– Благослови нас, батюшка.

Меркулов от неожиданности приостановился и осенил двор крестным знаменем.

– Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа!

Женщины встали и подошли ближе. От изъятых из сундуков тирасок и оборчатых юбок припахивало нафталином и донником, отпугивающим моль.

– Мы к вам, Антон Николаич...

– Отец Антоний, – подсказала дородная баба Махора.

Тот зыркнул через плечо и поправился:

– Как вы без ясы, то растерялся... Верно, отец Антоний... Ну вот... Прознали мы от Пелагеи. А поллицаи двory объезжали, приказали выходить на ремонт церкви. Вот и не стали дожидаться!

– Принесли три иконы, подсвечник, ручной крест и наперстный – серебрянные, две лампы, епитрахиль, – перечисляла Пелагея Никитична, за которой, видимо, с общего согласия закрепилось старшинство. – И у бабы Фроси много чего хранится. Я забрала подрясник. Чуток шашель побила, а так чистенький. А главное, антиминос нашелся! Как завернули в холстину, так и пролежал нетронутый!

– Тут ишо одна напасть, – сокрушенно продолжал Дюньдик. – В том году наезжал в станицу бородатый говорун, собирал нас у Марцевой Анисьи. И наставлял богомольничать на новый лад. Дескать, старая вера Христова отменяется. И все верующие должны вступить в православные сицилисты. И псалмы петь под балалайку и тому подобную гармошку... Вот мы и антересуемся: какой вы компании? За старых али за новых?

– Это раскольники, обновленцы. Они несут в мир лукавство и ересь. Православие неразделимо и вечно, как Господь наш, Иисус. И я отношусь к тем, кто за это...

– Слава богу! – тонкоголосо воскликнула бабуся, опиравшаяся на клюку. – Мы с Гавриловной в младости на клиросе завсегда стояли. Зараз, по ветхости, не всё помним. А подтянуть могём!

– Доразу зачисляй нас в хор церковный! – добавила сухая и смуглая, как цыганка, Гавриловна.

Третья старушонка с палочкой, прихрамывая, вышла вперед всех.

– А я жертвую наволочку муки для просфор и кувшин винца, – объявила она, шамкая беззубым ртом. – И хочу первой за энто причаститься!

Меркулов слушал, невольно улыбаясь. Пришествие людей, радеющих о храме, тронуло сердце.

– С вами благословение Божье! Господь явил милость, дав возможность восстановить в станице приход. В храме молитвенное слово обретает особую силу. Господь слышит и видит наши щедроты.

Женщины заговорили вперебивку.

– Всех верующих поднимем!

– Вы скажите Шершню – нехай мелом обеспечит, чтоб мы внутри побелили.

– Первым делом надо кресты на купола! Хочь деревянные...

– Я в школе убирала. Там в кабинете, где опыты, паникадило видала. Надо его забрать!

Но всех громче пробасил дед Дюньдик.

– Коль собрались мы у тебя, батюшка, то дуже желаем, чтоб провел ты с нами молебствие! Одно горе вокруг...

Пелагея Никитична принесла евангелие и крест, а затем старик поставил на припечек икону Спасителя в деревянном окладе. Вероятно, из храмового иконостаса.

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков! – начал Меркулов, устремив взгляд на Лик Христов, золотящийся под закатными лучами. Зарево пламенело за рекой, растекаясь по степному гребню. А само солнце, припавшее к земле, напоминало воженную лампаду.

Женский хор сбивчиво подхватил:

– Господи помилуй!

Он трижды осенил богомольцев поднятым крестом и, сознавая, что совершается в жизни нечто необыкновенное и долгожданное и проникается душа теплом Божьей тайны, продолжил молебен.

Меркулов слышал свой голос как бы со стороны и не мог унять охватившего душу волнения.

– Боже, во имя Твое спаси мя и в силе Твоей суди ми! – прочитал он прокимен, беря евангелие и готовясь читать его, и чутким слухом уловил вторящие голоса прихожан, – почувствовал сердцем, что люди следуют за его молитвенными словами и приняли как пастыря...

– Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, молимтися, услыши и помилуй... Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречи-

стыя Твоя Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых помилуй нас!

А когда богомольцы стали подходить к кресту, и он всматривался в лица, – воочию заметил их благую просветленность, точно освободились от паутины...

9

Гарига подъехал к балыкинскому подворью как раз в тот момент, когда хозяйка выгоняла козу пастись. Узнав, что постоялец уехал рыбалить, возмущенно спросил:

– А в якэ место? Где шукать?

– А я почем знаю? – в тон ему, грубовато отозвалась Пелагея Никитична. – Молебен он в этом самом дворе отслужил. Люди приносят образа, утварь. Я вчерась у храма была, его ремонтируют. Батюшке положено сил набраться, чтоб участь такую – священство принять... Его ж ветром качает. В чем душа держится. А тебе лишь бы... немцам пятки лизнуть.

– Ты, Пелагея, прижми язык! – обозлился Гарига. – А то плетюгов... Ишь, змея подколодная!

– Змея, а в своей шкуре. А ты в чьей? В кого превратился?

Семен Минич обложил чуму-бабу крепким словом и так стеганул вороного, впряженного в двуколку, что на крупе вспух рубец. Гнев его был вызван тем, что фельдкомендант мог приехать в станицу, чтобы познакомиться с батюшкой. А попа и след простыл! И как он, старший полицейский, оправдается перед Кремером?

Снисходительность немца была Семену Миничу на руку. Вместе с подручными он наворовал колхозного зерна, кукурузы, пригнал во двор телку. Кроме того, втихаря ограбил дома арестованных. Самое ценное причужил сам, а мелочевку пожаловал «коршунятам». Он ведь и в полицейские пошел только затем, чтобы, служа немцам, обoga-

тяться, попановать и поглумиться над теми, кто в грош его не ставил...

О способности Гариги находить спрятанное знали все в станице. Во время коллективизации он вместе с комсомольцами обходил дворы единоличников в поисках зерна. Точно колдун, оставившись посреди усадьбы, оглядывал ее. И вдруг, ухмыльнувшись, начинал действовать: шел к сараю, лез на чердак куреня, загонял свой металлический щуп в нарочито присыпанную мусором землю, раскидывал поленицу дров, – и на беду хозяина находил гарновку или ячмень, припасенный в зиму. А уж запугивать людей, когда нутром чуял поживу, настаивать на своем он умел, как никто другой, – по-волчьи, темной злобой подавлял человека, лишал опоры, добивал...

Сейчас не давали ему покоя две задачи: как продать оставшиеся яблоки и где раздобыть для дочки новый глазной протез. До недавних дней Семен Минич не знал, что существуют особые линзы, точь-в-точь как человеческий глаз. Его Любаше после операции выдали вставной протез, научили, как пользоваться. Но когда дочка увидела себя в зеркале, то проревела двое суток и пользоваться вставной стекляшкой отказалась.

На вечеринке с «фройндами» Гарига приметил, что у фельдфебеля левый глаз двигается не так, как правый. Присмотревшись, нашел между ними разницу и догадался, что к чему.

В комендатуре сошелся он с переводчиком, черноволосым парнем, державшимся доброжелательно. Родом Стефан был с западной Украины. Но когда обер-полицай, желая угодить ему, попытался говорить на родном языке, галичанин высокомерно оборвал:

– Не выношу, когда язык предков – нашу божественную мову! – коверкают скоты... Чтобы больше не слышал!

И задавшись целью помочь дочке, Семен Минич обратился к переводчику заискивающе и по возможности грамотно:

– Пан Стефан, у фельдфебеля фальшивое око. Такое же надо моей дочке. Окривела ненароком. А девка в самом соку... Расспросите, Христа ради, где он его достал? А я в долгу не останусь...

Но вскоре комендатуру немцы перевели в станицу Егорлыкскую, а полномочия передали станичному старосте. Гарига без промедления явился к нему, бывшему фининспектору Гулому.

– С должностью, Игнат Палыч! Дуже приятно мэни, що до такой величины достигнули! Ране вы заступались за мэнэ, як отец, а зараз я своих кровей не пожалею!

Гулый походил на бочонок: круглобокий, лицо небольшое, ушастое, а на самой макушке лысины – бородавка, напоминающая воробьиное яичко. Глазки спрятаны в складчатые веки и буравчиками – сверлят, сверлят...

– Ты эту песенку, Минич, брось, – отмахнулся староста. – Знаю тебя, пройдоху. Докладывай лучше о порядке в станице!

Гарига стал мямлить, перескакивать с одного на другое.

– Да... Косноязычен ты, братец. Так ума и не нажил... Придется тебя заменить.

– Як... заменить? – растерялся Семен Минич.

– А чего от тебя ждать? Чтоб партизаны мне башку открутили?

– До того не допустим! – запальчиво возразил Гарига. – Денно и ночью в дозорах будемо...

Гулый, пересыпая речь язвительными шуточками, долго читал нотацию, а в конце предупредил:

– Не лезь, куда не просят. Должен быть начеку. Спать с оружием! За безопасность в станице отвечаешь шкурой... А начнешь бузить и своевольничать – выгоню взащей!

Удрученным вышел Гарига из Управы. «Эх, дурень, не отвиз ему яблучков. Вот вин и злует... Зараз заставлю Любашку, нехай мешок нарвет. Он антоновку уважает... Грец с ним! Надо к немцам тулиться...»

И назавтра махнул в Егорлыкскую. Но и там порядки ужесточились. Фельдкомендант потребовал в отряд для поимки партизан в Азовских плавнях беломечетских полицаев. Это не понравилось Гариге. Но получив патроны и три «лимонки», Семен Минич взбодрился. На улице встретил Стефана. Тот разузнал, что немецкие глазные протезы изготовлены из особого криолитового стекла. Фельдфебель обзавелся таким на родине. Но можно попытать счастье, обратиться в немецкий госпиталь, размещенный в Ростове.

Обратной дорогой Гарига усиленно думал. Без сомнения, только поступком можно заслужить поддержку фельдкоменданта. Вспомнив, как хвалил его Кремер, когда сразил красноармейца, Семен Минич пришел к выводу, что надо еще кого-то убить. На фронтах его охотничий пыл странным образом переродился в пьянящее безумие. И у белых, и у красных Гарига участвовал в расстрелах. И когда от нажатия курка живой человек становился мертвецом, он испытывал какой-то ознобный восторг. Вот и сейчас, подумав об этом, незаметно для себя ощерился, затомился. Только бы найти жертву: партизана, еврея, коммуниста, беглого солдата – не имеет значения. А уж выставить себя героем, рабом германской нации он сумел бы не хуже артиста...

Уже у станичной околицы ощутил он усталость и отвлекся. В церкви перекликались молотки. Вспомнив, что ни староста, ни Кремер не спрашивали о храме, Гарига усомнился в нужности его, хотя станичники все делали самостоятельно. Впрочем, у немцев семь пятниц на неделе. А вдруг фельдкомендант явится с проверкой?

Семен Минич хотел сразу порадовать Любашу. Но та, выслушав, отказалась ехать в далекий город к немецким врачам.

– Що ты кривишься? Не надоело в перестарках? – не на шутку рассердился отец.

– Одна стеклянная «шашка» валяется в комодке. С ней я хуже циклопа, – с горечью напомнила девушка.

– Ото ж другой протез! Немецкое «око» красивше живого... Як ясочка! – Гарига прошелся по кухне и с досадой добавил: – У всех, Люба, внуки. А тильки у мэнэ немає...

10

Война дьявольской секирой разрубила великое пространство страны. На вольной, родной стороне неколебимо жила надежда, сплотившая людей целью: «Всё для фронта, всё – для Победы!» А на оккупированной, точно ставшей чужой, территории по плану «Ост» велось уничтожение славян и евреев. В глубоком тылу, на Украине и в Белоруссии, зондеркоманды СС, борясь с партизанами, дотла выжигали деревни, десятками тысяч умерщвляли мирных жителей.

Иное дело – на Дону и Кубани. Фронт здесь был всего в сотнях километров. Надеясь на поддержку казачьего люда, испытавшего «красный террор» и недавние репрессии, оккупанты повели дальновидную политику. Выказывая уважение к ратным подвигам аборигенов, им было дозволено избирать старост и атаманов, открывать храмы, носить войсковую форму. Поощрительно относились коменданты к тем, кто вступал в немецко-казачьи сотни. Впрочем, вооружали «удальцов со свастикой» абы как, а использовали, где заблагорассудится, – не раз бросали с шашками в пекло артиллерийского боя.

Делая поблажки, захватчики пеклись о снабжении своих дивизий донским и кубанским зерном,

провиантом, фуражом и теплой одеждой. И как только колхозные амбары оскудели, требования «новой власти» к населению стали круче, грабежи и карательные меры – гораздо чаще. И недаром! Наступление на Кавказе застопорилось, прорваться за Волгу, обратив Сталинград в прах и пепел, не удавалось...

Протяженный лог вдоль речной излучины с давних пор носил название Бургуста. Вероятно, калмыцкие пастухи или воины, поившие тут коней, нарекли «Вербным местом» этот уголок в задонском просторе.

Издали открывалась путнику в поднебесной дымке – словно бы это, споря с ветром, стоял на крыльях коршун-лунь – белесая верхушка бугра, нисходящего к Мечетке. Ниже склона подковой гнулась луговина, облюбованная вербами и половодьем. Под исход апреля сюда стекались из станицы любители диковинного зрелища: пожара диких тюльпанов – лазориков. Рожденное вешней землей алое пламя вперемешку с золотистыми и белыми проточинами разбегалось по берегу и застывало, сплошь укрывая землю. За версту ощущался такой тонкий медвяный запах, что у видавших виды казаков голова шла кругом, а у иной бабы и слезу вышибало. Степь будто внушала очарованному ею: «Ничто не сравнимо с моей красотой и могучей волей! Нигде нет такого манящего птиц неба и несметного богатства трав. И земля-кормилица, обласканная солнцем, – отзывчива на тепло сердец и силу рук, щедра на хлебные колосья и родники. Только любите и берегите меня...»

Меркулов остановил велосипед на вершине бугра, оглядел благословенный приют. Предвечернее солнце, затянутое облаками, мягко освещало разлет лога. Качались под ветром вербы и порыжелые камыши, вознесшие шелковистые метелки. Покосная деляна пестрела цветами. Две приземи-

стые копны темнели у реки. А по склону, куда спускался проселок, дыбился татарник, маяча пунцовыми свечками. Над цветками столь густо вились пчелы, шмели и осы, что казалось, горячий воздух плавился, тихонько дрожал.

Он с ветерком скатился в лог, подрулил к хорошо знакомому плесу. По привычке расположился под вербой, маячившей на ветру белесой изнанкой листьев. Клев сразу задался – до сумерек надергал мелочи для ущицы.

Костер прогорал, – но по курганчику пепелища пробегали огневые струйки, раздувая жар. По минутно доносился перекатистый шум камыша, всплески, вскрики уток и казарок. Несколько раз на мелководе заводили перекличку лягушки. Меркулов сделал ложе из сенца, отдающего шалфеем, покрыл его верблюжьим одеялом.

Скорая ночь засеяла небо звездами. Серебристо-дымчатый Млечный путь еле приметно поворачивался вместе с неисчислимыми планетами, галактиками и крохотными звездочками, – властно притягивая взгляд...

Там, в лагерной тайге, небо было суженным, иным, чем здесь, по-южному распахнутым. Меркулов понимал, что прежде чем будет открыта церковь, он сам должен возродиться духовно, ощутить свет Божьей благодати. В стране за четверть века утвердился атеизм, хотя и до революции истинно верующих было меньше, чем думалось. Теперь жизнь измерялась планами пятилеток, количеством продукции, трудоднями. Отвергая бессмертие души, коммунисты даже смерть восхваляли как подвиг во имя светлого будущего. Мастера на лозунги, они ратовали за построение «социалистического рая». Поэтому учение того, кто «Смертию смерть попра», для них было враждебным. Напротив, расстрелы и репрессии избавляли от инакомыслия. Но никому не отме-

нить Суд Божий! «И судим был каждый по делам своим...»

«Жизнь уже на исходе, – рассуждал Меркулов, глядя на звездную россыпь. – И остатний путь я должен пройти с честью, как мой дед, не испугавшийся турецкой сабли. Не оглядываться, смотря в бездну, а идти и вести за собой к Вратам Господним...»

Невдалеке послышались размеренные, шорохливые по траве шаги. Меркулов подбросил на уголья сушняка, и вспыхнувшее пламя выхватило из мрака фигуру мужчины. В его руке был посошок, на голове – парусиновая фуражка с длинным козырьком. К костру подвернул колхозный пчеловод Чекмарев.

– Доброй ночи, – кивнул он, останавливаясь и кладя ладони на головку палки. – Одному не страшно?

– На все Божья воля, Петр Андреевич.

– Так-то оно так, ядрена малина, да время лихое. Тоже в одиночку приходится домой ходить.

Чекмарев достал из-за уха сигарку. Прикурил от тлеющей веточки. Жадно затягиваясь самосадным дымом, полюбопытствовал:

– Дошла молва про арестованных станичников?

– Ничего не известно.

– Известно. На моих глазах было... – скороговоркой возразил пчеловод. – Мы с Мишкой, напарником, еще до немцев перевезли пасеку в Бирючью балку. И вас прошу никому об том не сказывать!.. В ту ночь разбудили нас машины. Смотрим: два крытых грузовика свернули к ярам. Должно, проводник с ними был. Как ехали машины, так и оставились с включенными фарами. Стали наших высаживать, а из другой солдаты повыпрыгивали. Потеснили фрицы невольников на край яра. Люди взбулгачились. Поняли, что к чему... – у Чекмарева перехватило дыхание. – Тут слышим – вроде скрипка прорезалась. Да так весело жжет, как на свадь-

бе... Фрицы озверели – стали бить. Дети и женщины в один голос причитают, убиваются с горя... У меня до се в ушах звон... Да... Вытолкнули первых человек десять, детишки с ними, и – всех из автоматов! Вторым заходом – остальных... Изверги неимоверные! Наутро пригнали военнопленных. Засыпали убитых. А мы с Михаилом...

По ночной степи прокатился гул, донесшийся с восточной стороны. Край горизонта подожгло зарвце.

– Никак на станции в Егорлыкской? Взрыв вроде... Должно, партизаны... – предположил Чекмарев. – А мы крест из дрючков сбили и поставили там.

– Сообщите родственникам! Почему вы скрываете?

– А вот как переберемся с пасекой на другое место, так и расскажем, – пообещал пчеловод и, сделав паузу, усмехнулся. – Вы на самом деле из духовных? А то жена сказала...

– Можете не сомневаться.

– Чудеса, ядрена малина... Ну, бывайте здоровы, – уже на ходу обронил Чекмарев и, выбравшись на тропу, разгонисто зашагал в сторону станицы.

11

Утром в Беломечетскую прискакали на коротконогих маштаках калмыцкие кавалеристы. Следом примчалась мотоциклетная рота жандармерии, все как один – рослые, мордатые, с вислыми усами. Выяснилось, что это галичане. Стефан в форме обершарфюрера СС командовал земляками и сообщил Гариге, что ночью на железнодорожном перегоне партизаны подорвали состав. Обошлось без жертв, хотя сгорела цистерна с керосином да поврежден паровоз. Спросил напрямик:

– У вас есть подозреваемые?

– Таких богато! – заверил Гарига. – Найдэмо!

И каратели двинулись в казачьи дворы, стали не только выискивать партизан, но и потрошить

комоды и шкафы, – будь это статуэтка физкультурника, кружевная утирка серебряная чара или коврик, добытый прадедом в крымском походе. На произвол иноземцев отвечать станичникам было нечем: с застывшими лицами наблюдали они за грабителями. И в непокорных душах зрел гнев, зовущий час расплаты...

В курене Балибардиных за малым не дошло до беды. Мальчонка лет пяти, Васька, вместе с матерью, бледнолицей Катериной, наблюдал за дядьками, снующими по комнатам, и когда ушастый, пахнущий овчиной калмыцкий кавалерист снял со стены ходики с петушком, не сдержался:

– Вот плидет папка с флонта, он тебе молду набьет!

Мародер сунул часы в вещмешок, стянул горловину узлом и обернулся:

– Что кричал? Плохо кричал? Пороть надо! – и выдернул из-за голенища нагайку с короткой ручкой.

– Ты – дулак! – выпалил казачонок.

Немецкий служака кинулся к пацану, желая проучить. Видя это, его жидкоусый сослуживец сзади обхватил хозяйку и потащил в спальню. Упирающегося ручонками Ваську «дулак» зажал между колен и уже было замахнулся...

Тут и случилось то, о чем долго помнили в станице. На плач внука и дочери поднялся престарелый Игнат. Больше месяца не вставал он со смертного одра, изможденный и пожелтевший, с глубоко запавшими глазами. Черная немочь точила казака, и мысленно он уже распрощался с этим миром.

В белой нательной рубашке, испятнанной кровавой слюной, привидением возник Игнат в проеме двери – высокий и худой, с обезумевшим взглядом. В поднятых руках его сияла иконка Николая Угодника. Вид страдальца был настолько зловещ и страшен, что насильник опустил нагайку,

оттолкнул мальчишку и что-то по-своему крикнул. Из спальни выбежал соплеменник.

– Изыдь, Сатана! – проклял старик глухим утробным голосом и еще выше вскинул образок.

Толкаясь и бормоча ругательства, «воины вермахта» суеверно подались из дома.

До самого вечера продолжалась облава. Гарига верхом на гнедой носился по улицам, чтобы везде поспеть, подсказать карателям. Между делом сматался домой и зарубил несущку, велел дочке готовить борщ. Под конец прилепился к Стефану и его земляку унтер-офицеру Дуде и уговорил отведать «гарного борщичка».

Открытый «Опель» на виду у соседей подкатил к высокому плетню, увитому хмелем. Обер-полицай первым ступил на землю, отмахнул заднюю дверцу и стоял навытяжку, пока гости выбирались из машины.

– Пожалуйте, дружечки! – распахнув калитку, приговаривал Семен Минич. – Борщичка из кастрюли, а не из котла... Люба, ты иде? Встречай дорогих «фройндов»! Заходите в хату, паночки!

Но они стали оглядывать хату с резными птицами на фронтоне, выбеленные мелом постройки, сквозящий между ними сад. Переговаривались по-польски, криво усмехались. Гарига насторожился. И в эту минуту на пороге появилась принаряженная Любаша.

– Я всё приготовила, – предупредила она и шмыгнула за дверь.

Увидев ее в профиль, – броскую красавицу, – Стефан заинтересованно вскинул брови.

– Это ваша дочь?

– Моя ридна...

Гости оживились, вошли вслед за Семеном Миничем в горницу. На середине стола, покрытого камчатой скатертью, возлежал каравай. Глубокие тарелки и рюмки на ножках были расставлены напротив стульев, на блюде – култышками вверх – зо-

лотилась вареная курица. Крупные перья лука и помидоры красовались на медном подносе. Семен Минич замялся, следя за гостями. Они сняли фуражки и положили на покрывало кровати. Стефан вопросительно взглянул на хозяина.

– Ручки помыть? Ось туточки, – кинулся тот к подвесному умывальнику, возле которого висели полотенца.

Но переводчик поморщился.

– Я солью, – нашлась Любаша и кружкой зачерпнула воды из ведра. Стефан выставил над тазом длинные ладони. Зардевшись, она подала ему обмылок и стала сливать. Затем подошел унтер-офицер.

– Я зараз. За горючим... – предупредил Семен Минич и суетливо вышел.

Стефан причесался у настенного зеркала и, исподволь наблюдая за Любашей, уточнил:

– Это ты вышивала?

Поделки на стенах, изображающие узоры и букеты цветов, котят в лукошке, голубей, репродукцию картины «Аленушка», привлекали глаз умелой вязью, подбором красок и непосредственностью.

– Да, – кивнула Любаша, со щек которой не сходил румянец. – Зимой время остается.

Она, стараясь смотреть в сторону и не показывать пустую глазницу, испытывала крайнее смущение наедине с мужчинами.

– У нас, в Галиции, лучшие в мире мастерицы, – похвастался Стефан. – Заведено, чтобы матери расшивали сорочки своим детям. Секреты передаются по наследству... Твой отец говорил мне. Я узнавал и постараясь помочь.

– *Slodki kawalek*, – съязвил его приятель.

– *Nie, dobry uszupiek*⁶, – поправил Стефан.

Хлопнув дверью, Семен Минич внес запотевший граненый графин. Когда гости расселись,

⁶ – Сладкий кусочек.

– Нет, добрый поступок (польск.).

Любаша разлила по тарелкам оранжевый, благоухающий зажаркой и укропом борщ. Семен Минич наполнил рюмки самогоном.

– За Германию и... – затынул было Гарига.

Но Стефан перебил:

– За красивую хозяйку и ее рукоделье!

И Гарига обомлел от удивления. Никак дочка приглянулась галичанину. Накатили горячие мысли: «Вот тебе и калечка... Нехай снюхаются. Дело молодое...»

12

Он читал заупокойные молитвы у креста, поставленного пасечниками. Один под открытым небом, и голос его, казалось, возносился ввысь, к самому Престолу. Перед глазами вставали лица расстрелянных станичников и эвакуированных ленинградцев и, сдерживая слезы, он явственно представлял всё, что происходило здесь той страшной ночью...

Обратно пришлось возвращаться пешком, везти свой велосипед с проколотой шиной. Болела голова от жары и недосыпа, ход мыслей прерывали неотступные молитвенные слова: «Боже духов и всякия плоти, смерть поправай и диавола упразднивай». Он знал за собой слабость – сердцем мерить людское горе, хотя святитель Златоуст настаивал: пребывая на Земле, сердцем живи на Небе.

Вдруг из акациевой лесопосадки выбрался на дорогу некий странный босяк. Одни грязные кальсоны, с приставшей шелухой, прикрывали тощее, загоревшее до черноты тело. Голый череп, обрамленный курчавой шевелюрой, обезумевшие глаза на длинноносом лице, приплясывающая походка придали бродяге столь дикий вид, что Меркулов не сразу узнал школьного учителя музыки.

– Стой, человек! – визгливо воскликнул Файт, тараща глаза. – Кто ты: друг или враг?!

Меркулов не успел ответить, как ленинградец с воплем скрылся за деревьями.

Весь день «астраханец» трепал камыши, гнал мутную волну. Безжизненно серело пыльное небо. В такое ненастье хорошо только уткам: они без усталости ныряли за рыбешками, гоняли на мелководье лягушат, кружили вдоль кулиг тростника. А поклевки не было ни одной – поплавки, подергиваясь, обреченно прибивались к берегу.

Встреча с музыкантом, избежавшим расстрела, крайне взволновала Меркулова. Без одежды и пищи, таясь от людей, как выносит он голод и прохладные ночи? Возможно, еще кто-то жив? Думая об этом, Меркулов вспомнил рассказ очевидца и понял, что немцы заставили скрипача играть, чтобы самим позабавиться, а в невольников вселить безумный страх! Разве можно это вынести, не потеряв рассудок? И всё-таки надежда, что несчастный появится, не покидала Меркулова, и он то и дело осматривал лог, задерживал взгляд на речной излуке.

А Файт вышел перед закатом на вершину бугра. Он долго озирался, пошатываясь под напором ветра. Затем обогнул заросли колючек и на скованных ногах, словно на ходулях, спустился к берегу. И так же, остановившись вдалеке, с надрывом прокричал:

– Кто ты, путник?! Я – Долик Файт... Я очень голоден, слышишь?!

– Подходите, Адольф Ильич, – отозвался Меркулов. – Будем ужинать.

– Сударь, у меня нет ни гроша! – с трагическим видом предупредил учитель. – Но я могу сыграть вам в счет оплаты. Конечно, можно подождать, когда приедет симфонический оркестр. Впрочем, все равно солировать мне...

– Буду рад послушать.

Файт, крадучись, подошел. Положил на подломленную ветку полыни скрипичный футляр.

Он съел всё, что было: ломоть хлеба с целой головкой чеснока, пышку, желтобокий огурец, вяле-

ного подлещика и грушу. Бедняга был так худ, что на коже костистых рук и ног четко обозначались синие веточки вен, пучки сухожилий. Ребра выступали наружу, как у Кощея. Кровяная жилка пульсировала на тонкой шее. Ступни были изодраны царапинами и темнели запекшимися ранками.

Насытившись и выпив корчажку воды, Файт осоловел и притих, к нему проблесками стало возвращаться сознание. Меркулов набросил на плечи скрипача одеяло.

– Покорно благодарю за угощение, – бормотал он вполголоса. – Я не ел много лет. С той ночи, когда нас с женой привезли к черту на кулички...

– Адольф Ильич, как вам удалось спастись? – спросил Меркулов.

– Я – гений, и поэтому бессмертен... – высокомерно заявил музыкант и усмехнулся. – Когда нас высадили в степи, немецкий офицер увидел в моих руках футляр и попросил исполнить «Чардаш» Монти. Меня, конечно, знает вся Европа... И я дал концерт! А немцы поубивали тех, кто мешал слушать, и стали мне аплодировать... А когда офицер, сущий невежда, спросил: «Тебя действительно зовут так же, как фюрера?» Я подтвердил, и он ударил меня, прогнал... Болван, он даже не подозревает, кто я...

Смеркалось. Пора было разжигать костер. Меркулов, слушая, принялся неторопливо ломать сушняк. Музыкант с возмущением спросил:

– Что вы собираетесь делать? Зажигать огонь? Это опасно!

– Заварим на ужин чаю и запечем картошку, – успокоил Меркулов.

Несчастный заговорил, повышая голос и вскрикивая, точно в бреду:

– Меня ищут! Агенты всего мира могут схватить меня... Так и быть, я признаюсь... Вы поверили, сударь, что я Долик Файт? Вы ошиблись... Я – сверхчеловек, я одновременно и Ленин, и Гит-

лер... По имени-отчеству могли бы сами догадаться... Что, удивлены? Не ожидали?! Это я руководил революцией... Потом стал фюрером... А Гитлер в Берлине – мой двойник, – Файт самодовольно хихикнул. – Завтра я прикажу войскам вернуться в Германию. Но мира не хотят мои фельдмаршалы и подлые вороны! Они весь день каркали мне об этом... Послушайте, вы не видели Нору? Я ищу жену и не могу найти. Помнится, мы ели макароны, когда за нами приехали. Они же могут пропасть! – музыкант умолк и задрожавшим голосом попросил. – Разожгите костер, разожгите поскорей... Я обожаю смотреть на огонь! Он отпугивает ворон...

Подкрепившись еще раз, Файт не смог противиться сну. Он забылся как-то сразу и крепко, и Меркулов тихонько подложил ему под голову свою подушку и накрыл тощее тело одеялом.

Утром музыкант исчез. Не оказалось на месте и велосипеда.

Не объявился он ни в этот день, ни на следующий.

И бабье лето, по всему, гостило последние деньки. Жара спала. Обложная синяя тишина нежилась в степи. Тонкие паутинки проблескивали в воздухе, парусили на ветру. Простор распахивался все шире – сквозь редяющие кроны верб и акаций завиднелись заречные косогоры, щетинистое жнивье полей.

Была пятница, и Меркулов, по обыкновению постясь, читал библию. Остановливаясь, обдумывал страницы и обращался мысленно к предстоящей службе. Он перебирал в памяти пастырей, оставивших след в его судьбе. Все они были едины в утверждении веры Христовой. Но вместе с тем каждый из святых отцов прошел свой особенный путь, помня слова Писания: «Проклят, кто дело Господне делает небрежно». И в последние дни, проведенные в отрыве от тщеты, он будто приблизился к Граду Небесному, осознав, сколь необходима на-

роду духовная поддержка. Земной мир, погрязший в прегрешениях и беззаконии, катится к гибели. В Гиене огненной половина Европы. Жизнь человеческая ничего не стоит, и день ото дня скорби множатся, – значит, надлежит ему в свете лица Божия вести верующих к покаянному спасению. Пусть впереди трудности. Они преодолимы в долготерпении и радении о пастве. Благодаря молитвенному труду и чтению библии, душа его исполнялась света, становясь причастной глубинам веры Святой.

Сегодня по-новому открылся ему смысл, почему из пустыни начал Спаситель свой крестный путь. Оказывается, закон праведности заключается не в случайном, а в осознанном преодолении искушений и тягот. Дух Святой, приведя Иисуса в пустыню, оставил Его наедине с искусителем затем, чтобы мог Он измерить в испытаниях свою волю и веру. «И приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни эти сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Эти строки были и священным пророчеством, и наставлением для всякого пастыря, ибо единственное его орудие есть Слово...

Последняя ночь на Бургусте выдалась довольно прохладной. Перед зарей затуманилось – и с восходом солнца на подсвечниках цикория, на лопушистом репейнике заискрились крупные капли росы. Утро снова овеяло дали теплынью, а края неба окольцевало легкими лебяжьими облачками. На берегу устоялся терпкий дух пижмы и полыни.

Меркулов набрал во фляжку родниковой воды, приготовил рюкзак. С утренним клевом опять повезло. Беспорывно бралась отборная плотва и окуни. Увлеченный ловом, он не сразу обратил внимание на тихий мелодичный звук, рожденный скрипкой. С удивлением повернув голову, увидел

в отдалении спускающегося по склону Файта. Донельзя изможденный, словно закопченный от загара, он играл на ходу, ступая размеренно, точно под метроном. Протяжная красивая мелодия отозвалась в сердце Меркулова щемящей болью. Вместе со скрипкой будто бы плакала и степь, и небо, и весь мир...

Учитель приблизился к плесу на повороте реки. Водная гладь его была зеркальной, в белых разводах облаков и синевы. Невысокое солнце скрывали камыши противоположного берега, лишь в прогалину между ними пробился одинокий луч. Скрипач был так поглощен игрой, что, видимо, не сознавая своих действий, побрел по мелководу.

Недоброе предчувствие побудило Меркулова бросить удочки и поспешно зашагать по тропе, хотя между ними было не меньше километра. Он наблюдал, как учитель, окончив сложный пассаж, решительно двинулся дальше, к середине реки, – издали показалось, что не в реку он входит, а в ясную глубину неба. Музыка над водой стала громче и напряженней. Файт двигался по лучу, как по огненной дорожке. Вот он погрузился уже по пояс, еще шаг, другой, – скрипка, теряя голос, захлебнулась, – и Файт с головой ушел под воду...

Когда Меркулов добежал до плеса, на поверхности не осталось даже пузырей. И лишь вдалеке, на стрежне, где бурлил водоворот, на мгновение всплыла знакомая оранжевая скрипка. Она корабликом мелькнула под солнцем и – навеки пропала.

А велосипед нашелся неожиданно, когда Меркулов, надев на спину рюкзак и взяв в руки удочки, поднимался по склону бугра. Неподалеку от дороги, где был примят репейник, его взгляд привлек яркий блеск никелированного руля. Возле заднего колеса лежал открытый футляр, зеленая бархатом. А на нем сидела крупная невиданная прежде бабочка, с узорчатыми белыми крыльями...

13

Из служебного донесения начальнику Особого отдела Северо-Кавказского фронта полковнику М. И. Белкину.

«7. Меркулов Антон Николаевич. 1895 г. р. Уроженец Ворошиловска (Ставрополя). Из разночинцев. Окончил Кавказскую духовную семинарию. Белогвардеец. Служил в денкинских войсках священником. По сфабрикованным документам скрывался в Пятигорске, где был выявлен и осужден за контрреволюционную деятельность. Семь лет отбывал в ИТР. Выбрав местом поселения станицу Беломечетскую, Меркулов не посещал общественных мероприятия, вел скрытую религиозную пропаганду.

С момента оккупации района сотрудничал с оккупационными властями. По его ходатайству было приспособлено для отправления культа здание бывшей церкви. Опираясь на поддержку лиц преклонного возраста, ежедневно совершал церковные службы, читал так называемые часы. Одуманная масса, проводил ритуалы: причащение, крещение, отпевание и т. п. В проповедях призывал к терпению и молитвам. Факты восхваления им немецкой армии или Гитлера не установлены.

В октябре партизанский штаб внедрил в станицу бойца И. Чаусова, местного жителя. Поступив в церковь на должность пономаря и по совместительству истопника, он за короткое время создал подпольную группу. Комсомольцы обстреляли вражеский мотоциклетный патруль и подожгли здание правления колхоза. А в ночь на 7 ноября, в честь 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, вывесили советский красный флаг и расклеили листовки...»

До самого ноября полиция были заняты преимущественно тем, что следили за явкой колхоз-

ников на работы. Тех, кто отлынивал, находили и нагайками, угрозами выгоняли в бригады. Перезрелую пшеницу и рожь с горем пополам скосили лобогрейками и обыкновенными косами, в снопах свезли на ток. По причине неисправности паровой молотилки очищали зерно по старинке – ручными цепями и каменными катками на лошадиной тяге. Дожди затянули уборку капусты, кукурузных початков на отдаленном суглинистом угодье. В оставленном без присмотра саду с утра сходились старожилы не столько в поисках яблос и груш, а сколько для душевспасительных разговоров.

Несмотря на осенние работы, в церкви, освященной на Покров Пресвятой богородицы, как раз в день войскового праздника казаков, отец Антоний вел службы, сколько бы прихожан ни собралось. И по воскресеньям стали приезжать богомольцы не только из ближних хуторов, но даже из Сальска, чтобы отбыть литургию, послушать проповедь священника, отличающегося разборчивым произношением. Людской ручеек день ото дня ширился. Пелагея Никитична приняла на себя труд и пекаря, и казначея, и церковной старосты. Не за горами была зима, и по ее совету батюшка взял себе в помощники ее родственника, поклядистого юношу, согласившегося также отапливать храм.

Чутье и на этот раз не подвело Гаригу.

В ночь накануне большевицкого праздника он устроил засаду в центре станицы из двух полицейских, а новопризванным молодцам приказал заседлать лошадей и патрулировать улицы. Сам же, надев рваную ушанку и полушубок колхозного сторожа, начал пеший обход станицы.

После ненастья третий день не унимался бахмач⁷, а этой ночью даже подмораживало. Уличная тропа была вязкой, но Гарига отмеривал шаг за

⁷ Бахмач (донск.) – северный ветер.

шагом, приглядываясь и прислушиваясь. Время от времени запускал руку в глубокий карман тулупа, тискал рукоятку «вальтера». Подарил пистолет ему Стефан. И то, что дочка мало уделяла внимания зачастившему гостю, сердило не только красавца, но и его самого. Ведь недаром гуцул забрал для образца старый протез и пообещал привезти взамен немецкий, самый лучший...

За полночь небо обнажилось. Иней выбелил деревья и землю. Над полями свесился рыжий стручок месяца. То за ветром, то встречь ему плелся Гарига вдоль домов. Поравнявшись с подворьем Дюньдика, разглядел на крыльце силуэт старика. Ветер донес надсадный кашель, мимолетно плеснул дымком самосада. «Должно, Тайка курить на двор выгнала. Она у него хвора», – догадался Семен Минич и, вздохнув, потащился дальше. Из трубы балыкинского куреня поднимался дым, сбиваемый ветром, и он ощутил запах свежеепеченного хлеба: видимо, Пелагея готовила просфоры. Гарига прислонился к плетню, с неприязнью подумал, что не его, облеченного властью полицейского, почитают ныне в станице, а новоявленного попа. Даже Любаша наладилась ходить в церковь с богомолкой Марфой. До позднего вечера просиживала у нее за чтением библии. И ради чего он тогда себя не жалеет? Где людская благодарность? Вот сейчас мерзнет на улице, охраняя всех от партизан, а поп, небось, дрыхнет или крестит лоб в натопленной комнатухе... Душу залило обидой, и только мелькнувшая мысль, что немцы увеличили штат полицейских, призвав еще троих, отвлекла и малость успокоила...

Замкнув круг, Гарига вышел к площади. В затишке, за церковью, ветра почти не ощущалось. Он отер рукавом оледенелое бревно, устало сел. И снизу посмотрев на высокую стену храма, точно впервые заметил, сколь он огромен. «А ежели, на самом деле, бог есть? – негаданно кольнуло сомнение. И

Семен Минич почувствовал озноб, как от снежка, брошенного за ворот. Третий месяц служил он у немцев, и то, что поначалу дурманило, наполняло тщеславием и придавало сил, стало уже надоедать. Война затягивалась. Он немолод и гробить себя, прозябать, как пес, долго не сможет – не железный! Вставить бы дочке «глаз», отдать замуж за гуцула или немца, а самому – на покой. Награбил он изрядно: дорогих украшений, посуды, отрезов и одежды, запаса карабином и патронами. Поднакопил денегат. Можно сказать – разбогател! Хватит тянуть жилы. До тошноты обрыдли и немцы, и станичники со своими жалобами, воровством и скандалами. И что это за жизнь, когда запросто могут убить партизаны? Как ни храбрился он перед подчиненными, а подставлять башку под пули не хотелось...

Вкрадчивые шаги по затвердевшему насту стали слышной. Семен Минич встал, заполошно выглянул из-за угла. В мерклом свете месяца, напротив побелевших кустарников, четко выделялись два идущих к храму человека. Он выхватил из кармана пистолет и подбежал к кусту жасмина, растущего у церковного крыльца, присел. В ноздри ударил крепкий запах прели. Боялся шевельнуться, весь обратился в слух. Вот шаги гулко отдались по каменным ступеням, замерли у церковных дверей.

– Здесь тебя искать не станут. А после утрени отвезу в Егорлыкскую, – прозвенел высокий юношеский голос, и Гарига с удивлением сразу же узнал его. – Отец Антоний разрешил взять линейку.

– Листовки передай Любе, дочке полица.

– Да, она надежный товарищ.

– Мы вывесили на школе флаг Родины. Значит, в станции советская власть!

Заскрипела дужка большого амбарного замка.

Гарига, поднимаясь, зацепился головой за ветку, и она больно хлестнула его по глазам, сбила шапку.

Вгорячах он пальнул в небо, зашелся в крике:

– Стоять! Руки вверх!

Тот, кто был поодаль, в темном пальто и картузе, сорвался с паперти и успел прошмыгнуть в ворота каменной ограды прежде, чем вдогон полетела пуля. Гарига наставил пистолет на пономаря.

– Попался, сучонок?

Держа на прицеле Ванюшку, который не раз приносил дочери церковные книги, Семен Минич поднялся на паперть. Ненависть душила его – уж никак не мог заподозрить он в тщедушном парубке, божьем угоднике, лютого врага. Догадка, что это его Любашка заодно с партизанами, осенила и повергла Гаригу в оцепенение. И он доверился наитию, сменив гнев на милость.

– Ты не бойсь, Ваня, – вдруг ободрил Гарига. – Я шутовал... Приятеля твоего отпустил. Бахнул для блезиру... А про вас знаю. Мэни дочка казала.

Иван, оторопев от неожиданности, упрямо молчал.

– Али не веришь? А хто полицейских в засады отвел? Иначе как бы флаг вы повесили? – убеждал Гарига, а сам думал: «На самом деле промахнулся я, рохоба⁸... Надо было самому патрули водить...» – Не бойсь, я отпущу. Чи трэба обыскивать? Ты тильки кажи, с тобой есть що-небудь, улика яка... Ну? А то «орлы» мои наскочат... – увещевал Семен Минич, а мысли лихорадочно путались: «Вин знае про Любку... Запытают в гестапе и – развяжет язык... И Любке лагерь, и на мэна подозрение падэ...»

Иван наконец осмелился:

– Немного листовок. Клейстер замерз.

Гарига облегченно перевел дыхание и приказал:

– Давай их мэни, а я – Любке.

Иван рывком достал из-за пазухи газетный сверток. Гарига сунул его в карман тулупа. В про-

⁸Рохоба (донск.) – растяпа, неудачник.

лет крайней улицы донесся перебор скачущих лошадей, – подчиненные услышали выстрел. От фуфайки священнослужителя приятно пахло воском и еще каким-то сладковатым духом. Но пульсировала в голове жгучая мысль: «Сгубит усих нас...»

– Ховайся в церковь! – поторопил Семен Минич, и едва тот повернулся спиной, дважды нажал тугой курок. Паренек схватился рукой за дверную ручку, всхлипнул и упал ничком. Обезумевший от запаха пороха, Гарига пнул бездыханное тело носком сапога, пробормотал:

– Оце гарно... У бога теплийше...

Тут же с гиканьем подлетели конные полицаи, спешились. Поднялись на паперть, к своему командиру. А тот, рассказав, как выследил партизан, и дав приметы одного из них, сбежавшего, распорядился начать облаву. А самого младшего, тонкошеюго подростка, оставил у церкви и приказал:

– Сторожи и никого не подпускай. Стреляй без предупреждения!

...Он ворвался в собственный дом, матерной бранью разбудил дочку. Любаша, с расплетенными волосами, вскинулась, села с ногами на кровати, со страхом натянула на себя одеяло. Небывалая озлобленность сделала его зрячим даже в темноте. Он стегал кнутом укрывающуюся подушкой и одеялом дочку до тех пор, пока не выбился из сил. Любаша сначала кричала, молила о пощаде, а после терпела со сжатыми зубами...

Опомнился Гарига только на полпути к Управе, когда по непокрытой голове стала хлестать льдистая крупка. Он обнаружил в окоченевшей ладони кнут и остановился, по привычке намотал плеть на дубовый черенок. За много лет впервые испытывал он неприкаянность, точно лишился к жизни привязки. Родная дочка связалась с его врагами. Обида палила грудь.

– Лучше б мэни партизаны убылы! – плакси-во вырвалось у Семена Минича, и глаза на самом деле подернули слезы. А следом пронизал его острый ужас: замутненный взгляд различил у здания не акацию, качающую на ветру свои ветки, а большой скелет, простирающий костистые руки...

14

Поиски длились до утра – верхоконные полицейцы прочесали улицы и проулки, домчались до станции Егорлыкской, куда мог направиться беглец. А уж затем Касторный и Тимченко арестовали отца Антония, как раз в тот момент, когда он подходил к церкви. Ничего не зная о ночном происшествии, тот посчитал привод в полицию недоразумением и уверенно вошел в кабинет Гариги, захламленный седлами и амуницией.

– Что случилось? Вы помешали провести мне службу, – с укоризной сказал отец Антоний.

– Опосля узнаешь, – с ухмылкой отозвался Гарига.

– Люди пришли к заутрени...

– Сидай! Успеют лбы окрестить.

Отец Антоний, в пальто поверх черной суконной рясы и теплой скуфье, по-прежнему стоял, испытующе глядя на Гаригу.

– Погано дило, святой отец... Накрыл я партизанскую шайку. А в ней – твой пономарь Ванька. Ночью развешивал листовки, – и Семен Минич, взяв со стола, потрепал стопкой бумагу.

Отец Антоний вскинул разлтые брови. Слова полицейского он воспринял с недоверием.

– Мне об этом ничего неведомо. Я хотел бы поговорить с прислужником.

– Цього неможно. Хто к Ваньке приходил? С кем вин якшался?

– Чаше других, помнится, с ним общалась ваша дочь.

«И вин знает про Любашку, – насторожился Семен Минич. – Ще свидетель... Надо его в гестапо, в Егорлыкскую...», а вслух попенял:

– Ото ж, соседка сманила. Небось, поливала мэни Любка на исповедях?

Отец Антоний настойчиво напомнил:

– Мне нужно в храм!

– Там службы бильше нэ будэ! Повезем тэбэ, Меркулов, в немецкую комендатуру.

– Вы чините беззаконие, – сурово сказал отец Антоний. – Ни о каких партизанах я не знаю. Не берите грех на душу!

– А нехай до кучи! У мэни их три тележки, две арбы... Тимченко! – позвал Гарига, и когда невысокий, юркий и злой, как хорь, полицай вошел, приказал: – Напой вороную пару и дай кукурузы! Днем тебе наряд в Егорлыкскую...

Женский слезный крик раздался на дворе. К нему присоединился еще один голос, и через минуту в кабинет заглянул прыщавый подросток, недавно призванный в полицию Алешка Брыкало:

– Господин начальник! Там это... пришли за убитым. Бабка Ваньки и тетка.

– Скажи, завтра! – грубо распорядился Гарига.

Отец Антоний, потрясенный услышанным, побледнел. В его расширенных глазах тяжелела скорбь.

– Пономарь Иоанн... погиб?

– Так точно.

Отец Антоний шатнулся, не сразу обрел самообладание.

– За свои деяния каждый ответит пред Господом. Вы – человек крещенный, господин Гарига... Вы должны отпустить меня, чтобы содеял чин отпевания новопреставленного раба божьего...

– Цьего неможно! – непримиримо отрезал Гарига. – Вин есть враг! А зараз мэни надо совещанье проводить... Брыкало, отвести в арестантскую!

И тот же подневольный новобранец отвел и запер отца Антония в дальней комнате на первом

этаже, с зарешеченным окном. В ней, пахнувшей камфарой, стояла одна кушетка. Вероятно, раньше тут размещался медпункт. Отец Антоний снял пальто и начал молиться...

А Гарига, посидев в одиночестве, преклонил голову на фашистское знамя, стоявшее в тумбе у стены, и задремал. Сновиденье было нехорошим, зловещим. Всё виделись галки, и слышались заунывные стенания... Разбудил его бас Тимченко. Оказалось, старшего полицейского повторно потребовал к себе станичный староста, хотя о том, что случилось ночью, ему было доложено.

Семен Минич, борясь с зевотой, поднялся по лестнице на второй этаж. Казалось, сон продолжался – слух ловил голоса певчих. Гулый, страдающий одышкой, часто носил грудью. Он метнул возмущенный взгляд на полицейского и, вскочив, жестом пригласил к окну.

– Полюбуйся...

На площади, перед входом в здание, теснилась толпа, пестрящая хоругвями. По всему, прихожане (в большинстве женщины) совершили крестный ход и теперь устроили молебствие с песнопениями перед Управой. Впереди с иконой Спасителя в руках стояла Пелагея Никитична Балыкина. Нестройный хор богомольцев то затихал, то начинал звучать с торжественно-горестным раскатом.

– Доигрался, копыто стоеросовое? – гримасничая, съязвил Гулый. – То, что партизаны повесили флаг у тебя под носом, доложил, а то, что арестовал священника, забыл. Главное, зачем это?

– Як зачем? Вин и есть главный бандит партизанский, – угнув голову, исподлобья зыркнул Гарига. – Це вин командовал ими...

– Одного ты убил. А где другие? И какие доказательства против отца Антония? Значит, надо было, оглобля дубовая, не трогать его, а взять под наблюдение...

Гарига спросонья соображал туго, но будучи абсолютно уверен, что прав, попытался возразить. Староста затрясся от гнева:

– Какой из батюшки партизан? Ты в своем уме?! Немцы открыли церковь, а ты, жук навозный, закрыл? Может, пора самого тебя закрыть?! – староста стукнул кулаком по подоконнику. – Вот что, Идиот Иванович... Ступай, извинись и освободи священника!

Но Гарига, молча снося оскорбления, наливался упрямой обидой, и потому неожиданно для самого себя явил дерзость:

– Немае у мэни попа. Отправил подводой в комендатуру.

– Пошли верхоконного, чтоб перенял... Живо!

Но обер-полицай, отчеканив «Есть!», всё-таки пошел старосте наперекор. Строжайше приказав подчиненным молчать, держал отца Антония в арестантской до следующего вечера. Смилоствовался только после похорон прислужника. Из Управы отец Антоний сразу направился в церковь...

Гарига и сам точно не знал, за что возненавидел священника. С одной стороны, поп, конечно, не связан с партизанами, для которых является антисоветским элементом, а с другой – баламутит и всё больше привлекает в церковь народу, в проповедях призывает к долготерпению и надежде во спасение. Чужал Гарига нутром – не немцам помогает он, а «Советам», и потому решил выжить попа из станицы, подстроить так, чтоб никто в комендатуре не сомневался, что он – вражина...

15

После Рождества немецкие войска начали широкомасштабное отступление с Кавказа. Вначале передвижение танков и полевых формирований по бывшему Тифлисскому тракту было упорядоченным, но с каждым днем – ускорялось, становилось неуправляемым и попросту превратилось в бегство. Обратной дорогой к Ростову катились танки фон Клейста, автомашины и самоходки мотопехоты, артиллерийские тягачи с орудиями. Вперемеж-

ку удирали с фронта кавалерийские части и конная жандармерия. Такого скопища оккупантов южные донские селения никогда не видывали!

Отец Антоний после утренней службы крестил в храме внуков деда Дюньдика. Сам старик и супружница его Таисия, приодетые, с угрюмо-напряженными лицами, держали свечи в вытянутых руках и строго наблюдали за тем, как дочка и ее подруга Ольга, будущая крестная мать, уговаривали Толика и Петьку не баловаться и слушаться священника, который согласился также стать их восприемником. Рядом крутилась девчонка постарше, их подружка, прибившаяся к соседке Вере. Известно было только, что она круглая сирота и жила прежде в городе.

В белой ризе, епитрахили и поручнях отец Антоний располагал к себе приветливостью лица и той мягкой степенностью, которая побуждает людей доверяться. Совершая таинство крещения, он всякий раз испытывал особое, ни с чем не сравнимое блаженное состояние. И сегодня в сумеречной малолюдной церкви, украшенной сосновыми ветками, с иконой Спасителя на аналое, всем сердцем ощущал благодатное присутствие Святого Духа...

После молитвенных обращений к Господу, приняв изустное отречение от Дьявола восприемницы, он подошел к большой медной купели. Оканчивая молитву, отгоняющую от крестильни лукавого, отец Антоний опустил руку и трижды сделал в воде знамение креста. Затем таким же образом осушил купель елеем.

В храме было довольно прохладно, и отец Антоний, хотя помощница и подогрела воду, решил ограничиться омовением лиц. Но казачата по команде деда стащили с ног валенки, сбросили на руки матери цацавейки и рубашки и голышом подбежали к купели. Смуглотелые, вихрастые, оба вопросительно-серьезно смотрели священнику в гла-

за. Отец Антоний, подхватив младшего из них, лет двух с половиной, опустил в воду.

– Крещается раб Божий Петр во имя Отца, аминь...

Окунув во второй раз:

– И Сына, аминь...

И в третий:

– И Святаго Духа, аминь!

Он надел на шею малыша нательный крестик и передал восприемнице, приготовившей полотенце. А затем, когда вытерли и облекли Петьку в белую рубашонку, миропомазал его, повторяя:

– Печать Дара Духа Святаго.

И как только священник обернулся, ожидавший своей очереди Толька ухватился цепкими ладошками за край купели и перевалился в нее, окатив священника брызгами. Троекратное погружение в воду воспринял он как забаву и постоянно улыбался, хотя дрожал, и на коже проступили цыпки...

Во время хождения вокруг купели с детьми и их крестной матерью, державшими в руках воженные свечи, в церковь ввалились гурьбой странные немцы в кубанках. Они обнажили головы и по-православному перекрестились. Выжидаяще стояли, пока не завершился обряд. На рукавах их мундиров чернели нашивки с черепом и костями. Наконец усатый немолодой вояка прогремел сапогами по каменному полу, подходя к батюшке, и отчеканил с лихостью, присущей казакам:

– Здравия желаю, святой отец! Унтер-офицер Кильпа второго эскадрона полка Юнгшульца! Герр подполковник приказал стать на постой в церкви, так как хаты в станице заняты другими частями под завязку. В нашей роте – кубанцы, люди верующие, шкодить не будем, – и тут же поправился: – На всякий случай благоволите замкнуть алтарь и уберите ценные иконы и тому подобное... Ждать нам некогда. Сутки с ко-

ней не слезали. Надеюсь, за полчаса освободите помещение?

Отец Антоний силился постигнуть сказанное кубанцем в форме вермахта и – молчал, пораженный злоумышлением. Это было немислимо и сопоставимо с нашествием бесов. И тем кошунственной представилось грядущее святотатство, что в душе его пребывало еще умиление от совершенного несколько минут назад таинства. Он встряхнулся и заговорил решительно, подчеркивая слова:

– Мы только отпраздновали Рождество Христово. Идет святочная неделя. В мир пришел Спаситель. В молитвах восславляется Пресвятая Богородица... А вы вознамерились осквернить Божью обитель? Господь через пророка Иезекииля свидетельствовал: в неправде своей, юже сотвори, в той умрет.

– Мы долго не задержимся, – перебил унтер-офицер. – Дня два, а то и меньше...

– Я не пушу вас в храм.

– Почтенный, выполняйте приказ! – громко прикрикнул унтер-офицер и, крутнувшись на каблуке, шагнул к выходу, уводя за собой подчиненных.

Дед Дюньдик, Пелагея Никитична и прислужница Лидия слушали разговор, стоя у амвона, и, когда церковь опустела, стали возмущенно советовать обратиться к Гулому. Но батюшка покачал головой и повторил слова апостола Павла:

– Беды приемлем на всяк час. Староста безвластен над воинством. Поэтому милостиво прошу вас разойтись по домам.

– А вы? – спросила Пелагея Никитична.

– Буду молить Господа отвести поругание...

– Тогда мы тоже с вами, – вызвалась бесстрашная казачка, и ее поддержали остальные.

– Нет. Эту ношу я понесу сам...

Когда в храме отец Антоний остался один, он запер изнутри входные двери на два железных

засова, выкованных давным-давно в станичной кузне, и вошел в алтарь. Он возжег лампадки высокого семисвечника и подождал, пока лепестки огня поднялись и затрепетали на сквознячке. Потом встал в горнем месте на колени у запрестольного креста и начал молиться. И с первых слов обращения к Иисусу Христу, Господу нашему, в душе замерцал тот чудесный молитвенный луч, который с каждой минутой обретал накал и таинственным образом помогал перестроиться и чувствам, и мыслям, и пребывать в свете лица Божия. Отец Антоний воздавал благодарение Спасителю и Богородице и покаянно просил очистить грехи и простить беззакония и не допустить вхождение нечестивых в храм...

Тяжелые размеренные удары в дверь быстро слились в сплошной грохот. Отец Антоний молился, не поддаваясь страху. Когда же услышал позади себя детский плач, встревожено оглянулся и вдруг заметил стоящую у полуоткрытых северных врат ту самую девочку в клетчатом платке и большой телогрейке, достающей до пола, которую видел сегодня во время крещения. Он поднялся и, выйдя из алтаря, ласково успокоил:

– Не плачь, милая. Я с тобой. И Господь с нами.

Глазастая девчонка, всхлипывая, стала умолкать.

– Как ты здесь оказалась?

– А я... я хотела, чтоб и меня... окрестили... Тетенька Вера послала. И сказала, чтоб дождалась, когда вы будете одни, и попросила вас... Вот я и ждала... За кучей дров... А теперь мне страшно... – и егоза вновь залилась слезами. – Это... это немцы хотят нас убить?

Отец Антоний руками поманил ее к себе. Она подбежала, обхватила его ручонками за пояс и, прижавшись, затихла. И, как ни странно, в эту минуту грохот пошел на убыль. Снаружи стали слышней разъяренные крики и брань. Похоже, рвущие-

ся в церковь немецкие казаки спорили, что делать дальше. Убедившись, что выломать дубовые створки на мощных петлях невозможно, они поняли: войти в храм можно было только одним способом – выбить двери взрывом.

– Как тебя зовут, голубушка? – спросил отец Антоний, по-отечески тронутый теплом, исходящим от ребенка.

– Люська. А мама звала Милой...

– Вот и я буду звать тебя так же.

– Нет, лучше – Люськой, – возразила девочка, и в дрогнувшем ее голосе послышалась боль, ограждающая самое сокровенное, что хранилось в душе – память о матери. И уловив это, отец Антоний прослезился.

Тишина росла. Она становилась звенящей. Тянулись минуты.

Отец Антоний повел девочку в подсобную комнату, где обычно трапезничал, зажег свечу и дал ей кусок печеной тыквы и полпышки. Наблюдая, как уплетает Люська за обе щеки еду, он мысленно благодарил Господа за чудесное избавление от осквернителей, за собственное спасение, а появление в храме ребенка отнес к благому знаку свыше...

Ранним утром Пелагее Никитичне удалосьтаки достучаться, и когда отец Антоний впустил свою хозяйку в храм, она с радостью рассказала, что в станице фрицев уже немного – они драпают на запад, а Гаригу снял староста с должности за то, что не впустил в свой дом ночевать казаков. Те пожаловались, и теперь бывший обер-полицай угодил собственной персоной в арестантскую...

– А я вам нашел новую квартирантку, – с улыбкой сказал отец Антоний, вопросительно глядя на хозяйку. – Девочку-сиротку. Спряталась в храме и была со мной это время... Отец у нее погиб на фронте, а мать – под бомбежкой, когда шли в беженской колонне. Приютилась пока у какой-то тетеньки.

– А сколько ж ей лет? – поинтересовалась Пелагея Никитична, ища глазами девчонку.

– Должна учиться в первом классе.

– Как отказать... Раз считаете, что нужно взять, значит, возьмем, – махнула рукой казачка и приободрилась, тоже посветлела лицом. – Ну, иде она? Показывайте свою находку... Чтой-то вы бледный. Часом, не захворали?

– Немного морозит... Ничего, не обращайтесь внимания. Господь отвел от напасти, и это великое чудо...

Но оптимизм отца Антония оказался поспешным. В тот же вечер слег он с высокой температурой. И как ни старалась хозяйка и ее неутомимая помощница Люська поскорей вылечить батюшку, готовя травяные и ягодные отвары, ставя банки, читая молитвы об исцелении, побороть простуду удалось только через две недели. Начал подниматься отец Антоний уже после Крещения...

16

Новый обер-полицай Касторнов продержал в арестантской Гаригу трое суток. Даже староста, взбешенный своеволием Семена Минича, удивился столь строгой мере. Еще вчера был Костя правой рукой обер-полицая, беспрекословно выполнял приказы, стараясь угодить и заслужить похвалу, а нынче превратился в девятнадцатилетнего Константина Ивановича. Широкие плечи, скуластое лицо с обрванным подбородком стали как бы выразительней и заметней, придав всему облику суровость, да и походка изменилась, обретя стремительный напор. При его появлении сразу возникала мысль: вот идет командир. И этот командир, посадив своего бывшего командира на галеты и воду, нарочито вызвал Гаригу среди ночи, желая поглумиться. Вошел тот понурый, по-стариковски шаркая сапогами.

– Ну, выспался, Минич? Отдохнул? – с мрачной иронией спросил кулацкий внук. – Думаю, пусть сил наберется. Кобылы на конюшне заждались.

– Жестокий ты чоловік, Костя! Прино’сила дочка харчи, а ты и на порог не пустил...

– Не Костя! А господин начальник полиции! Ты меня гонял почем зря, а теперь я рулю. Понял?

Гарига подавленно сгорбился и молчал. Он предполагал, что снисхождения от коварного помощника ждать нечего, однако такая встреча смутила даже его.

– О чем ты, Минич, думал, когда наставлял винтовку на военных? Это ж полк Юнгшultzа! На их месте я бы расстрелял тебя без суда и следствия. А они с уважением... Больше тысячи человек – сила! С красной кавалерией на Ставрополье рубились, фронтовики. А ты кто?

– А я такой же, как и ты, – огрызнулся Семен Минич.

– Поговори у меня! Посажу еще на недельку, прочухаешься... – от гнева у Кости затрепетали ноздри, и весь он напрягся, навалился грудью на стол. – Мне с тобой шутки шутить некогда. Отпускаю домой, чтоб переоделся и сейчас же принес свою форму. И сапоги сдашь. Да не забудь, Минич, уворованный карабин и ящик патронов... Я о них не забыл, не надейся... Понял?

Гул автомашин не умолкал за станицей, на ровской дороге. Временами доносился трескучий рев танкеток и самоходок, двигающихся по улицам. Святки в этом году выдались неровными, крепкие морозы чередовались с затяжными оттепелями. Этой ночью веяло с юга сырým теплом, тянуло бензиновой гарью, смешанной с горечью полыни и пресным духом размокшего чернозема. Как только Гарига оказался на улице, былая воинственность сполна вернулась к нему, несмотря на ощущение голода. За время, проведенное под арестом, он всё хорошо обдумал. Красная Армия гонит немцев вспять. И если попадетсá он чекистам, то суд будет коротким. Делать в станице больше нечего! Слнш-

ком много врагов и завистников нажил он за три месяца. Опять же – в немилость попал к старосте и немцам. Надежда на гуцула Стефана не оправдалась. Неизбежно пришлось бы проситься опять в конюхи, навоз ворочать... Но этому не бывать – недаром глотнул он приворотного зелья власти, поднявшего над другими и отравившего гордыней, и теперь ничто не могло заставить его стать прежним, подневольным. Решение Гариги было твердое и бесповоротное: уехать с дочкой подальше, в Краснодар или Таганрог, где никто их не знает. Золотых украшений с камнями и денег у него хватит, чтобы купить приличный дом (благо теперь много пустующих) и жить там втихаря, не высовываясь и не привлекая к себе внимание. Глядишь, в городе и Любаша скорей пару найдет... И скрыться, покинуть станицу необходимо сей же час, чтобы не хватились его бывшие подчиненные. Первым делом – дать команду дочке собираться, затем на конюшне запрячь в бедарку Кугута, которого не всякий верхоконный догонит. Если спроворить до зари, то к полудню можно далеко домчаться...

Пока шел по улице, до звона в голове наслушался капли и надышался запахом талой воды. Ноги сами несли его к дому, и думалось о перемене жизни, о скорой весне. На пустыре белел снежок по сохлому спорышу, и ночь как будто посветлела.

С недоумением увидел Семен Минич в своем дворе подводу. А лошадей, видимо, коноводы увели в другое место. Он минул брошенную кем-то нараспашку калитку. Поверх сена в телеге лежал армейский брезент. «Оце так... Сами хозяйнуют!» – опалила догадка, и ненависть затуманила голову. Обогнув крыльцо, он достал из тайника в сарае карабин быстро зарядил. Прислушался: в хате немела тишина, хотя окна горницы были озарены керосинкой.

Входная дверь была незапертой. Гарига вошел в коридор. Из передней слышался звук, похожий

на гуденье закипающего самовара. Оружие было снято с предохранителя, и он был готов на всё.

Рывком толкнув внутреннюю дверь, Семен Минич ступил в горницу. И оторопь пригвоздила его на месте. У стола, заставленного пустыми бутылками и тарелками с остатками пищи, развалившись на стуле, храпел лысый немолодой кавалерист, со спущенными до колен штанами. А его сослуживец, черноусый верзила, спал на топчане кровати, вытянув ноги в грязных сапогах. В комнате было угарно, и стояла едкая сивушная вонь.

– Любка! – отрывисто позвал Семен Минич и, не получив ответа, повысил голос. – Люба!

Успокоившись, что дочери в хате нет, и проклятые чужаки пили одни, Гарига всё же прошел в зал, заглянул в спальню и обмер: кровать темнела голой сеткой, а перина валялась на полу. Дрожащими руками он достал из кармана штанов зажигалку. И увидел страшное: перину пятнали капли крови, а ночная сорочка дочери, располованная вдоль, висела на краю кроватной спинки.

– Ссильничали... – выдохнул Гарига, не слыша собственного голоса. – Издевались...

Шифоньер с дочкиными вещами зиял открытой дверкой, и он даже заглянул вовнутрь, уловил запах духов «Красная Москва», которыми Любаша пользовалась и очень берегла. Снова оказавшись в горнице, Семен Минич хотел сразу убить обоих, но страх за дочку пересилил. Запальчиво дыша, он выбежал на крыльцо, лихорадочно соображая, где она могла спрятаться. И вдруг осенило: она наверняка у богомолки Марфы! И, может, не над ней надругались, а над другой бабой?

Семен Минич долго стучался в ставню соседского дома. Наконец из-за закрытой двери Марфа тревожно и скрипуче выкрикнула:

– Кто там? На постой не беру, и еды – крохи нетути...

– Это я, Минич. У тэбэ Любаша?

Дверь приоткрылась. В образовавшуюся щель старуха проворчала:

– Какого лешего будишь? Нетути ее у меня. Второй день не приходила, как на постой у вас анчутки стали...

Гарига прибежал домой, не обращая внимания на боль в сердце. Карабин тяжелил руку, и он приставил его к крыльцу. И решил не медлить с расправой! Он зашел за хату, где был дровяник, и удивился тому, что ворота его открыты. Значит, и здесь побывали чужаки, топя печь. Он наклонился, нащупывая в темноте топор, и вдруг головой задел за что-то. Вскинул глаза и у самого лица увидел голые ступни, поплывшие от него в сторону... Дико закричав, Семен Минич сел на землю. Не веря, что это может быть, содрогаясь всем телом, он смог достать и щелкнуть своей немецкой зажигалкой. У стены кособочилась лестница, а на потолочной перекладине, захлестнув бельевую веревку, висела дочка в желтом, недавно сшитом платье...

Обезумев, он срезал веревку, на руках занес Любашу в зал, положил на чистую кровать. И глядя девичьи коченеющие руки, твердил одно и то же:

– Ще тэплэ'ньки... Ще тэплэ'ньки...

Вдруг из горницы донеслось пьяное бормотание. Гарига как будто очнулся! Ему больше не стоит бояться пролитой крови в собственной хате. Все равно больше здесь не жить... И старым кухонным ножом он с ожесточением прикончил тех, кто забрал у него дочь...

И после этого Гарига точно бы отрезвел. Уложил в вещмешок шкатулку с украшениями, деньги, патроны, две пары запасных шерстяных носков, немецкий штык-нож, нитки с иглой и пожелтевшую семейную фотографию, на которой были он с женой и маленькая дочка, Семен Минич вынес его во двор и повесил на стоянок калитки. Затем из канистры облил керосином горницу, на минуту задержался в зале, прощаясь с Любашей. Горе гнуло

его к земле, когда выходил он в последний раз из своей хаты сбивчивой походкой, воспринимая все это как бы во сне...

Пламя, подхваченное сквозняком, побежало с крыльца в открытую дверь, гулко объяло горницу, промелькивая языками в окнах. Гарига забросил карабин за плечо и зашагал через сад к речке. Несмотря на оттепель, лед на Мечетке был прочным, и он быстро оказался на левобережье, где были когда-то отцовские виноградники. Путь лежал на запад, и он торопился как можно дальше уйти от станицы. А за спиной вставало, разрасталось зарево пожара. Но Гарига ни разу не оглянулся...

17

Утром тридцатого января Люська прибежала домой с возбужденным криком:

– Наши пришли! Наши солдатики... Дяди красноармейцы на танке примчались... Ура-а!

Пелагея Никитична, всплеснув руками, бросилась к образам, шепча благодарственные слова молитвы всем святым. И отец Антоний, встав с кровати, перекрестился и произнес:

– Слава Тебе, Господи, слава Тебе!

Однако осунувшееся после болезни лицо его осталось невозмутимо-задумчивым. Он жалел о потерянных днях, которые отняла у него болезнь, о несостоявшейся крещенской литургии, о несовершенных требах и проповедях, о непрочитанных часах. Душа рвалась в храм, к прихожанам. Но это стало уже несбыточным. Господь не впустил в храм одних безбожников, теперь пожаловали другие. Он испытывал двойкие чувства: и радость от изгнания оккупантов, и печаль от неизбежного закрытия храма.

Оказалось, не один он думал об этом. Пелагея Никитична вошла в его комнату с решительным видом. Опустилась на стул возле письменного стола.

– Может, поднять людей и всё из церкви перевезти к нам? Иначе разграбят или сничтожат.

– Офицерам Красной Армии не до этого. Нам скажут, когда освободить здание.

– Ой ли? В искушение легко впасть. Я советую забрать.

– Ну, хорошо. Убедили.

И часа через три отец Антоний расслышал по- нукание и увидел в окно, как к воротам подъеха- ла груженная подвода. Шел снег, и белыми от него были гривы лошадей и одежда кучера Агафона. Следом дошагали дед Дюньдик, тот самый Вить- ка, который отличился при ремонте церкви, и хо- зяйка. Старик сдернул с воза дерюжку и на пару с подростком стал носить иконы, подсвечники, об- лачение батюшки, священные сосуды, хоругви и разную мелкую церковную утварь во времянку. Под конец подняли со дна фурманки огромную купель и даже – аналой. Отдельно внесли в курень в двух чистых мешках убранство алтаря – предметы с Престола и жертвенника, запрестольный крест и семисвечник.

Дюньдик разговорился с батюшкой. Узнав, что дело пошло на поправку, простодушно обрадовал- ся и посулил прислать внучонка Тольку со щукой, которую забил острогой. Напоследок поделился новостями.

– Набилось в станицу танков, а мост взорван- ный. А по всему этому берегу, по низине, мины расставлены. Саперы туда-сюда, а как под снегом отыщешь? По колено лег. Да... Слыхал, будто Гари- гу поймали.

Вечером при свете жирника Люська играла в горнице с тряпичной куклой, а отец Антоний и Пе- лагея Никитична сумерничали в зале. Разговор вя- зался обрывистый. Оба скрывали непреходящую тревогу, тягостное ожидание ареста.

– Так я притянулась к церковной жизни... Аж не верится, что – всё... – вздохнула Пелагея Никитич- на. – Только стали люди приучаться... И нехай бы церковь была! Кому мешает?

– Всё же мне немного удалось, – с грустью признался отец Антоний. – Старался вести службу и проповедовать так, чтобы храм каждый день был заполнен. Веру Божью надо открывать людям просто и радостно, не устрашением Суда Небесного. Давать ее в руки, как детям дают на Благовещение птиц. Чтобы ощущали трепет в душе и помнили, что потерять ее, спасительницу, можно безвозвратно... А я не смог справиться.

– Какое там! По воскресеньям негде было стать. Со всех концов района приезжали. Аж из Сальска! – возмутилась хозяйка. – Скольким людям надежду вернули, утешение дали! Одной церковью и жила станица в эту темень военную. А на кого надеяться, когда фашисты кругом? Только на Спасителя. А кто к нему путь укажет? Вы! И нечего на себя наговаривать...

– Меня принимали в храме как пастыря. А когда заболел, пришли проведать только трое. Вот насколько велика сила веры Христовой и сколь несовершенен наш мир. Он погряз в грехах и в лукавстве, и священнослужители приставлены спасти его. А нам не позволяют! Отгоняют нас от людей бичами и запретами...

– Вот это правильно. Одни люди благодарные, другие – завистливые и корыстные. Кто по заповедям живет, а кому Христово учение без надобности. Но про вас худого словечка я не слыхала!

– Православная душа у вас, Пелагея Никитична. Без края.

– Тоже скажешь...

– Что бы я делал без вашей поддержки? Даже из полиции помогли выйти! Если бы у меня была возможность выбрать крестную мать, то я указал бы на вас...

Через день за отцом Антонием пришли двое особистов: конвойный солдат и младший лейтенант, с орлиным носом и сросшимися бровями. Они

без стука вломились в курень, хмурые и злые, фуражками напоминая синеголовых павлинов.

– Тут живет священник? Это вы? Собирайтесь! – на одном дыхании выпалил лейтенант.

– Он еще хворает, две недели с кровати не вставал, – пыталась защищать Пелагея Никитична. – Дайте сил набраться хотя бы до завтра.

– Мамаша, болезнь устав не отменяет. Незнание закона не освобождает от ответственности, – щегольнул красноречием парень и, желая выбить почву из-под ног, прикрикнул: – Поживей, Меркулов!

Люська потрясенно смотрела то на красноармейцев, то на бабушку Полю. Ее детский разум не мог постичь, почему дяденьки, которые прогнали немцев, забирают батюшку, такого замечательного и доброго человека...

Штаб дивизии разместился в школе, два смежных класса были отведены под Особый отдел. Священника больше часа допрашивал сам начальник отдела майор Веденский. Вопросы были разные, в основном, провокационно-глупые и, отвечая на них, отец Антоний с трудом сдерживал раздражение. Услышав «Увести!», он понял, куда...

Тюремным помещением оказался подвал, приспособленный под плотницкую. Сведя по ступеням, конвойный подтолкнул попа в рясе в отомкнутую дверь. В холодной темнице с маленьким оконцем ощущался запах лака и сырости. На земляном полу курчавилась мелкая стружка, валялись опилки досок. На одном из двух верстаков, подстелив черный тулуп, сидел сгорбленный мужчина.

– Оце так! И тэбэ, Николаич, захомуталы? Ласкаво просымо! – со злорадством встретил Гарига. – Вдвох будэ веселейше.

Отец Антоний, неприятно удивленный встречей, промолчал.

– Оце твоя лежанка, – показал Семен Минич на соседний верстак. – Занимай зараз, а то приведут ще когось.

Не дождавшись ответа, он лег, поджав к груди колени, чтобы согреться. И через минуту захрапел на всю ивановскую. От сапог отдавало тиной и навозом. И Меркулову ничего не оставалось, как снять пальто и, подстелив его, тоже прилечь на доски, чуть пахнувшие сосною. Оправив рясу и наперстный крест, он положил руки под голову и закрыл глаза. Вот и случилось то, о чем знал заранее. И приближается час земного судилища. Его он, в сущности, не боится, ибо сознательно шел к этому дню всю жизнь, пребывая в свете лица Божия. Только бы не поддаться унынию, не растратить смиренного терпения и принимать всё безропотно, с благодарностью Господу...

Семен Минич проснулся, откашлялся и сбросил ноги с верстака.

– Колы ж воны исты принесут? – пробубнил он сердито. – Сутки голодом мордуют...

Полдень заметно посветлел. Но поземка по-прежнему с шорохом бросала в оконце мелкий снежок. Солнце прочертило узкую синюю тень от здания по просторному двору.

– Чи живой, Николаич? – окликнул Гарига. – Давай балакать. А то бильше нэ придется. Ты кажи мэни, як так, що ты, божья людына, вместе со мной в заточеньє? Иде ж твой Иисус? Чому не помог?

– Он и сейчас мне помогает, – отозвался отец Антоний и тоже поднялся, стал на землю. – И я знаю, что Господь видит меня.

Гарига нехорошо засмеялся.

– Мы стобой, як два чёбота. У тэбэ ни семьи, ни детей немае, и я – круглый бобыль... – он вдруг всхлипнул. – Дочки лишился... Прокляти казаки... Ото ж... Ты при советах и при германской владе сидел...

– По вашей милости, – уточнил отец Антоний. – Хотя знали, что вины моей нет.

– Знав, а припугнуть надо було... И я при тех же властях в пленники попадал. Так що мы – одинаковые с тобой. Вот и ряди! Я жив, як хотел, вольно.

Баб имел, водку пил, грабил, командовал полица-ями, богатство наживал. А сколько рабов Божьих на тот свет отправил? Усих не упомяну! Хозяином жизни був! А ты? То рясу носил, в церквах пропадал да молитвами забавлялся, то в лагере срок тянул, хуже пса на цепи, то на счетах костяшки перекиды-вал. И що? Оце життя?

– Вы заблуждаетесь в том, что живем только на Земле. Душа бессмертна, она дается Господом и за-бирается им. Вы же согласны, что у вас есть душа?

– А що це такэ? – ернически спросил Гарига.

– То, что заставило вас сейчас заплакать. Она в тенетах грехов, в дьявольской мгле... Но действительно есть! И после успенья предстанет на Суд Божий... Вы усомнились в том, что я выбрал счастли-вую судьбу... Послушайте, с юности мне не надо было иного, как жить по заповедям Христовым. Но лукавый много раз искушал, и я, грешник, ка-юсь и отмаливаю грехи... И скажу вам первому, что всю жизнь пытался добром заслужить оправ-дание перед Господом. Праведность и оправдание не только созвучные слова, но и неразделимые понятия...

– Якщо бога немає? – перебил Семен Минич уже неуверенно, без прежней насмешливости.

– Есть. И он рядом...

Гарига зябко передернул плечами.

– Ну, мэни зараз каятьса поздно... Козырей пе-ред божинькой не запас...

И вдруг услышав скрежет замка, испуганно по-вернул голову, с дрожью бормотнул:

– За кем?

Из-за приоткрытой двери сурово выкрикнули:

– Гарига, на выход!

Семен Минич стал торопливо натягивать свой черный, без знаков отличия, полицейский китель, скороговоркой пытаясь отвлечься.

– Я до хутора Кавалерского уже дошел... Взял вдоль берега, щоб не побачилы. А там снега по ко-

лено, в копань провалился. Глубокая копань. Попал как кур во щи. А то убег бы и никто сроду бы не арестовал...

– Кому говорят?!

Семен Минич неузнаваемой походкой, еле передвигая ноги, поднялся по ступеням и круто оглянулся, выдохнул:

– Прости мэнэ, Николаич... – и в его глазах темнел покаянный страх.

– Бог простит, – успел ответить священник.

Отрывистые команды во дворе вскоре заставили отца Антония подойти к окну. С первого взгляда он всё понял. Отделение солдат было построено в шеренгу. А трое конвойных вели к ней Семена Минича со связанными за спиной руками. Он валко ступал по снежной пелене, опустив голову. И вдруг упал на колени, начал переступать ими, оставляя борозды, моля о пощаде того самого лейтенантика, со сросшимися на переносице бровями. Двое конвойных подхватили Гаригу под мышки, поволокли к означенному месту.

Отец Антоний отошел от окна. Раскатистый на морозе залп заставил его вздрогнуть и перекреститься и прочесть заупокойную молитву о новопреставленном рабе Божьем Симеоне. Потом он стал ходить по подвалу. Вскользь подумалось: расстреливают, как правило, всех разом...

Спустя несколько минут пришли и за ним. Отец Антоний не стал надевать пальто. Незачем...

Снова он оказался перед Веденским. Но на этот раз майор, невысокий, широкоплечий мужчина, смуглым лицом напоминающий Файта, сменил манеру общения.

– Вас положительно характеризуют многие люди. В том числе бывший председатель колхоза, орденноносец Ершов, – и, достав папиросу, постучал мундштуком по крышке портсигара, неторопливо чиркнул спичкой, прикуривая. – Принципиально не пользуюсь зажигалками...

И эта простая фраза как бы располагала к доверительности.

– Честно говоря, я хочу сохранить вам жизнь. Товарищ Сталин встречался с православными иерархами. У нас с вами общий враг – гитлеровская Германия... Но как же вы, образованный, интеллигентный человек, осужденный за контрреволюционную деятельность, отбыв заключение в лагере, решились служить немцам?

– Я служил в храме Богу, а не немцам.

– Погодите... Церковь открыта по распоряжению немецких властей. Так? Вы получали денежное вознаграждение...

– Нет. Я не взял ни копейки, хотя предлагали.

– Вот я и говорю, что вы добровольно изволили принять церковный приход. Фактически стали в административную зависимость от немецкого старосты... И это тянет на несколько статей, в том числе и на 58-ю. Вы уже осуждались по ней, и второй раз, уверяю, применят высшую меру наказания. ВМН, как пишется в протоколах.

Веденский сильными затяжками докурил папиросу и замаял в стакане, уже полном окурками.

– Мы – не немцы. Вашего полица, матерого убийцу, следовало принародно повесить. А мы пожалели людей – и так натерпелись жестокости... – сплетал свою речь майор из угроз и участливых фраз, стараясь сломать психологическую устойчивость арестованного. – Если вы поможете нам, я гарантирую вам свободу. Более того, дам выписку из протокола, что вы выполнили специальное задание Особого отдела. Думаю, у следственных органов к вам вопросов больше не возникнет.

– Что мне нужно сделать? – спокойно спросил отец Антоний.

– Помочь Красной Армии. Немцы взорвали мост и заминировали берег. Толстый слой снега и ямы мешают саперам. Танки стоят. А рота дивизионной разведки кукует на улице. Нужно найти проход...

– Я должен пройти на противоположный берег?

– Вы поняли меня правильно.

Отец Антоний несуетно поднялся.

– Я готов.

– А почему вы без пальто?

Священник не отозвался.

Его привезли в кабине полуторки к реке. Оси-
янный солнцем цепенел морозный день. Глазурная
снежная пелена вокруг, скаты сугробов и наметов
в заречье слепили до стеклянных мушек в глазах.
Следом подъехал на трофейном «Опеле» майор
Веденский. Появление батюшки в расположении
роты удивило небритого зеленоглазого коман-
дира в белом маскировочном халате. Его отозвал в
сторону особист. Совещались они недолго, и Веден-
ский представил сослуживца:

– Капитан Акименко. Он объяснит вам задачу.

Зеленоглазый, видимо, смущаясь тем, что впер-
вые в жизни давал приказ священнику, отчеканил
низким голосом:

– Задача простая. Хоть напрямик, хоть наиско-
сок выйти на левый берег. – И, подумав, добавил.
– Старайтесь ступать отвесно.

Отец Антоний, щурясь, огляделся. Станица под
толстым снежным покровом была неузнаваема,
празднична. Вездесущая детвора на пригорке не-
подалеку каталась на санках. По-бальному были
нарядны и пушисты заснеженные вишни вдоль
плетней. И среди этой белизны выделялась высо-
кая фигура священника в черной суконной рясе
и скуфье, с отблескивающим на груди большим
серебряным крестом. Бойцы, сойдясь у танкетки,
говорили приглушенно, с любопытством рассмат-
ривая станичного батюшку и не ведая еще, зачем
он здесь.

Отец Антоний прочел про себя «Отче наш» и
«Царю Небесный» и, продолжая читать молитвы,
двинулся по спуску, проваливаясь в снегу выше
голенщик. До выбранной им цели на другом бере-

гу, геодезического курганчика, было не более версты, но идти оказалось трудней, чем предполагал. Несмотря на подмотанные портянки и толстую кирзу сапог, ступни быстро оконечели. Лицо жгуче опахивал ветер. Ступать так, как советовал командир разведчиков, не получалось – болели колени. Сквозь молитвенные слова стал вдруг слышаться ему непонятный, как будто струнный звук. И отец Антоний почему-то вспомнил о Файте, о его прощальной музыке. И решил, что близок миг откровения – исхода души из земной юдоли. Он и страшил немного, и притягивал тайной неизвестностью – как внидет душа в Царствие Небесное...

Между тем, меряя шаги, он дошел до середины луга. И заметил странную закономерность: неотступный звук то усиливался, то стихал, как только вилял он в сторону. И стал старательно внимать ему, ведущему вперед, словно невидимая нить.

Однако силы таяли. Все больше думал отец Антоний не о себе, а о том, что подведет зеленоглазого командира. Судя по открытому лицу, это был хороший человек. С Божьей помощью он должен пройти! Разведчики и танки нужны на фронте, под Ростовом. И копя энергию, стал чаще останавливаться, пережидать одышку...

На полдороге, когда уже ступил на речной лед, его догнал девичий крик:

– Ба-атю-юшка!

Он оглянулся и метрах в ста увидел догоняющую его Люську. Неугомонная девчонка, не бежала, а скакала, принаравливаясь к его следам.

– Стой! – попытался остановить ее отец Антоний. – Марш назад! Кто тебе разрешил идти за мной?!

Люська замедлила шаги.

– Кому я говорю! Сейчас же иди домой!

– А я вам часы принесла, – звонким и упрямым голосом откликнулась своевольница. – Вы их забыли...

– Немедленно домой! Иначе жить у нас не будешь, – использовал отец Антоний последний аргумент, хотя ни за что бы не расстался с потянувшимся к нему ребенком.

Девочка отстала, но уходить и не собиралась.

И только когда отец Антоний с трудом вскарабкался по глинистому крутояру на берег и взошел на курганчик, где была треногая вышка, она смело направилась к нему.

Отец Антоний ничего ей больше не сказал. И выглядел он постаревшим: бороду то ли припорошило, то ли на самом деле побелела за полчаса, пока проходил минную полосу. Он, что-то шепча и улыбаясь, смотрел на станичный берег, с которого цепочкой стали сходить красноармейцы. Молчала и Люська, размахивая голубым, как небушко, платком, сдернутым с головы, и слушая, как в ладони отца Антония тикают принесенные ею часы...

Румяной радостной весны!
Что ей, весне, твои печали!
Несхожи вы, как день и ночь.
Она резвится и ручьями
Тебя, седую, гонит прочь.

Беспечна юность, в думах
старость:

Что принесёт ей новый день?
И сколько дней ещё осталось
Ей, прежде чем заступит в тень?

Не примирить тепло и стужу,
Но неразлучны тень и свет,
И в умирании недужном
Зимы
родится первоцвет.

Тот, что с рожденья до могилы,
Не отменить круговорот.
Так припаси же мудрой силы
Благословить весны приход!

Рек пульсируют вены
В юном теле весны.
Ландыш мой сокровенный
Под кустом бузины!

Белый, нежный, невестный,
В росах утренних свеж.
Свой весна повсеместно
Утвердила рубеж.

Нет конца ей и краю!
Даль прозрачна, чиста.
Внове жизнь начинаю
С голубого листа.

Чистый лист мой небесный,
Ненаписанный стих!
Я с тобою воскресну
Для восторгов земных.

Расцвету, как черешня,
Головою седой.
И баском пусть окрепшим
Грянет гром молодой!

Гляжу я, как, поглупела ты,
Душа моя!
В какую впала ересь,
Коль май тебе охапками – цветы –
Сирень, тюльпаны – это что за прелесть!

И ты уже готова на крыло
Встать и на курс весенних дней ложиться,
Как будто бы тебе не тяжело
В царевну-лебедь вдруг преобразиться.

Самой себе я говорю: окстись!
Ты в зеркало гляделась ли намедни?
Пойми, взглянув: какая тебе высь?
Забудь, забудь скорее эти бредни!

Но что ей, той, кто с Музою блажной,
Стыд позабыв, шась – на лужок поёмный –
С весною хороводить:
Боже мой,
Уж как же с ней попляшем, попоём мы!

Как взмоем в эту неземную высь!
А ты, моя премудрая сестрица,
Ворона, только каркай и гордись,
Что можешь сердца глупого стыдиться.

В тихой заводи речной
На кукуане – ветке ивы
Бьётся рыбкой золотой
Месяц в доле несчастливой.

Он попался! Не беда,
Ветвь я отведу рукою:
Пусть дремотная вода
Светлый сон его покоит.

Влажно дышит тишина
На смежённые ресницы.
За спиной моей одна
Прокричала в грёзах птица.

Из ночных всех голосов
Только лай собак и слышен.
Знать, созвездье Гончих Псов
Опустилось к нам на крыши.

В промежутках тихий звон
Колокольчика заречный –
Конь пасётся...
Сон не сон –
Жизни краткий миг и вечный.

Что соловей, эстрадный тенор?
Горластое «ку-ка-ре-ку»
Его затмило здесь. И в тему
Звучит топорное «ку-ку».

Здесь звуки первобытно грубы,
Так заступ груб в моей руке.
Играет в духовые трубы
Коровье стадо вдалеке.

В малиновом жилете дятел
Ударник свой настроил в лад,
И солнца жаркие объятья
Всё нежат с головы до пят.

Гроза весенняя озоном
Оживший напоила сад.
Приправлен запахом назёма
Цветенья тонкий аромат.

В круговращении кипучем
Басят меж гуда пчёл шмели.
Труда симфонией озвучен
Простор проснувшейся земли.

И мне бывает не до грусти
В борьбе азартной.
Только – рrr-аз! –
И под железом острым хрустнет
Корнями перевитый пласт.

Раненая плакала лозинка,
Пали на землю капли слёз.
Вышла вот в делах моих заминка.
Не смешно ль печалиться всерьёз?

Что ты сделал, инструмент
мой острый?

Это не засохший ведь сучок.
И кропил отжившей ветки остов
Чистый и прозрачный жизни сок.

На ухо сползла моя косынка,
Молвил ветер, дунув мне в лицо:
«Не погибнет юная лозинка,
Рана заживёт в конце концов!»

Падали слезинки и иссякли...
Капнула раздумчиво одна
На ладонь... Пригубила ту каплю,
И очнулась вдруг во мне весна!

Боже мой, я ветру, солнцу рада,
Изумрудной зелени травы!
Живы сухожилья винограда,
А казалось до того – мертвы.

Заблудился во ржи василёк.
Обступили пришельца колосья:
«Ты зачем к нам пришёл, голубок?»
Но отпрянул цветок – укололся.

И шершавый шуршал шепоток:
«Он ненашенский. Экий невежа!
Зёрен нет в нём. Зачем он, цветок?..»
И грустил василёк этот нежный.

Тот вопрос только с виду нелеп,
А на деле встаёт ежечасно:
Что нужней – красота или хлеб?..
Не грусти, василёк мой прекрасный!

Причуды любви

*Мои глаза в тебя не влюблены, -
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.
Шекспир. Сонет 141*

Влюбляются однако же в прекрасных.

Сражён был красотой и пленён
И он, «потомок негра безобразный»,
И гений тот, что не был Аполлон.

Известно, кем «огончарован» Пушкин,
Кем вдохновлялся Лермонтова стих.
Один Тургенев полюбил дурнушку,
И час последний с ней его застиг.

Она блистала певческим талантом,
Ей так к лицу был этот бриллиант.
И был в душе поклонник музыкантом.
Однако это редкий вариант.

И если только к женщине мужчина
«Неровно дышит» не из-за красоты,
Ни бог, ни чёрт тут не найдёт причины,
А дьявол усмехнётся лишь в усы...

Подруга, говорю, не обаяйся
В любой поре, хоть на пороге смерти,
Издалека на подвиги безумства
С улыбкой снисходительной смотреть.

Цветаевой костёр не разгорелся б,
Скорей всего бы угольком сотлел,
Когда б она не падала на рельсы,
Да и в трубу случалось на метле.

Пусть чопорные правила кому-то
Дороже даже матери родной,
Но, погляди-ка, не одну попутал
Бес, рожицы нам корча за спиной.

Поэт

Дитя двух стихий – океана и неба,
Ему задышаться на грубой земле.
Поэт! Ты – дельфин. И добру на потребу

Ты выброшен бурей – испечься во зле.
На душной полоске побыв хоть недолго,
На собственной шкуре нежнейшей своей
Поймёшь, что в страданье становится Волгой
Тебя ожививший банальный ручей;

Что зла и добра соразмерность едина;
Что выбрать по росту и зло предстоит.
Не знает Поэт золотой середины –
В нём лишь сердцевины сплошной монолит.

Любовь, как детёныша, бросив в пучину,
Трусливый, бежит от себя человек.
И есть отчего улыбаться дельфину:
Он – вынес! Он – спас! То, что слабый отверг.

И кроме любви, за Поэтом вины я
Не вижу.
Но есть в нём смертельный изъян:
Дельфину убийственны ласки земные.
Волна!
Уноси ж его прочь –
В океан!..

Сторож

(глава из романа)

Пелена опускалась не очень быстро. Настолько плавно, что электричка, набитая людьми и шедшая как раз через центр будущей Сферы, успела проскочить все пространство и благополучно прибыла на следующую станцию. Пассажиры испытали лишь мгновенное помутнение сознания. Но вот что странно: никто из них не заметил ничего необычного. Мало того, они не помнили, что с ними случилось.

А пелена все опускалась и опускалась, пока не достигла земли. Но не прекратила движения и, как потом выяснилось, на глубине примерно трехсот метров сомкнулась в полусферу.

Одновременно образовалась и верхняя часть Сферы, так что в скором времени на этом участке появился огромный непрозрачный шар.

Который, впрочем, таким оставался недолго. Внезапно непрозрачность словно растворилась в воздухе, и все стало видно, как обычным солнечным днем. Вот только...

**ИГОРЬ
БЕРЕГ**

Проза

Сфера осталась. Непроницаемая сфера. Отныне доступ на пространство, которое она занимала, был закрыт для любого живого существа. Даже для птиц и животных.

Нет, она не била, к примеру, током любого, кто к ней прикоснется, не отталкивала, ничем не угрожала. Она просто не пускала внутрь себя.

Естественно, люди старались в нее проникнуть. Таково уж свойство человеческой психики: если существует какой-нибудь запрет, надо его нарушить. Поначалу пробовали всяческие научные способы: просвечивали всеми лучами, которые существовали в природе, пытались просверлить, прожечь лазерами. Единственное, что удалось определить, – да, это закрытое пространство в форме сферы, окруженное прозрачной, практически невидимой оболочкой такой прочности, что ее нельзя разрушить никакими имеющимися на Земле средствами.

От отчаяния пытались даже стрелять по сфере из пулеметов и пушек. Но скоро оставили это бесполезное и опасное занятие, поскольку пули и снаряды рикошетили под тем же углом, под которым были посланы в оболочку сферы. Результатом были несколько разбитых пушек и раненых солдат. Внешне пейзаж внутри сферы абсолютно не менялся. Но должно же там было что-то происходить?! Просто так в мире ничего не случается.

И тогда кто-то из ученых вспомнил, что на этом месте, вон там, на взгорке, несколько лет назад военными было уничтожено какое-то газообразное облако, которое позже признали пришельцем из космоса. И с этого момента сфера стала Сферой.

Попытки проникнуть внутрь продолжались еще какое-то время. Нашлись умники, предлагавшие использовать для взлома ядерный заряд.

Но Сфера находилась на территории курортного региона и от этой идеи быстренько отказались. Со временем интерес к артефакту угас, железную дорогу проложили в обход зоны Сферы, и жизнь пошла дальше.

А потом появились слухи о каких-то «Серых цветах» – странных образованиях биологического характера, которые, якобы, излечивают любую болезнь. Абсолютно любую! Хоть рак в любой стадии, хоть слепоту, хоть повреждение позвоночника. Все, что угодно!

Компетентные органы сильно заинтересовались, провели расследование, даже добыли несколько образцов этой панацеи. И убедились, что да, все правда, существуют и лечат. Стоили «Серые цветы» на черном рынке совершенно сумасшедшие деньги. Компетентным органам, естественно, образцы достались даром, их просто конфисковали, тем самым обрекши на смерть несколько людей. Но до людей ли, когда такая загадка появилась?

Немного подумали и связали этот артефакт со Сферой. Значит, кто-то все же имеет возможность проникать внутрь ее и выходить обратно, вынося драгоценное лекарство. Кстати, тщательная фото- и киносъемка со всех ракурсов не показала никаких «Серых цветов». По ту сторону барьера все было застывшим, как в день, когда он появился. Даже зимой снег не попадал внутрь. Высказывались предположения, что на внутреннюю поверхность Сферы просто проецируется картинка, снимок одного дня. Но тогда ночью Сфера должна была светиться. А там происходила обычная смена дня и ночи.

В конце концов сферу огородили двумя рядами колючей проволоки, поставили датчики дви-

жения и камеры наблюдения. Да дважды в сутки ее объезжал патруль на автомобиле. Так, для порядка. И на этом успокоился весь ученый и неученый мир. Ну, есть такой феномен. И что? Кому он мешает? Вот и пусть себе существует. А у нас своих, земных дел хватает.

Не уgomонились только компетентные органы. Как это так: что-то происходит без их ведома?! Разветвленная сеть информаторов работала изо всех сил. Но безрезультатно. Неведомые добытчики и распространители «Серых цветов» так и оставались неизвестными. Органы уже начали грешить на самих пришельцев, которые таким образом готовят вторжение на Землю. Довольно безосновательное предположение, если честно. И совершенно нелогичное. Людей, которые излечились с помощью «Цветов», тщательнейшим образом обследовали, как физиологию, так и психику. Никаких изменений, кроме некоторой естественной эйфории от того, что тело стало здоровым и больше нигде не болит.

Кстати, на здоровых людей эти артефакты действовали аналогично. Но в уменьшенном масштабе. Ведь абсолютно здоровых людей не бывает. Какая-нибудь болячка, пусть самая маленькая, но найдется.

В специально созданной секретной лаборатории «Серые цветы» исследовали всеми доступными способами и средствами, пытаясь разгадать механизм воздействия на человеческий организм и, если это будет возможно, синтезировать рабочие вещества. Пока ничего не получалось. Единственное, что можно было сказать об этой панацее с уверенностью – она неземного происхождения.

Так что органы безуспешно продолжали свою поисковую деятельность, а «Цветы» все появлялись и появлялись на черном рынке.

Вскоре из-за границы стали доходить слухи о возникновении этого лекарства и там. Слухи подтвердились. Стоило оно там раза в три (иногда больше) дороже, чем здесь. Ну, это было понятно, народ там небедный живет. Мало ли престарелых хворых миллиардеров!

И лишь несколько человек на всей планете знали источник появления «Серых цветов» и способ их доставки.

Среди них был и я. Причем как основное лицо, добытчик, так сказать.

Дело в том, что я мог проникать внутрь Сферы. Тогда, семь лет назад, именно на меня вышел пришелец, пытаюсь наладить с людьми контакт. Я так и не понял причину его появления на Земле. Может быть, банально потерпел катастрофу.

Но договориться нам не удалось. В тот момент, когда я шел к нему, чтобы, наконец, встретиться, налетели brave военные и сожгли Пришельца из огнеметов. Ну, обычай у нас, землян, такой: все непонятное – уничтожать.

Последним усилием, уже умирая, пришелец разбросал по сторонам нападавших, в том числе и меня. Большинство отделалось ссадинами и ушибами. У меня же оказался сломан позвоночник. Да так, что никакому лечению он не подлежал. И я остался калекой, парализованным ниже пояса и способным передвигаться только на коляске.

Жил на пенсию, которую выделило мне государство, безо всяких перспектив в жизни. Хорошо хоть не спился, хотя одно время попивал, считая, что этим глушу свою боль.

Но однажды в мою дверь позвонили. Это был тот лейтенант, что командовал операцией по уничтожению пришельца. Правда, в запас он ушел в звании капитана, так что прозвище в нашей ма-

ленькой компании к нему прилипло соответствующее звание – Капитан.

И принес он вести совершенно невероятные. Он нашел проход в Сферу. Как его проглядели те самые органы – непонятно. Но проход был, и он действовал. Вот только в саму Сферу по нему мог проникнуть далеко не каждый. Точнее – всего двое. Капитан и... я. Все остальные люди, прошедшие за Барьер, мгновенно впадали в состояние каталепсии, замирали на месте и приходили в себя только после того, как их с помощью страховки извлекали назад в тоннель. И ничего о том, что они были в Сфере, не помнили. Абсолютно.

Без этой неприятности туда мог попасть лишь Капитан. Он не впадал в ступор, мог спокойно двигаться там, дышать. Но... побоялся. Ведь это он отдал команду на уничтожение Пришельца. И теперь, наверное справедливо, опасался, что его где-то там, в глубине Сферы, ждет наказание за варварский приказ.

Подумав, он пришел к выводу, что и я могу безбоязненно пройти через барьер. Ведь я был в непосредственном контакте с Пришельцем и не имел к его уничтожению ни малейшего отношения. Я попросту не предполагал, что военные могут поступить так подло.

«Пройти?», – спросил я тогда с горькой усмешкой. И показал на свои ноги, бесполезными палками валявшиеся на диване.

Оказывается, этот вопрос он тоже продумал. Где-то достал швейцарское инвалидное кресло, которое не нужно было толкать или крутить колеса. Там стоял электродвигатель, питавшийся от мощного аккумулятора. Управлялось кресло двумя джойстиком на подлокотниках, и перемещаться по ровной местности, даже с невысо-

кими препятствиями, можно было совершенно свободно.

Так вот, Капитан предложил мне попробовать проникнуть в Сферу на этом самоходном кресле. Не получится – ну что же, попытка – не пытка. В любом случае «самобеглая коляска» остается у меня как компенсация за невольно нанесенный им ущерб.

Что мне оставалось делать? Да и кресло понравилось. Уже через час я лихо рассекал на нем по квартире. Я согласился попробовать.

Метрах в двадцати от последнего ряда колючей проволоки в зарослях стояла старая, перекошенная избушка. От нее-то и шел подземный ход к Сфере. Для чего и кем он был построен, так и не удалось выяснить. Возможно, кто-то искал здесь золото или драгоценные минералы? Ведь рядом высилась огромная двугорбая гора, с давних пор окруженная слухами и легендами. Последние метры, уже за Барьером, Капитан копал и укреплял собственноручно. А кто бы это мог сделать, если каждый, кто проникал внутрь, тут же застывал соляным столпом, и его нужно было вытаскивать за страховочную веревку?

В ту же ночь меня привезли в избушку. Вход в тоннель был искусно замаскирован. Сам же тоннель представлял собой достаточно широкий и высокий проход, в котором бок о бок могли двигаться два взрослых человека. Стены и потолок были надежно укреплены, имелось даже электрическое освещение. Мечта для узников какой-нибудь тюрьмы, готовящих побег!

Кресло со мной аккуратно спустили вниз, и я порулил по тоннелю. И даже не заметил, когда пересек барьер. Узнал об этом, только когда обернулся и увидел, что мои спутники остановились.

Я сдал назад, опять ничего не почувствовал. Капитан был вне себя от радости, шепотом кричал: «Получилось! Получилось!»

А я хладнокровно попросил фонарик и опять поехал вперед. Уклон плавно повышался, и вот уже над головой сияют звезды, и свежий ветерок шевелит мои волосы.

На какое-то время я застыл на месте. Было очень темно. Свет звезд и Луны почти не помогал. И далее десяти метров я рассмотреть ничего не мог. Как тут покатаешься на моем кресле?

И было немного страшно. Не так, чтобы очень, не до ужаса. Психика моя к тому времени сильно перестроилась, я просто махнул на себя рукой. Я был беспомощным калекой, никому не нужным в этой жизни, даже себе. Так чего мне бояться?

Решившись, тронул джойстик управления, и тележка моя двинулась вперед, чуть покачиваясь на неровностях почвы. Фонарик высвечивал лишь небольшой участок моего пути. А что там дальше?

Понемногу я стал припоминать окружавший меня ландшафт. Насколько он остался запечатленным в моей памяти. Вот здесь я шел на встречу с Пришельцем. Вот там прятались бронетранспортеры, оттуда побежали солдаты во главе с тогда еще лейтенантом.

И впереди, из кустарника пополз дым, который, собственно, и был Пришельцем. Из засады вылетели бронетранспортеры, рванули к этому дыму, побежали солдаты. Стараясь воспрепятствовать атаке, я с помощью той силы, которую передал мне Пришелец, раскидывал их по сторонам. Пришелец помогал мне.

Но ударили огнеметы прямо в центр этого дымного облака и, погибая, Пришелец нанес последний удар, под который попал и я.

Не знаю, может быть, он решил, что я предал его, привел сюда всех этих вояк. Но результат был весьма плачевен. Если остальные, те, кто участвовал в атаке, отделались довольно легко, даже лейтенант, который находился ближе всех к облаку, меня швырнуло так, что при ударе бедный мой позвоночник хрупнул, как сломанная спичка, и я лишился сознания.

Я едва не погиб, врачи долго боролись за мою жизнь и сделали все, что могли. Но вот ноги мои так и остались парализованными.

Кресло продолжало медленно двигаться вперед. Я знал, куда еду. Именно на то место, где погиб Пришелец. Я просто хотел попросить у него прощения. За себя, за всех нас. Прощения за то, что не разобрались, даже не пытались это сделать. А просто и тупо уничтожили его.

Так, это, кажется, здесь. Я посветил вокруг лучом фонарика. Да, точно. Трава какая высокая и зеленая!

Кресло остановилось, я убрал пальцы с управления.

Слов не было. В мозгу крутилась только одна мысль: «Прости нас!»

И вот тут случилось Чудо. Какая-то искра пробежала по моему позвоночнику, и я вдруг ощутил свои ноги! Сколько лет я не чувствовал их!

Осторожно попробовал пошевелить пальцами одной ноги. Есть, ощущаю, шевелятся! Теперь другая нога. И здесь все в порядке! Тогда я вдруг, неожиданно для себя, но решительно встал!

И ничего страшного не случилось! Я стоял, как прежде, на двух своих ногах и чувствовал себя просто великолепно!

Сделал один шаг, другой, обернулся и увидел, как моя коляска медленно стала съезжать назад. На тормоз не поставил, дубина!

Но в моем нынешнем состоянии ничего не стоило догнать ее и остановить. Что я и сделал.

Все никак не мог прийти в себя от восторга. Пришелец простил меня, сделав последний подарок. Он вернул мне жизнь!

Я низко поклонился, благодаря. И в свете фонарика обнаружил круглую серую плиту диаметром примерно в метр. А на ней лежали почти такие же серые образования, чем-то напоминающие наши земные цветы.

Так вот что это такое! Вот почему возникла Сфера! Собратья Пришельца создали на месте его гибели мемориал, согласно их традициям, а чтобы люди не осквернили по своей привычке это место, окружили его непроходимым барьером.

Представляю, во что бы оно превратилось, если бы не было Сферы. Сначала ученые всех мастей роились бы вокруг плиты, потом военные, а потом дело дошло бы и до туристов с непременно шашлыками и пивом!

У нас не принято устраивать пикники на кладбищах. Хотя, конечно, всякое бывает. А тут со временем и ресторанчик бы открыли с броским названием «У Пришельца». И какой-нибудь перебравший посетитель непременно наблевал бы если не на саму могильную плиту, то рядом с ней.

Я видел все это внутренним взором и радовался тому, что друзья Пришельца создали непроницаемую Сферу вокруг места его гибели. Все они правильно сделали!

Разминая ноги, прошелся вокруг плиты. Непонятен был материал, из которого она была изготовлена. И не гранит, и не пластик. Что-то среднее.

Никакой надписи. Я даже «цветы» приподнял – ничего. Принято у них, наверное, так.

Почувствовал тонкий необычный аромат, принялся. Это точно были цветы. Не наши, не земные. Но именно они так пахли.

Пора было возвращаться. Я взял один цветок, как доказательство, что был здесь, положил его на сидение и покатил кресло с холмика, радуясь вновь обретенной способности передвигаться без помощи механических приспособлений.

Рано радовался... Когда я почти уже дошел до входа в подземный тоннель, вновь электрическая искра пробилла мой позвоночник и я рухнул на траву во весь рост! Хорошо еще, что находился на ровной местности, и кресло не уехало от меня.

Да, вот это «подарок» сделал мне Пришелец! То есть, на своих ногах я могу передвигаться только здесь, внутри Сферы. А у ее границ и за ними опять превращаюсь в беспомощного инвалида!

Я долго лежал на спине, глядя в звездное небо и кляня Пришельца, его друзей, Капитана, но в первую очередь – себя. Поверил, дуралей, в бескорыстную помощь неизвестных инопланетян, обрадовался! А все оказалось гораздо прозаичнее. Хочешь ходить, сиди внутри Сферы и не чирикай! Нужен тебе большой мир – катайся, как и прежде, на своей электрической хреновине! Терциум нон датур! Хватит с тебя и двух вариантов!

Утерев невольно навернувшиеся от разочарования слезы, я с помощью только рук взобрался на кресло, предварительно убрав с сидения цветок. Хотел было в сердцах его выбросить, но почему-то оставил. И поехал в тоннель.

На Капитана мой рассказ произвел большое впечатление. Естественно, чтобы не показаться смешным, я не стал сообщать ему о том, что в

Сфере могу передвигаться, как обычный человек. Пусть это будет моей тайной. Черт, как же неудачно и нелепо все получилось!

Мои раздумья прервал удивленный возглас Капитана.

– Что с моей рукой? – вопил он, щупая свое предплечье. – Она совсем не болит!

Действительно, он тоже немного пострадал в той атаке на пришельца – сильно повредил плечо. Этим предлогом и воспользовались командование, чтобы замаять последствия инцидента почти мирового масштаба. Ему дали четвертые звездочки на погоны и благополучно выперли на пенсию. Снаружи ничего не было заметно, но боли он испытывал порой ужасные. Очень намаялся, когда докапывал тоннель.

И теперь боли одновременно прекратились! Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы уловить связь между его покалеченным предплечьем и цветком, который он крутил в пальцах этой руки. Цветок излечивал!

Странно, но на мой позвоночник, когда я вновь лишился ног, он так не подействовал. Странно и обидно!

Капитан ухватил меня за плечо.

– Там много таких еще?

– Да были, – неопределенно ответил я.

– Немедленно поезжай туда опять и привези остальные!

Звучало это, как приказ, а я приказов не выношу с детства, поэтому и ответил:

– Тебе нужно, вот и поезжай сам. Могу даже кресло одолжить. А я пока в сторонке посижу.

Капитан начал было орать на меня, но быстро заткнулся. Он все же был умным человеком и понял, что на горло меня не возьмешь.

Пришлось ему менять тактику. Он перешел к уговорам и обещаниям. И обещаны мне были практически «золотые горы». Кстати, не знаю, обманывает ли меня Капитан. Скорее всего, да. Но платит щедро и помогает во всем. От благоустройства квартиры до личного транспорта и консультаций у врачей. Суммы на мой счет за рубежом переводились изрядные, я проверял. Чтобы обеспечить себе алиби, я занялся писательством. Сочинил несколько романов, которые Капитан пристроил в Москве, мне заплатили средних размеров гонорар. Дальше можно было не заморачиваться этим делом. Настучал на компьютере несколько страниц якобы нового романа и всегда мог предъявить «интересующимся лицам», что вот, дескать, трудно идет, очень уж тема сложная.

В тот раз ему все же удалось меня уговорить. Чувствовал я себя не очень хорошо, поскольку похищение цветов с «могилы» казалось мне кощунством. Но, во-первых, мне и самому хотелось еще немного походить собственными ногами, а во-вторых, присутствовала некоторая злость на пришельцев. Что это за ограничения: внутри Сферы можешь ходить и даже бегать, а за ее пределами ни-ни?

И я поехал в ночь. В этот раз задерживаться не стал, только минут пять для разминки поприседал, попрыгал. Потом забрал все цветы, что лежали на плите и повез их к тоннелю. Солидная была охапка.

К тому времени, как я вернулся, Капитан уже приготовил герметичный контейнер и ждал меня, «роя копытами землю». И где он этот контейнер раздобыл среди ночи?

Голова у него работала, конечно, отменно. С нуля, что называется, не зная ничего о целебных

свойствах цветов, да даже о самих цветах, когда вдруг вылечилась его рука, он мгновенно просчитал, какую выгоду можно от этого получить. И взялся за это дело с энтузиазмом строителей Днепрогэса. Букет разошелся по тайным его каналам мгновенно.

Какова же была его радость, когда в следующий свой поход я обнаружил на плите новую охапку тех же самых цветов! Не забывали инопланетяне своего погибшего собрата. А может, какой-нибудь автомат следил за тем, чтобы на памятной плите всегда лежал свежий букет?

Так и пошло дело. Раз в пять дней я отправлялся внутрь сферы, гулял там в ночи, разведывая окрестности, потом забирал новую охапку и вез ее к тоннелю. Дальнейшее уже не было моей заботой. Очередной контейнер исчезал с Капитаном, а на мой счет, открытый в одном из швейцарских банков, приходила приличная сумма в валюте. Ну, и немного в рублях на счет в Сбербанке. Жить-то на что-то надо?

Тогда я и взялся ради маскировки писать романы. Не очень увлекательным это оказалось. Сидишь и как дятел долбишь по клавишам ноутбука, ломаешь голову над сюжетом. И, на мой неискушенный взгляд, шедевров не получилось. Так, проходная фантастика, да один боевик с погонями и перестрелками. Но Капитану понравилось, он взял диски с рукописями и съездил в Москву, где успешно пристроил все. Гонорар заплатили средненький, я через Интернет выяснил, сколько платят «мэтрам» и сколько «новичкам». Видимо, в издательствах решили, что статус «новичка» я перерос, но до «мэтра» не дотягиваю, вот и заплатили по среднему.

Я даже пару критических статей на свое «творчество» прочел в Сети, где меня покрови-

тельственно похлопывали по плечу какие-то совершенно незнакомые мне люди. Но все же хотели прочесть еще, надеясь, что я поднимусь в своем «творчестве» до сияющих вершин «настоящей» литературы.

Похихикав над дураками-критиками, я просто плюнул на свою писанину. Маскировку сотворил – и ладно. Изредка, правда, дописывал страницу – другую в роман, который, я был уверен, никогда не закончу.

А так, все свободное время я валялся на диване, читал, смотрел телевизор, копался в Интернете. Изредка выезжал в магазины. Стараниями Капитана прямо в квартире был установлен подъемник, с помощью которого можно было выбирать на волю.

Но делал я это не очень часто. Сильно злили сочувственные или любопытные взгляды прохожих и покупателей в магазинах. «Самобеглые коляски» – большая редкость в наших широтах. Безногие инвалиды или рычаги ворочают, крутя колеса, или теми же руками те же колеса крутят. Кто-то предлагал мне заняться спортом, ведь даже на паралимпиаду таким путем попасть можно. Но меня сия перспектива не прельстила.

Вот так и проходило мое существование. Именно – существование! Потому что по-настоящему я жил только там, в Сфере. Мои поездки за цветами становились все длительнее.

– Что ты там возишься? – нервно спрашивал Капитан. – Забрал цветы – и назад!

На что я неизменно отвечал загадочной фразой:

– Слушаю ночь...

Кстати, Капитан постоянно теревил меня на предмет поиска еще каких-нибудь артефактов,

оставленных пришельцами. Это он «Пикника на обочине» Стругацких начитался, и надеялся что Сфера просто завалена инопланетными чудесами.

Я его пока не разочаровывал, говорил, что с моим способом передвижения большие участки не могу исследовать. Но, может, со временем...

На самом деле я, конечно же, кое-что нашел. Какие-то артефакты явно неземного происхождения. Но что это и как оно работает, не имел ни малейшего понятия. Поэтому устроил небольшой тайничок и складывал туда свои находки, аккуратно упакованные в пластиковые пакетики.

А про Капитана решил, что хватит ему пока и цветов. Как-то краем уха услышал, сколько он ломит за каждый экземпляр, и только головой покачал. Хапугой он оказался еще тем. Ну, да это не мое было дело. Лишь бы мне на счета денежка капала, да не попался бы он ребятам из органов. Ведь те наверняка землю носом роют в поисках источника этой панацеи. Как же так, такие деньжищи – и мимо государственного кармана!

О том, что цветы действительно лекарство от всех болезней, я узнал от самого Капитана. Как-то, подвыпив у меня дома, он расхвастался, называл себя спасителем человечества и оно, человечество, должно ему руки целовать из благодарности.

– Все лечит, Кимка, – буровил он. – Понимаешь, абсолютно все! От насморка до рака в последней стадии! Один-два дня – и человек здоров! Как заново родился! Во какую штуку мы с тобой нашли!

Я лишь криво ухмылялся. Мне, к величайшему сожалению, цветы не помогали абсолютно. Как я только не пытался их применить! И нюхал, и крутил в пальцах, и прикладывал к спине, даже отвар из них пил! Нет, ничего не выходило. Только в

Сфере я становился нормальным человеком и мог делать все, что захочу. Но стоило приблизиться к тоннелю, как знакомая электрическая искра пробивала позвоночник, и я вновь становился беспомощным калеккой. В чем тут секрет – оставалось неясным. Смиряться с этим фактом не хотелось, мне нужно было продолжать эксперименты, и с этой целью я после каждого похода утаивал пару цветков. Капитан пока ничего не подозревал.

У нас на могилу кладут только четное количество цветов. Здесь же, на плите Пришельца, это правило отсутствовало. Количество тоже было неравномерным. Могло появиться пять цветков, а мог возникнуть и целый букет.

Кстати, о возникновении. Как-то, задавшись целью установить, откуда появляются цветы или кто их приносит, я установил дорожную видеокамеру с автоматическим переключением на ночной режим и датчиком движения, включающим камеру в случае появления вблизи плиты чего-то перемещающегося.

И ничего этим не достиг! То есть запись шла, но на диске была сплошная серая муть. И все!

Положительным результатом можно было считать лишь то, что датчик движения срабатывал несколько раз, и съемка продолжалась от пяти до десяти минут. Значит, кто-то или что-то появлялось у плиты Пришельца! Причем происходило это днем, когда я не рисковал ходить в Сферу, опасаясь, что меня могут заметить со спутников, которые, конечно же, снимали этот объект.

Кстати, потом выяснилось, что можно было не опасаться. Ничего спутники не могли рассмотреть. Они даже плиту не видели!

Была у меня задумка лечь в засаду хотя бы на сутки и все-таки выяснить, откуда появляются

цветы. Но по зрелому размышлению и после отговоров Капитана я от идеи отказался. Ну их всех, этих Пришельцев! Мало ли что они со мной могут сделать? Проще говоря, страшно мне стало. Но я хотя бы ходил за Барьер. А Капитан ведь тоже мог, но границу переступить боялся. Так кто из нас храбрее?

Впрочем, такими вопросами мы головы себе не забивали. Каждый делал свою часть работы. Я приносил цветы, Капитан обеспечивал безопасность нашего предприятия и сбыт товара. Сколько у него было помощников, я предпочитал не знать. Меньше знаешь... Ну и так далее.

Все шло хорошо и спокойно, по накатанной колее, пока в один прекрасный день ко мне не заявили эти двое...

Дверной звонок заливался соловьем, наверное, не меньше минуты, сделал перерыв и засвистел вновь, прежде чем я соизволил повернуть ручку своего кресла и подъехать ко входу в мое жилище. Кто бы ни звонил в это время, мне он был не нужен. Те люди, в которых я нуждаюсь, и те, которые нуждаются во мне, в такую рань не приходят.

Пошарив по пульту, я нажал кнопку. Дверь открылась. И в коридор вошли двое. Времена теперь другие, но агенты безопасности предпочитают внешний облик не менять. Строгие серые костюмы, белые рубашки, неудачные галстуки. Ребята, вы от кого маскируетесь?

– Ким Викторович? – поинтересовался один из вошедших, приземистый, с висячими усами на широком лице. И, конечно же, продемонстрировал книжечку.

Я был сама любезность.

– Чем обязан?
– Есть серьезный разговор...
– Слушаю.
– События, случившиеся с вами десять лет назад...

Боги мои, что за дурацкий стиль! Знаю я, зачем вы явились, не надо вола за хвост крутить! Вываливайте!

Они, поняв шестым, наверное, чувством, с кем имеют дело, и вывалили. А может и знали. Впрочем, это они так подумали, что знают, с кем имеют дело...

– Зона вторжения, образовавшаяся в районе нашего города, грозит распространиться на все курортные ареалы. С этим что-то надо делать...

– Я-то здесь при чем? – хмуро осведомился я.

Один из посетителей, шарший, видимо, по званию, передернул плечами.

– Как при чем? Кто с пришельцем общался? Вы, вообще, как себя чувствуете?

Ах вы, козлы! Как я себя чувствую?! Да не ваше собачье дело! Просто чувствую – и все!

– Кстати, – вмешался в разговор второй агент, повыше и похудее первого, но с таким же, собачье-проницательным выражением лица. Больше особых примет у него не было, даже оттопыренных ушей. Серая такая, неприметная личность, увидишь в толпе, через секунду забудешь, как выглядел. В шпионы, наверное, таких набирают.

– Кстати, не позволите ли нам пройти? А то стоим на пороге, здесь и поговорить-то как следует нельзя, – он вроде бы весело улыбнулся, но и улыбка у него вышла такой же серой.

– Ну что же, проходите, – вздохнул я, отъезжая от дверей и давая им место, чтобы они могли пройти. Потом нажал кнопку на пульте. Входная дверь закрылась.

– Куда нам? – спросил «Усатый».

«К чертовой матери!» – подумал я, но вслух сказал, радушно улыбаясь: – А давайте по-простому, без церемоний, на кухне, как у нас в России принято. Я вас пивом угощу. На улице-то июль, жара. Как, употребляете пиво в рабочее время?

«Усатый» непроизвольно облизнулся.

– Ну, если по стаканчику...

За что получил предостерегающий взгляд коллеги. Но от своего намерения не отказался.

Я сделал приглашающий жест рукой и покатил впереди них по направлению к кухне. Ничего я абсолютно не боялся, не было у них на меня ничего, да и не могло быть. Разве что Капитана взяли и он раскололся. И то вряд ли... Дело, конечно, серьезное, но сейчас безопасники предпочитали действовать чисто полицейскими методами: допросы, очные ставки и так далее. Безо всяких своих хитрых штучек типа инъекции «сыворотки правды» или вульгарных пыток электротоком. А в Капитане я был уверен – не расколется – на все сто. Впрочем, в ком можно быть полностью уверенным в наше время?

В моей просторной кухне гости чинно уселись за стол, огляделись и едва слышно, но восхищенно поцокали языками. Да, там есть на что посмотреть. Как и во всей обширной квартире. Ну-ну, позавидуйте, позавидуйте... Вам такого и во сне не приснится. Обязательно ведь спросят – откуда у инвалида такой доход. Посмотрим.

Я поехал к холодильнику, занимавшему значительную часть угла. «Усатый» предупредительно поднял свой зад со стула.

– Вам помочь, Ким Викторович?

– Нет, спасибо, привык делать все сам, – пресек я его попытку. Еще не хватало, чтобы ты, морда,

совался в мой холодильник. Ничего там такого страшного нет, но все равно неприятно.

Достал пару ледяных бутылочек «Будвайзера», себе, подумав, решил тоже не отказывать в удовольствии и зацепил еще одну. Сплит-система в квартире работает исправно, царит приятная прохлада, а на раскаленную июльским солнцем улицу я сегодня даже носа не высовывал – дома дела накопились.

Поставил пиво на стол, достал бокалы, положил открывалку.

– Угощайтесь, господа!

«Может, вам еще и открыть? Официанта нашли! Обобьетесь».

Господа обслужились сами. Я – тоже сам. Не барин, чай. Пиво было терпким и вкусным. Еще бы, ребятки только вчера завезли два ящика самого наисвежайшего. «Усатый» явно наслаждался, «Серый» делал вид, что все это ему крайне неприятно, но удовольствие получал тоже.

Когда в бутылках осталось примерно по половине янтарного напитка, я решил, что пора и приступить. Своих дел хватало, зачем переводить время на этих двух? Театр одного актера, что ли, устроить?

– Ну-с, господа, так чем же все-таки обязан? Не воображайте, что я поверил в вашу байку о расширяющейся зоне. Да, с пришельцем я контактировал. Но это было десять лет назад. Результат контакта – перед вами. Безногий, полупарализованный калека. И что вам надо от этого калеки, чем он может помочь всемогущим органам? Пивом угостить, на тележке покатать? Да с превеликим удовольствием! Издеваться пришли над калекой? Развлекаетесь в свободное от государственной службы время? В зоопарк явились на

жертву прищельца и своей глупости поглазеть? Глазейте, чего там, мне не жалко, привык уже!

И я сделал жадный глоток из бокала, глядя на них злыми глазами. Очень мне хотелось их расшевелить и посмотреть, что из этого получится. Авось какую-нибудь несанкционированную ин-формацию и удастся выудить.

Но нервных дураков в службы безопасности не берут. Нет, есть там, конечно, и дураки, и нервные. Но, так сказать, отдельно. А вместе это сочетание почти смертельно, как и для сотрудника, так и для престижа служб. В общем, раздражить мне их не удалось. Они переглянулись, потом «Серый» с показным сочувствием и даже некоторым интересом спросил:

– Ким Викторович, на вас всегда пиво так действует? Мы понимаем, последствия травмы... Ну, так переходите на воду, или, в крайнем случае, на лимонад. Или вот, сейчас широкое распространение получило безалкогольное пиво. А, извините за вопрос, откуда такие шикарные апартаменты? Доходы у вас вроде бы невеликие, что там той пенсии? Ну, слышали мы, что у вас парочка книжек вышла. Но это ведь тоже невесть что, по нынешним временам...

И я сразу успокоился. Ах ты, гад. Ничего ты не накопишь, все залегендировано и задокументировано. Капитан в свое время постарался. Но игра должна была продолжаться. Поэтому я, как бы отходя от вспышки гнева и тяжело дыша, мрачно пробурчал:

– Продал квартиру матери, когда она умерла, да от государства компенсацию получил за увечье.

– И кресло швейцарское на электрическом ходу? – подал голос «Усатый». – Оно ведь ой какие доллары стоит...

– А кресло, к вашему сведению, подарила мне немецкая благотворительная организация, в которой работают также известные на весь мир уфологи. Узнали о моей беде и ее причине, вот и подарили. И вообще, я не понимаю, это что – допрос? Может быть, еще и обыск учините? Извольте представить ордер и позвать понятых. В противном случае – до свидания! Больше на ваши вопросы я отвечать не намерен!

Что, съели, гады? Все равно ведь расколется! Я вам нужен и довольно точно знаю, для чего. Сейчас, сейчас все и прояснится.

Так оно и получилось.

– Ну что вы так раскипятились, Ким Викторович? – успокаивающе сказал «Серый». – Никакой это не допрос, просто праздное любопытство. Интересно ведь, откуда у людей берутся подобные роскошные квартиры. (Знали бы вы о доме на Селигере...) Вот и поинтересовались. Не волнуйтесь так. Тем более, что пришли мы к вам с предложением, которое значительно может повысить ваше благосостояние. Содержание квартиры ведь недешево обходится? Особенно по нашим временам и особенно такой большой...

– Так не задавайте дурацких вопросов! – грубо прервал его я. – Пришли по делу говорить – говорите и не виляйте. Времени у меня мало, третью главу нового романа заканчивать надо. А то договор подписал, аванс получил, сроки сдачи в издательство определены, а в рукописи еще конь практически не валялся.

– О чем пишете? – опять встрял «Усатый», который свое пиво уже допил. Дулю с маком ты у меня еще бутылку получишь, толстяк наглый.

– Сходите в книжный магазин, – язвительно сказал я, – там должны еще экземпляры оста-

ваться. Не пожалейте пары сотен рублей – вот и узнаете!

«Усатый» совсем не обиделся, кивнул и улыбнулся. Улыбка у него, на удивление, была более человеческой, чем у «Серого». А тот, наконец, приступил к делу.

– Вы, конечно, слышали о «Серых цветах»? – спросил он.

Ну, так я и знал! Впрочем, чего еще было ожидать от визита этих личностей?

– Ну, слышал кое-что, – нехотя ответил я. Давайте, ребята, спрашивайте дальше! Только вот вопросы ваши... Ничего ведь не узнаете.

– Тогда я вам вкратце опишу, о чем идет речь. На «черном» рынке время от времени появляется некое медицинское средство, способное, по слухам, излечивать от любой болезни. Даже от рака в последней стадии. Причем за очень короткий срок. Стоит это средство совершенно баснословные деньги и, естественно, простому человеку оно не по карману. Достается только очень состоятельным людям, которые отчаялись излечиться с помощью обычной, традиционной медицины.

– Сказки все это, – махнул я рукой, изобразив на лице разочарование. Дескать, я думал, что вы по делу пришли, а тут о такой ерунде речь заходит.

– Нет, погодите... – попробовал возразить «Серый», но я не дал ему продолжить.

– Да если бы такое волшебное средство существовало, я бы все продал, в долги вечные влез, но достал! Думаете, это так здорово всю жизнь на коляске кататься?!

В моем голосе ясно слышались тоска и безысходность от невозможности изменить свою судьбу.

Незачем им знать о моих экспериментах с цветами. Тем более, что не сработало. У всех других

срабатывало безотказно, а у меня – нет. Вот и оставалось только деньги на этом делать. Конечно, не такие большие, какие доставались Капитану, но все же на безбедную жизнь хватает.

– И все же дослушайте меня до конца, – не сбился с темы «Серый». – «Серые цветы» действительно существуют и эффект от их применения именно такой, как я сказал. Любая болезнь излечивается в течение нескольких дней. А после этого «Цветок» рассыпается в пыль. Вот, посмотрите эти фотографии.

Он полез в карман пиджака и протянул пачку снимков. Я, изобразив интерес, взял фото.

Ну и что ты мне демонстрируешь? Серые семилучевые звезды, размером чуть больше ладони взрослого мужчины, похожие на морских звезд с каким-то волнистым рисунком на поверхности.

Чего мне их рассматривать, если все, что поступают на этот «черный» рынок, прошли через мои руки? Сам собирал, сам укладывал в контейнеры, сам отдавал Капитану. А эти, значит, то ли денег не пожалели из фондов своей конторы, то ли просто конфисковали у кого-то. Интересно, как они их употребили? Ученым отдали или какие-нибудь генералы из их ведомства воспользовались, чтобы подагру или застарелый геморрой вылечить? Наверное, просто поделили: меньшую часть – на исследования, а большую – себе...

Но игру надо было продолжать, и я изобразил живейший интерес.

– Ах вот как это выглядит! И что, действительно все лечат? Не поделитесь, где достать можно? Если это правда, то вы просто не представляете, как мне эта штука нужна!

Не сработало. Актер из меня плоховатый, наверное.

– Дурака-то не надо валять, Ким Викторович! – спокойно, но и с укоризной сказал «Усатый». – Все вы прекрасно понимаете и об «этой штуке», как вы изволили выразиться, осведомлены не хуже нас! Все мы знаем, иначе и не пришли бы к такому несчастному калеке.

И вдруг заорал во весь голос:

– А ну-ка, встать! Встать, я кому говорю!

Вот тут он прокололся. И крик его на меня совсем не подействовал, наоборот, поднял в душе волну холодной злости. Ах ты, скотина! Орать на меня смеешь?

Но усилием воли я сдержался от взрыва эмоций. Наоборот, усмехнулся нагло, развел руками и, как бы извиняясь, сказал:

– Да вы хоть вдвоем орите, хоть всей вашей конторой! Христа из вас не получится! Ишь ты, придумал! «Восстань и ходи!» Не двигаются у меня ноги, это вам понятно? Лучшие врачи с этим ничего поделать не смогли, а вы чудо совершить надеетесь своим криком. Мне за вас стыдно, ей Богу! И как вас только в агенты взяли, нервного такого?

«Усатый», мгновенно превратившийся из добродушного на вид человека в разъяренного зверя, сделал движение, словно собирался броситься на меня, но его остановил окрик «Серого»:

– Виктор! Держи себя в руках!

И Виктор, мгновенно опомнившись, шумно выдохнул и сел на табурет, с которого только что подскочил. Но продолжал сверлить меня ненавидящим взглядом.

Да плевать я хотел на его взгляды! Более того. Если бы его вопль мог хоть немного повлиять на мои ноги, я даже расцеловал бы его и выставил на стол лучший из коньяков, из тех, что стоят у меня в баре. Но увы... Это только там, за барьером...

Маленькая баллада

Полказны разорил для
 принцессы одной...
 Усмехнулась она, не любя:
 «Дорогого ли стоит твой
 герб родовой?»
 Я сказал: «Не дороже тебя».

Я в боях за неё сто врагов
 истребил,
 Сто достойных и дерзких
 ребят.
 Рассмеялась она: «Сколько
 стоил твой пыл?»
 Я сказал: «Не дороже тебя».

Трубадуром я в дальние
 страны умчал,
 О принцессе повсюду трубя.
 Вдруг письмо: «Сколько
 стоит, чтоб ты замолчал?»
 Я в ответ: «Не дороже тебя».

Корсар

И парусник куда-то уплывал.
 А на причале
 закатный ветер волосы трепал
 твои... И чаек
 был полон горизонт
 и склон у каменного пирса.
 И я любил...
 а может, просто сон
 мне снился.

**ОЛЕГ
 ВОРОПАЕВ**

Поэзия

Корсаром ли я был?.. военным моряком?..
Не помню, право.
Но губы твои пахли молоком
в солёных травах.

Звучанье вокзала. Огни электрички.
«Царевну встречаешь?.. Княжну?»
Условности к чёрту и к чёрту кавычки.
Встречаю чужую жену.

Давно ли казалось – чужого не надо.
Краплёная карта – не в масть.
И вдруг леденящая страсть конокрада –
Украсть!

И не было лучше... и не было хуже.
Непойманным вором живу.
Огни электрички. Вокзальные лужи.
Встречаю чужую жену.

Тихая пристань

Вот и желанный покой,
тихая пристань моя.
Ветер играет листвой,
мёртвой листвой декабря.

Тихая пристань моя,
как же я долго плыл!
Как же я долго зря
верил, искал, любил...

Ночью уйду к реке,
буду совсем один
лёд согревать в руке
над чернотой глубин.

Остановились часы. И листвы намело.
В теле густая бесчувственность крови венозной.
И алкоголем в крови растворилось тепло
осени поздней.

Осень вернулась. А мне возвращаться куда?
Странно-смешны однодневные тайны прописки.
Помнится только, что ныли ветра в проводах
и облака были низки.

Грязь одиночества. Перегорела игра.
Остановились часы. Онемели вопросы.
Не было?.. Было?.. Окна чёрно-белый экран.
Осень.

Ветра ноября неожиданной стужей
обрушили снежный набег.
Земля не остыла, и чёрные лужи
глotalи стремительный снег.

Янтарные окна лучами уюта
магнитили льдинок слюду.
И мёрзлые ветки кивали кому-то
в безлюдном саду.

Погожий день

Смотрю в глаза красавицам прохожим,
чему-то улыбаюсь про себя.
Какое счастье – этот день погожий!
Какое счастье – просто жить, любя
весь божий свет и в нём – себя немного,
как малую частицу бытия...
Какое счастье – лёгкая дорога,
слепящий снег и молодость моя.

Нам не осталось даже немного
Тихого счастья вечером снежным,
Чтобы в окошке луна, и дорога,
И разговоры о чём-то нежном.
Всё наизнанку, всё по-другому –
Нервные взгляды, беглые встречи.
Не извиняйся, режь по живому,
Это, случается, тоже лечит.

Поздно считаться – кто неподсуден.
Поздно считаться – кто непорочен.
Просто от боли выжженных судеб
Руки распались в холоде ночи,
И не осталось даже немного
Нежного света снежного утра.
Тихое счастье – это от Бога.
Долго ли?.. Коротко?.. –
не было будто.

Несмелая весна. Восходов миражи.
Осоковые дали бледно-ржавые.
И отверделый снег ещё лежит,
исколотый зелёными кинжалами.

Вечерних туч малиновый гранит
татуирован строчками гусиными.
Высокий лес качается осинами
и влажными кореньями хрипит.

Я люблю возвращаться домой,
Где простор и нельзя
надышаться
Тонким запахом трав и акаций,
Где всегда благодатный покой.

Я люблю возвращаться домой
После долгой и грустной
разлуки.
Я люблю, когда мамыны руки
Пахнут так же, как сад
наш весной.

Я хочу быть всегда здесь
родной...
Знать, что есть куда мне
возвратиться.
Как и все перелётные птицы,
Я стремлюсь, как стремлюсь
я домой!

...И богатств на земле
не коплю:
Есть свой дом, и поля,
и дорога...
Что просить мне у щедрого
Бога?..
Всё, что есть, я всем сердцем
люблю!

НОЯБРЬ

Крестнице

Родная, милая моя,
Смеёшься, плачешь – звонко!

**АЛЕНА
РЕЙМАН**

Поэзия

Как смеет хмуриться ноябрь
Перед такой девчонкой?!

Куда он спрятал все лучи?
Зачем кудряшки треплет?!
Но, знаешь, вскоре замолчит
Листвы прощальный шелест...

И станет все кругом бело,
И очень-очень тихо!
Ты позабудешь, как мело
Листву цветную вихрем!

Ты будешь спрашивать о том,
Когда весна наступит...
Счастливая врываться в дом,
Смышлено бровки супить.

Я, твой разматывая шарф,
Смахну с него снежинки,
Шепну: «Красотка, скоро – март...»
Подпрыгнешь, как пружинка!

И ну! – с утра глядеть в окно:
А где цветы на вишне?
А почему еще темно
И птиц вокруг не слышно?

Я шалью мягкой оберну
Смешную торопыгу, –
Когда ж дождешься ты весну, –
Она промчится мигом!

Ты – мой кудрявый огонёк! –
Лучатся завиточки.
Вставай, скорей встречай денёк,
Улыбчивая дочка.

Уже вовсю цветёт заря
На сонном небосклоне,
Но звёзды призрачно горят.
Глянь: ветер тучки гонит...

Ты так научишься любить
Людей, зверей, природу,
Что всех счастливей сможешь быть
В любую непогоду!

Тогда поймешь ты, что ноябрь –
Не хмурый! – чуть печальный...
Он всё такой же, как и встарь, -
С мечтой и смутной тайной!..

Душе приятен нежный шелест
Легко волнующихся крон...
Что ж в небе птицы расшумелись?
Как много крика от ворон!

Их грай, я слышала, к напасти,
А сами вороны – к беде,
Но для меня все птицы – к счастью...
Чего не взыщешь от людей!

Чего бояться больше стоит,
Так это веру потерять,
Прожить бесцельно, бестолково,
Былых ошибок не принять.

А все недобрые приметы
Верны для тех, кто верит в них.
Благословенен дар поэта:
Печаль и радость плавить в стих!

СТАРИЦА

Будут голые деревья
Плакать в серой тишине,
Заскрипит избушка дверью,
Вскрикнет ворон в вышине...

И согбенная старушка
Обметёт гнилой порог.
Из еды сухарь да юшка,
Из имущества – платок.

Проторённую дорожкой,
Как забрезжит солнца свет,
В бедной, старенькой одежке
Ходит к речке много лет.

Про себя творит молитву,
Чётки вытрепаны все.
Простодушна и открыта,
Не чурается бесед.

Тихо вечером и утром,
Ночь безмолвна, как рассвет.
Люди к старице премудрой
Ходят редко на совет:

Кружит тропка по болотам
Одинокая, в глуши...
Год проносится за годом
В добром подвиге души.

День придёт, вернётся к людям –
В мир обыденной тщеты.
Но по-прежнему пребудет –
В горнем Храме доброты...

Русский язык: время угроз

Зуд реформаторства

Казалось бы, реформы русской орфографии, замышляемые разными учеными мужами в России, преследовали благие цели: что-то «упорядочить», что-то «привести в соответствие», что-то «упростить» и т. п., ведь язык у нас очень разнообразен, изошрён, велик и требует определённых правил.

Однако минувшие реформы орфографии (1917-1918 гг. и 1956 г.), помимо, казалось бы, очевидных плюсов, нанесли русской словесности и немалый урон. В целом произошло оскотление языка: ушли в прошлое целые пласты лексики, было утрачено разнообразие оттенков письменной речи (как-никак язык лишился падежа, нескольких букв), пострадала семантика и многое другое.

О негативных последствиях реформ не раз говорили и писали авторитетные русисты и литераторы. «Реформой язык не повышается, а понижается, не толпу намерен поднять за собой реформатор, а сам спуститься до уровня толпы. В этом и есть пле-

**ЕВГЕНИЙ
ШИШКИН**

Литературо- ведение

бейский оттенок реформы», – так оценивал в начале прошлого века действия орфографических перестройщиков выдающийся русский писатель Борис Зайцев.

Последняя затея реформирования русского языка приходится на конец минувшего века, начало нынешнего: Орфографическая комиссия Российской Академии наук предложила опять же «упростить» и «упорядочить». И то ли по наивности, то ли по недомыслию, академики вознамерились русскому правописанию дать урок. Причем урок, который затронул бы каждого, кто имеет хоть малое касательство к русскому языку, в том числе всю экономику страны.

Да каким образом могут затронуть российскую экономику и сограждан безобидные «чёрточки», «новые» запятые, звонкие «з» вместо глухих «с» в приставках? Ещё как могли затронуть! Чтобы воплотить предложенную реформу, надо было бы переиздать сотни тысяч учебников, словарей, методических пособий. Для школ, техникумов, вузов! Всякий уважающий себя грамотный человек в России обязан был бы обновить свою книжную полку со справочниками. Да и все книги с «прежней» орфографией автоматически стали бы устаревшими и ждали бы своего обновления. Колоссальный куш сорвал бы издательский бизнес!

А всего-то – умные дяди и тётки в тишине академических кабинетов решили, что «полдвенадцатого» надо писать так же, как «пол-одиннадцатого», что «красавица дочка» будет краше при написании «красавица-дочка», что «матушка Русь» станет крепче в новом исполнении «матушка-Русь». А может быть, «многомиллионную» реформу, острой необходимости в которой нет, «заказывали» учёным киты книжного бизнеса, специализирующиеся на выпуске учебной и справочной литературы? Сюжет от-

нюдь не фантастический. И если бы заинтересованным кругам удалось реформу «продать», вот тогда барыши некоторых издательств могли бы стать действительно фантастическими.

Но даже не экономический фактор был страшен в навязываемой реформе, а другое... Реформа могла оказаться губительной для правописания. Безграмотного письма могло стать ещё больше. Орфографических и стилистических огрехов и сейчас полно – даже в уважаемых газетах, журналах, книгах солидных издательств, а не только в «неуправляемом» интернете. «Да пошли они к чёрту! Как писал, так и писать буду!» – сказали бы не только некоторые писатели-«консерваторы», но и журналисты, редакторы газет, издатели, корректоры, большинство которых предлагаемую реформу встретили в штыки. И управы на них бы не нашлось. Сейчас в России всё слишком демократично. Следить за соответствиями печатного слова новым правилам некому. В итоге мог возникнуть хаос в правописании, а попросту – бардак.

Вот вам и чёрточки с дефисами! Языковая реформа обострила бы многие российские проблемы. В том числе – политические. Беднейшие слои общества: сельские учителя, родители сельских учащихся-тоже были бы вынуждены раскошелиться на новые словари и учебники. Да помилуйте! Откуда ж у них лишние деньги! Вот проблема из экономической и превратилась в политическую – курс на дальнейшее обнищание...

А в каком положении оказались бы русские школы за рубежом, в странах СНГ? Кто позаботился бы об учебниках для них? В бывших братских республиках и так очень многое делается для выхощивания русского языка. А тут ещё реформа. Лишний формальный повод к закрытию русских школ. «А

чтоб не возиться с ихними проблемами...» Про Украину с её нынешними революционными русофобскими завихрениями страшно и подумать; там ещё бы активней стали топтать сапогами националистов великий и некогда родственный русский язык.

Впрочем, в страны СНГ можно и не ходить. Языковой сепаратизм мы недавно наблюдали в России. В Татарии уже был принят закон, по которому заменяли кириллицу на латинский алфавит. А значит, пытались поменять вектор духовной и культурной ориентации. Это могло стать прологом расколов, распрей, гражданской напряженности. Только жёсткими мерами и законодательным путём удалось пресечь «алфавитное» реформаторство в Татарстане, которое вбивало клин в культуру народов России.

Удалось также и отбиться от назойливых академик-реформаторов, выправителей русской орфографии, которые даже не подумали – ох! академики, головы учёные! – о том, что «упрощение правил», уничтожение «исключений» в языке отнимет некую изюминку русской письменной речи и повлияет на мыслительную деятельность человека, особенно – молодого, постигающего правописание. Язык – инструмент мышления. И нет ничего страшного в том, что русская орфография подкидывает учащимся сложности в виде отступлений и исключений. Это только способствует мыслительной деятельности человека, повышает его образовательный уровень. А ещё даёт возможность проникнуть в глубины русского языка, в этимологические, словообразовательные, фольклорные пласты.

Тут уместен пример Англии. Британцы уже несколько веков не трогают орфографию. Ну и пусть пишется «Манчестер», а читается «Ливерпуль». Так было, так должно быть. Данный консерватизм крепит традиции и моральные устои Англии. И конеч-

но, имеет свой прагматический расчёт. А мы за одно столетие готовы провести целых три революции в языке?!

Отстаивать завоевания русского языка в России, в странах СНГ, в мире, а не вносить сумятицу в мозги русских и русскоязычных граждан путём неуместного реформаторства – это святая обязанность русистов, и безусловно – академических!

Языковой натиск: заразные вживления, сор, притеснения...

Было время, когда российская знать изъяснялась по-французски, иногда по-немецки (обезьянничанье и низкопоклонство перед Западом – у нашей знати в крови). Теперь той знати нету... Появилась элита... Для новоявленной элиты три сотни английских слов вполне достаточно, чтобы козырять своим безупречным английским и разговаривать с официантами, портье, таксистами где-нибудь на Западе.

Английский язык стал проникать не только как средство коммуникации, но и как язык лейблов, терминов, инструкций, компьютерных программ и т. п. С одной стороны, это вроде бы неизбежно: английский язык – международный, для разговорных надобностей он весьма прост, да и электронных переводчиков уже появилось немало. С другой – насаждение англицизмов не только притесняет, выдавливает обиходный русский язык, но и урезает сферу его применения, а стало быть, уменьшает его влияние: все меньше русских употреблений в речи... Зайдите в любой торговый центр Москвы (и не только Москвы): все таблички, названия кафе, магазинов, ремонтных мастерских, химчисток – непременно на английский манер. «Маркет», «супер-

маркет», «гипермаркет», «сити-маркет», «бутик», «шоп», «фастфуд» и просто «фуд», а ещё извращенческие «Смирнофф», «Деффчонки»... Даже стыдно это писать. Всё это небезобидно. Это сор, иноязычный сор, даже языковая отравка!

Наплывы заимствований и прежде были. Но, как правило, были они по недомыслию и ущербности внедряющих эти заимствования. Русский язык с ними боролся и чаще всего побеждал. Некоторые варваризмы отомрут сами по себе. Горбачевский «консенсус», «плюрализм» почти исчезли. Правда, жизнь подкидывает другие словечки...

Есть такой телеведущий Сергей Брилёв, респектабельный, самоуверенный, общается с первыми лицами государства. Так вот, однажды, комментируя коротенький репортаж о предстоящем чемпионате мира по футболу, он около десятка раз произнёс слово «мундиаль». Слово, абсолютно чуждое русскому языку, русскому уху, но телеведущему уж так оно нравилось, что он упивался им... Эх, этого бы мундиалья по его мундиалю отмундиалить, чтобы он больше никогда не мундиалил...

Ну а как нынче обожают слово «шок»! «Я была в шоке!» Медицинский термин «шок» обозначает «угрожающую жизни реакцию организма на травму, ожог, операцию...» Никакой образности и метафоричности в слове шок нет, зато явно обозначается у произносящего слабость в знаниях русского языка, неумение выразить своё изумление образно.

В отношении огромного количества англоязычных техницизмов, связанных с компьютеризацией, особо бояться не стоит. Сайт, файл, драйвер, интерфейс – всего лишь профильные термины. К ним нужно так и относиться: профильные термины! Аналогично, предположим, терминам медицинским: аналгин, грипп, антибиотик, клизма...

Профильные термины не так страшны, как язык публичных выступлений каких-нибудь телевизионных див, звёзд, актёров, а иногда – попросту разных телемартышек (это опять от «обезьянничанья»), которые рассуждают о «креативе» (творчестве), «контенте» (содержании), «биеннале» (выставке) и т. п.

Самое печальное, что засорением русского языка занимаются именно те, которые должны бы его бережно охранять от иноязычного вливания. Тут есть ещё одна сторона данного вопроса. «Биеннале, креативы, контенты, мундиали», скорее всего, и не приживутся в языке, но люди (в первую очередь, дети), воспитанные на этой иноязычной тарабарщине, уже не смогут вернуться и к истинному русскому языку, эмоционально богатому и многословному.

Вспомнился старый анекдот. Из времен, когда в обиход входили словечки «кайф» и механическое, жёсткое, холодное – «секс» (у нас секса не было: была любовь в разных проявлениях, в том числе любовь грешная и продажная...). Так вот: на работу секретаршей приходит наниматься красивая длинноногая девица. Директор принимает её на службу, а руководитель отдела кадров показывает ей место работы. «Здесь ваш письменный стол...» – «О! Кайф!» – откликается девица. «Здесь ваши письменные принадлежности...» – «О! Кайф!» – «Здесь телефоны и пульт управления...» – «О! Кайф!» – «Скажите, а другие слова вы знаете?» – не выдерживает кадровик. – «Секс», – отвечает девица. – «А что такое секс?» – «О! Кайф!»

Язык нашего общества, к сожалению, становится примитивен, ограничен несколькими сотнями слов. Косноязычные депутаты и чиновники всех мастей, не очень грамотные редакторы и ведущие телеканалов, со своими ужимками и приколами, одни и те же персонажи, приглашенные на однотипные

крикливые телешоу, скудная речь героев бесконечных бандитских и дамских сериалов, – вот и получается, что язык, который мы слышим, очень жалок, чёрств, неинтересен, а подчас и глуп, потому что забит не только «мундиальями» и «мейнстримами», но и вульгарными словечками, фней: «облом, попёрло, лохануться, фарт, откат, распил, беспредел» и другой словомутью. Присовокупите сюда приклатнённую песню, которой определили стиль «шансон» и заполонили радиоэфир, а ещё – модные молодёжные песенки, где стихов нет, они там даже противопоказаны, в основном там три-четыре пары зарифмованных глаголов и бессистемный набор слов, а ещё чмоки, динь-дини, буди-буди, гуди-гуди...

А ещё засилье голливудских фильмов «блокбастеров, бестселлеров». Как там разговаривают тупорылые голливудские костоломы?! Примитивно-ругательный, пошлый язык у них прекрасен, а юмор поражает своей оригинальностью и чувством такта.

А ещё на всех каналах бесконечная КВЭНщина, «пельменщина», «нашарашнина», «комедиклабщина» и другая телечушь, не имеющая никакого отношения ни к искусству, ни к просвещению, даже к развлечениям отношение имеющая отдаленное (стриптиз и пошленькие анекдоты ведь тоже развлечение, но вряд ли их надо делать общественными).

Злостное подспудное реформаторство русского языка идёт каждодневно на бытовом уровне, благодаря средствам массовой информации, примитивному вещанию и кинопоказу, и так далее и тому подобное... А семья, школа, художественная литература, редкие просветительские программы в СМИ не могут, не способны и не рассчитаны справиться с засильем пустозвонства «фрайерских, понтырских» песенок, фней, примитивом сленгов: бизнесменских,

молодёжных, интернетовских. А главное – эта социальная болезнь даже толком не диагностирована. Современная художественная литература истребляется, школьные и вузовские гуманитарные программы сокращаются. Рынок ведь не востребовал богатства русского языка, а у нас правит рынок! Каков поп – таков и приход...

Художественную литературу подменили сивухой детективщиц донцовского разлива и псевдо-историческим чтивом – акунинщиной, и вроде бы все довольны. Особенно издатели. Кстати, владельцы крупнейших издательств и книготорговых сетей в России, по информации СМИ, давно живут за границей: им плевать и на русский язык, и на русскую литературу. Им не плевать только на толстощёкого президента США со стодолларовой купюры. Впрочем, разговор о современной литературе – тема отдельная и многоликая.

Есть ещё один важный фактор, затрагивающий русский язык, вернее – урезающий его влияние. К несчастью, ещё одна напасть. Беженцы и переселенцы с Ближнего Востока, трудовые мигранты Европы нам демонстрируют эту напасть... И у нас, почти повсюду города центральной России, а в Москве это особенно наглядно, выпукло проявляется, наводняют выходцы из южных краёв. Одни из них – граждане России, другие не граждане. Но и те, и другие носители своего языка.

В столице уже есть целые кварталы, где живут, обитают, работают, а некоторые ведут незаконную деятельность выходцы из далеких регионов. Они, эти выходцы, безусловно, имеют полное право общаться на своем языке. Но в последнее время это общение становится уж слишком активным. Словно бы они, эти выходцы, нарочито подчеркивают, что русский язык им чужой, знать они его не хотят.

В метро, в общественном транспорте, в жилых массивах, в торговых центрах, особенно вечером, когда большинство мигрантов после работы выходят на столичные улицы, – они говорят громко, даже вызывающе, – с одной стороны, это их закомплексованность, но с другой – плохо скрываемая агрессия, подчеркнутое неуважение к русским и русскоязычным окружающим их гражданам. При этом их южные женщины плодовито рожают, дети становятся российскими гражданами, и в некоторых местах диаспоры уже требуют создание национальных школ. Ассимилироваться-то не хотят...

В Россию произошёл наплыв кавказцев и азиатов уже другого поколения. Это поколение в советских школах не училось, о Пушкине и Некрасове не знает, про Великую Отечественную почти не слышало... А про русских знают твёрдо: они у них, с национальных окраин, забирали все богатства, – нет, не строили города, предприятия, школы, вузы, научные институты, театры, а всё-всё (имеется в виду ценное) забирали и оставляли только «пыль», как выразился один из лидеров бывшей советской республики, забыв при этом, что республику ему создали тоже «русские варвары».

Все эти выходцы, другого, не советского кроя, русский язык знают плохо, скверно, из русского языка для бытового общения берут чаще всего матерщину, грубую лексику, торгашеский жаргон.

Некая ползучая антирусская языковая эпидемия-реформа, имеющая вполне легальные и даже законные рамки, распространяется всё шире и шире, а наш язык, его область применения, а главное – богатство языка, ценности словоупотреблений и неиссякаемой лексики, становятся невостребованными и насильно омертвляются – как устаревшие, архаичные, годные для употребления только квасными патриотами.

А что ж власть? Русская общественность требует от власти принять действенные меры по сохранению, а не по разрушению языка. Власть принимает кое-что, проводит заседания «Совета по языку» при Президенте, поддерживает некоторые общественные инициативы, участвует в создании «Общества русской словесности». Выходит, кое-что делает. Но больше всё же для показухи.

Некоторые из инициатив вызывают сомнения. Вот проводят в стране «Тотальный диктант». Почему тотальный? Нельзя, что ли, просто – всеобщий? Или французское словечко «тоталь» ласкает новым русистам слух? Проверка знаний – это не плохо. Всеобщий диктант! А лучше бы назвать «Общественный русский диктант». Но опять же инициатива с каким-то вывихом и подоплекой. Чьи тексты для диктантов? И какие тексты? Ну, непременно что-нибудь из быковско-рубинских книг, которые отнюдь не блещут ни грамотностью, ни красотой русского языка. А уж рубинский текст и вовсе вызвал возмущение: оказалось, израильская авторша сама заявила, что правил русского языка не знает. Но ведь тотальный диктант оголтело внедряют в регионах, в столицах. Тут есть где блеснуть писакам-русофобам, а ещё и похвастаться: мы их всех за парту усадили!

Есть и другие инициативы. Создано «Общество русской словесности», которое возглавил Патриарх. Туда вошли крупные деятели науки, культуры, религии. Но опять же те, которые делать по сути! практически! для сбережения русского языка (кроме участия в общих говорильнях) ничего не будут. Им некогда. У них своих обязанностей полно. Совещания, форумы, симпозиумы – это только трата средств, в том числе наших с вами, государственных. Действенных планов у этого «Общества» нет и, похоже, не предвидится... А почесать языки, пофилосо-

софствовать с трибуны, – так это мы всегда, ведь все эти деятели входят в десятки подобных обществ, фондов, комиссий... Показушества и профанации в таких инициативах в переизбытке, они вроде бы направлены на благое дело и цели у них благие, а по факту – пшик!

Вот и досточтимый Год литературы. Мне довелось быть на писательской встрече с Президентом, где он объявил об этом Годе литературы. Аплодисменты! А после довелось услышать слова премьера, что на Год литературы выделено аж три миллиарда рублей! Где они? Кто отчитался? Ау, Счетная палата, расскажите: куда, сколько и зачем было потрачено? Что реально-го получила наша русская литература, русский язык? Деньги-то из кармана налогоплательщика. То бишь – наши. Вернее, были наши, стали...

Ещё раз о русской брани

Так уж исторически сложилось, что редактором III-го издания Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля в начале прошлого века был лингвист польского происхождения И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он самовольно включил в словарь огромное количество ругательных нецензурных слов. Расширил русскую лексику? Нет. Жестоко поступил по отношению к памяти В.И. Даля, потому что «словарь авторский», а ещё вроде бы и «узаконил» нецензурщину как языковой пласт русского народа. Нет спору, крепкие выражения испокон веку употребляемы в России, но рассматривать их как богатство, а словарь В.И. Даля открывает нам именно богатство языка, неправомерно.

И нынешние языковеды ведут себя очень непоследовательно в отношении ненормативной лексики. Веяния нового времени – словари жаргонов,

русского мата, блатной «фени» и т. д. Сколько их выпущено по России! Под прикрытием объективности (явление, мол, существует, его надо исследовать) появились книги с жуткими словниками. Здоровая ткань богатейшего русского языка разъедается зафиксированным сквернословием, подобострастными примерами.

Труды эти в большинстве своем псевдонаучные, их значение для лексикографии мизерное, но интерес к ним спекулятивно подогревается: мол, такие изыскания прежде были невозможны. На самом деле всё диктует прибыль издателей и растущее бескультурье общества. Цензуры нет. Вернее, цензура – рубль и доллар – тут не помощница, а совести, разума и вкуса некоторым творцам изящной словесности и науки попросту не хватает. И языковая вольница дает волю разного рода прохиндеям, эпатажным персонажам и просто отъявленным прохвостам от литературы и искусства.

Порой слышатся ссылки на классиков. Великий А.С. Пушкин, якобы, не чурался крутых высказываний. Но разве использование нашим гением нескольких нецензурных слов в своих произведениях повод для подражательства? Пушкин иной раз и неприглядные поступки совершал. Что ж из того? У Есенина найдется во всем творчестве тоже несколько бранных нецензурных слов... И что теперь?!

Появление ненормативной лексики в произведении великих художников – это, скорее всего, результат духовного срыва, факт болезненного состояния или озорства, творческого отчаяния или некоторого вызова ханжескому обществу, проявление симптома какой-то социальной зараженности и т. п. К этому стоит относиться очень настороженно, и уж никак не восторженно!

Замечательный языковед, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского В.А. Гречко (ныне покойный) считал мат – «антиязыком» русского народа. Он был в этом убеждён, писал на эту тему статьи, был категоричен. Заметьте: не языком, а антиязыком! То есть по существу – врагом. А уж когда какой-нибудь деятель или даже писатель ерофеевско-сорокинско-пошиба с пошлыми улыбочками всезнайки говорит, что мат просто язык русского народа, то и вовсе хочется на них, на этих говорунов, плюнуть!

Мат – язык русского народа??? Нет, голубчики! Антиязыком – ещё можно признать, но языком... Мат – назвать языком, это будет слишком жирно! И подло! Это всего лишь малая междометная часть бытового нелитературного языка. Кстати, матерных слов в языке совсем немного – с десяток... (трехэтажные обороты – это всего лишь обороты с участием одних и тех же непечатных слов). И говорить о том, что это язык русского народа? Да упаси бог! Что вы плетёте, олухи?!

Или вот разрекламированная книжица некоего обласканного на телеканале «Культура» доктора филологических наук М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва». В этой книжице говорится в основном о соре русского языка, о тех убогих лингвистических новшествах в области интернета, молодёжного сленга, и, разумеется, немалое место уделяется матерщине. Цитировать кронгаузов о почтении к мату – занятие жуткое. Но кое-что придётся, чтоб почувствовать уровень, соотносить с выводами нижегородского учёного. Цитируем М. Кронгауза: «...как просвещенный лингвист я мат не то чтобы поддерживаю, но отношусь к нему с интересом, пусть исследовательским, и с определенным почтением как к яркому языковому и культурному

явлению...» (Вот оно как! «яркое языковое и культурное явление».) «...в советской деревне мат использовался много, часто и всеми...» (Интересно, бывали ли эти кронгаузы в советской деревне? От моих бабушек, русских крестьянок, я никогда матерных слов не слышал! Да разве обзовет крестьянка свою коровушку-кормилицу матерным словом?! Никогда не слышал я матерщины и от других своих родственников, выходцев из деревни.) «А не ругаться матом это для русского человека, ну, как водки не пить, то есть подозрительно». (А что, все русские пьют водку? Все спились? Кто бы вам, кронгаузам, построил дома, университеты, заводы, накормил вас, напоил, защитил?!) И ещё одну цитату из доктора филологии: «Увы, и в мате не стоит искать национальную идею. Сегодня он скорее разъединяет людей». (О чём это?! О том, что полдюжины бранных слов могут быть национальной идеей России?! Это ж надо так не любить, не знать, не понимать, не уважать свою, или правильнее для кронгаузов «эту», страну!)

И вот такая профессура нынче в самых популярных вузах. Учат... И на экранах, разумеется, мельтешат, копошатся. Нынче для них – вольница. Плети Емеля – твоя неделя!

ТЬфу на них! На эту нерусь!

Слово «нерусь» я использую в значении широком: нерусь – это не обязательно человек другой, чужой нации или веры, приезжий; нерусь – это те, кто, возможно, родился и вырос в русской среде, но её не признает, не принимает, глумится над всем русским и радуется каждому провалу русских в той или иной сфере, в том числе языковой.

...Междоветная, животная сущность мата очевидна: слова эти коротки, скоропалительны, их даже договаривать до конца не надо. Да ими и пользуются люди чаще всего заводные, взвинченные, с

избытком темперамента, злобы, ущемлённости или неудовлетворенности. А животная сущность этих слов также очевидна: что бы ни приписывали человеку, – божественное начало, духовность, – человек несёт в себе и животную основу, поэтому и весь мат связан с плотскими потребностями человека, опирается на полдюжины слов плотской лексики.

Мат, безусловно, заразителен. Как вредоносная бактерия, он больше всего заражает молодые неокрепшие души. Разговоры многих молодых людей и так-то поражают своей простотой и малословием. Но это поправимо, с годами что-то приобретётся; молодые люди слишком молоды: в них бурлят эмоции, в них кипит кровь, и изъясняться длинными красивыми предложениями несподручно. То ли дело коротко: «классно! прикольно! дебил!...» А соцсети интернета вообще – отдельная тема. Там писать надо, а не хочется. Короткие слова и те не дописывают, грамотностью никто не «заморачивается». Там же в основном «лайкают»! Даже есть «словарь интернет-сленга», где приготовлено немало глупостей для малограмотных пользователей. Но самым печальным в речи молодых людей становится обыденная матерщина.

А ведь повседневный, бытовой, междометный лексикон очень губителен! Особенно для девушек. Тут имеются два важных момента. Молодой мужчина, юноша острее чувствует свою половую зрелость, в нем бушует плоть, жаждет улады и удовлетворения... Поэтому животные междометные выплески естественны. Другое дело – молодые девушки. Они ещё не падки до плотских утех. Они ещё находятся в стадии лирики – в мечтаниях о любви, а все плотские любовные игры – это где-то впереди, и чаще всего плотский расцвет для женщины наступает уже после рождения ребёнка.

Но в компании юная девушка порой вынуждена подыгрывать окружающим сверстникам, выглядеть взрослой, подчас ругаться матом. Тут и показушное представление своей взрослости: сигарета, пиво, ругань и прочие шалости. Но с каждым ругательным плотским словом милая девушка, юница, лишает себя многого: в ней становится все меньше фермента любви; она растрчивает свою энергетику любви, которой потенциально наделила её природа, в брани, в показной вульгарщине. Ей потом все сложнее будет полюбить, ведь любовь – это уважение к мужчине и таинство, а какое уж таинство и уважение к мужчине, если она матерится рядом с парнем как сапожник... (извинимся перед сапожником: подлинные ремесленники ругаются редко).

Да спросите любого парня из той же компании, где стоит мат-перемат: хотел ли бы он взять в жены девушку, которая палит «уй» да «лять»? Так, пошалить с ней – куда ни шло, с такой распутной даже и в кайф... Ну а всерьёз полюбить, пойти с ней под венец вряд ли захочется. Ведь она ещё и будет матерью его детей, ведь она ещё и с его мамой будет говорить на таком языке... О! милашка матерщинница, лучше уж я без тебя как-нибудь по жизни обойдусь, другую позицию. Он так не думает, его так невольно подсознание воспитывает.

Как алкоголь, который быстрее губит женщину, чем мужчину, так и матерщина. Женщины, которым привили брань и которые даже нелепо гордятся своей чудовищной речью, впоследствии становятся несносными циничными хамками, мужчина для них – самец, добытчик денег, «козёл»; впереди у таких дам – развод, делёж имущества, судебные дела, бесконечная нервотрёпка и неудовлетворённость во всех проявлениях. И как правило, у таких уже не будет любви. Разве что к деньгам мужчины. А эта любовь

слишком зыбкая. Ведь мужчина-то интуитивно понимает, за что его любят...

О! милые девушки, юные создания, не пачкайте свою душу бранью, матерщиной, не допускайте в своё сердце чёрную злобу, которую несёт междометный плотский слог, который оставляет меньше шансов на искреннюю, светлую, духоподъёмную любовь.

Есть такой певец, зовут его не по фамилии, а по кличке: что-то связанное со шнурками. Пошляк, сквернослов и хам – часто мелькает на экране; вот он закон эпатажа! Но мат на сцене запретили. Есть «закон об ответственности за нецензурную брань». Так этот деятель решил выступить без мата, но при этом снял на концерте штаны... Другие «шоумены» в одном из бесконечных «телешоу» на центральном канале, правда, заметили, что «пиписечка» у голоштанного певчишки невелика. Поэтому, молодые люди, не стоит обращать внимание и тем более брать пример с этих пиписечных певцов! Они валяют дурака и потешаются над вами за ваши же деньги.

Как важно, чтобы родители и педагоги, проповедники и гуманитарии, а ещё и вездесущие средства массовой информации (такие свободные!) провели просветительскую работу на эту тему, дали бы молодым людям представления о ценностях русского языка, русского творчества, дабы безвкусица, хамство и эпатаж не выдавались за искусство. Поймут ли и примут ли молодые люди эти наставления сразу? Скорее всего, нет, но они будут хотя бы посвящены в то, что существует и Русский Мир, и Русское Искусство, и непревзойденный Русский Язык. А чиновники из Минкульта, Госкомпечати, телена начальники с госканалов публично должны отчитываться за казённые средства, то бишь народные, потраченные на современных создателей культурных

ценностей. И вообще, всех чертей надо выводить на чистую воду! Знать, кому и за что мы платим! Депутаты, проснитесь!

Противно слушать матерные реплики со сцены театра. Стыдно становится за актёров, совестно перед соседями-зрителями, будто и тебя, и их унизили. Некоторые демонстративно уходят из зала. И правильно делают! Всё же «храм»... И диву даешься, когда люди в театральных бархатных ложах – солидные мужчины и женщины в нарядных платьях (особенно где-нибудь в провинции) – смотрят на голозадых мужиков или слушают матерщину со сцены, а ведь эта публика считает себя нынешней элитой, посещает модные театры, где куртуазные режиссеры, брезгующие законами русского театра и русских традиций, преподносят шедевры, от которых нормальному человеку хочется сморщиться и подумать: «Как хорошо, что мои родители и мои дети этого не видят!»

Есть, конечно, провалы, которые можно назвать случайными. Многим известен оскаровский фильм «Утомлённые солнцем» Никиты Михалкова – популярного актёра и режиссёра, председателя Союза кинематографистов, президента Российского фонда культуры. По телевидению этот фильм демонстрировался в самые «массовые» часы, когда у экрана собираются семьями. И вот главный герой фильма в исполнении того же Михалкова в порыве гнева ругается матом. Этот матюжок фильму ничего не прибавляет. Но он произнесён. Нецензурная брань обретает позволительность. Несмотря на то, что это – капля яда. Которая поражает чаще всего юное зрительское сердце.

Пробелы вкуса у кинематографистов сейчас заполняет законодательное ограничение по употреблению бранной лексики да и «Кодекс об административных правонарушениях», в котором нецен-

зурная брань в общественных местах расценивается как мелкое хулиганство. Любое появление разумных законов, которые выполняют роль языкового ассенизатора, наверняка будет приветствоваться обществом. Законов разумных, продуманных: язык, мышление, устои, темперамент – рубку сплеча не принимают.

При этом только отъявленный русофоб или неуч может сказать, что мат – это язык русского народа.

Русские никогда не почитали матерщинников. И если о ком-то говорили: «он матерщинник», – проносили это с досадой или отчуждением, их так же не любили, как не любили лентяев, нерях, пьяниц. Жаль, что русские подчас излишне скромны в общении с хамами, излишне доверчивы, слушая чепуху псевдоинтеллигенции, которая изнутри до дыр протирает экраны телевизоров; жаль, что потворствуем и наглецам из разных мигрантских наплывов.

А между тем даже в уголовной среде есть табу на матерщину. Блатной мир такую лексику отвергает. Не забудем, что в лагерях, к сожалению, находится немало наших сограждан. Не найти матерных слов в блатной поэзии, песнях.

Нет никаких матерных слов в фольклорных сказаниях, легендах, балладах... Кое-что наберется в срамных частушках да в некоторых сатирических сказочках из устного народного творчества (чаще всего это авторское творчество, которые пытаются сделать народным).

Иронически-похабная поэзия, сочинительское хулиганство, – на это заносило иной раз и талантливых литераторов, но при этом они ни на какие поэтические высоты и не замахивались, знали место таким срамным поделкам.

Армия... Вот уж где не скромничают и грешат многие – но не все! – матерным окриком. Это объяс-

нимо. Там суровость службы, часто – климата, быта, там мужиковское общество. А междометный окрик, возглас, резко напрягает человека, взвинчивает или играет роль сублимации, ибо внутреннее напряжение от службы и эмоции требуют своего исхода. И в некоторых случаях мат в армии теряет всякий смысл, превращается в возглас, бессмысленный крик.

Но при этом опытные мудрые военачальники никогда не будут разговаривать с подчиненными бранными словами.

Не помню, чтобы командиры полка, замполиты полка (а я служил в трёх частях) ругались при солдатах матом. Но помню полковника, начальника из дивизии, который без разбора крыл всех подряд... Он вызывал и усмешку, и даже какое-то сожаление, хотелось поёжиться от его речи и становилось неловко за него.

А однажды на учения на полуостров Рыбачий к нам прилетел на вертолёте проверяющий, генерал-лейтенант. Услышать от него не матерное, а просто грубое слово было стыдно... Да-да, именно стыдно! За него! Он стоит в лампасах, золотые дубовые листья в петлицах, гербы на золоченых пуговицах – и вдруг брань, обращенная к солдатам и офицерам, на огневой позиции... Ну что ж вы так?! Не прапорщик ведь!

Так вот и писатель. На писателя воспитанный читатель смотрит не как на подвыпившего прапорщика, а как на генерала, – не имеет он права опускаться до матерной брани в своих книгах (извинюсь и перед прапорщиками: немало в армии и таких, от которых не услышать худых слов)!

В конце концов речь-то идёт не о том, чтобы исключить несколько бранных, междометных слов из лексики языка, а о том, что изощрённые русофобы и непросвещённые бездари пытаются почти весь язык

русского народа свести к матерщине. И на законных основаниях использовать его в искусстве... узаконить этот слой как главный пласт языка русского народа.

Если кто-то вам говорит, что мат – это язык русского народа, тут же, глядя прямо в глаза этому человеку, задайте вопрос: кто он по национальности? Кто он по национальности?! Если этот аспид, балбес, вахлак, глупыш, дурень (эх, до чего ж богат, сочен наш язык! ведь я тут только на первые буквы алфавита взял несколько «ласковых» словечек) – так вот, если этот человек будет колотить себя кулаком в грудь и доказывать, что он великоросс, спросите его: на каком языке говорила с ним мама, папа, бабушка, сестра? Может быть, у него хоть тогда просветлится мозги...

Возможно ли избавиться или хотя бы несколько отстраниться от мата? Возможно! Почаще ходить в музеи, картинные галереи. Только избегайте выставок «современного искусства»: в словах «современное искусство» уже заложен какой-то подвох и намёк на некие безобразия. Почаще стоит в одиночестве бывать на природе. Посидите в читальном зале, полистайте книги с картинками старых мастеров. Почаще бывайте на кладбище, вспоминайте родных. Невозможен, дик мат на могилах родных и близких... При воспоминаниях само сознание ограничивает, а вернее сказать – оберегает человека от матерщины. Невозможно вспоминать о своем детстве матерными словами... Храм тоже излечивает от бранных слов. Верно замечено, что человек, находясь в храме, даже про себя не может ругаться матом. Кто-то будет возражать, искать исторические казусы... Но дурной пример – нам не пример!

Не экспансия – здравая защита

Язык – могучее средство воздействия на умы. Внедрение своего языка в другие нации – внедре-

ние политической и экономической зависимости. Лучшего долгосрочного представительства своих интересов и придумать нельзя! А мы отступаем. И не только в «непримиримых» странах Балтии, но и в Средней Азии, а теперь и на Украине. Миллионы русских и русскоязычных граждан в странах СНГ остались без прав на свой язык. Забывчивые лидеры стран ближнего зарубежья не вспоминают, что русский язык прокладывал для национальных элит – научных, творческих – путь к мировому признанию.

Гуманитарное, просветительское значение русского языка в мире грандиозно! Стоило в бывших республиках СССР притеснить русский язык, сразу исчезли с мировой карты культуры все современные национальные литературы. Так как только благодаря русскому языку они были доступны широкой российской читательской аудитории и далее – мировой.

Да что говорить: десятки народностей «через русский язык» стали грамотными и обрели возможность общения с другими народами. А теперь целые государства уходят из сферы влияния русского языка. Мало того – вместе с этнически русским населением, «доставшимся» от СССР, попадают под влияние языка, культуры и религии, которые очень далеки от нашей культуры. И тут встает вопрос: а на какой язык, на какую культуру они повелись, что и кто теперь будет для них таким же проводником к мировому искусству, науке, культуре, каким был русский язык?

Защита национального языка не только в руках власти. Власть у нас нынче больше русскоговорящая... Защита родного языка во власти всех русских! Нам нужно почаще напоминать, что мы русские: в семье, в школе, на работе, в компании. И пусть ошалелая русофобия, которая появилась сейчас в мировых

СМИ, обратится в пустой собачий лай, изведёт сама себя и охрипнет; а те, кто её организуют, поймут, что мы любви к себе не просим, а вот за ненависть к русским, за русофобию придётся платить.

Родом из Величаевского

Русский художник-авангардист Виктор Сергеевич Барт родился 20 (8) апреля 1887 года на Ставрополье, в селе Величаевском Левокумского района. Это современное правописание названия родины знаменитого на весь мир художника, имя которого на Ставрополье известно узкому кругу лиц. В XIX – начале XX века село называлось Величавое. Лежит оно в обширной степи, в низовьях реки Кумы.

С детских лет будущего художника окружала неброская природа восточных районов Ставропольской губернии: равнинная степь – зеленая весной, благоухающая разнотравьем, рыжая летом, выжженная жарким солнцем, камышовые плавни, где нашли себе приют фазаны и дикие кабаны. Много было в округе и другой камышовой и степной дичи. В степях водились сайгаки. Поздней осенью охотники устраивали на них охоту, отстреливая за день десятки голов. Ветры здесь преобладали северо-восточные и восточные. «Моряна» – так на-

НИКОЛАЙ
БЛОХИН

Краеведение

звали в народе восточный ветер, приходивший с Каспия и приносящий запах моря.

Мальчик рос в большой семье. Отец художника, Сергей Александрович Барт – известный в России ветеринарный врач. Ветеринарное образование получил в 1882 году. Его имя значится в справочнике «Российский медицинский список», который издавался сначала Медицинским департаментом, затем Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел России. Справочник выходил с 1810 по 1916 годы.

У справочника имеется подзаголовок: «Списки врачей, ветеринаров, зубных врачей, фармацевтов и аптек, по сведениям на...» (и далее указывается точная дата). Имя С.А. Барта значится в выпусках справочника с 1884 по 1914 годы. Из него узнаем, что Сергей Александрович родился в 1856 году, завершил ветеринарное образование в 1882 году. В год рождения сына Виктора ему исполнился 31 год.

Отец будущего художника-авангардиста начал ветеринарную деятельность в Нижегородской губернии. Здесь в структуре Министерства внутренних дел имелось врачебное отделение. Ветеринарами губернии руководили губернские ветеринарные врачи. Их было немного: старший ветеринарный врач А.П. Кашкадамов, младший ветеринарный врач С.А. Барт и ветеринарный врач по скотопогонным трактам, коллежский асессор В.А. Лопатин. А на всю Нижегородскую губернию в те годы имелось пять ветеринарных врачей и одиннадцать фельдшеров. В среднем по России на одного ветеринарного врача приходилось в земских губерниях 65 тысяч голов крупного рогатого скота.

Из истории развития ветеринарной медицины в России известно, что часто повторяющиеся вспышки инфекционных заболеваний тормозили развитие

отечественного животноводства. Чума рогатого скота, сибирская язва наносили огромный ущерб сельскому хозяйству, крестьянству России. Очень верно определил роль и место ветеринарного врача в обществе академик И.П. Павлов. Иван Петрович писал: «Врач лечит человека, а ветеринар – человечество».

«...Ценою огромного труда и массы лишений наши предшественники побороли чуму в Европейской России, киргизских степях и Западной Сибири. Бесправные и полуголодные ветеринары сделали населению и государству подарок, оцениваемый десятками миллионов рублей, и обезопасили развитие скотоводства», – писал исследователь истории отечественной ветеринарии В.М. Коропов. Одним из таких ветеринарных врачей был и С.А. Барт. В 1887 году Министерство внутренних дел перевело Сергея Александровича из Нижнего Новгорода в Ставропольскую губернию, которую в 1873 году охватила чума и с нею не могли справиться в течение десяти лет. Приезд С.А. Барта в Ставропольскую губернию совпал с решительным наступлением на чуму, которое началось в январе 1887 года после введения в действие Закона Российской империи от 3 июня 1879 года «Об убивании зачумленных животных». Царское правительство было обеспокоено вспышкой чумы на юге России и принимало все меры для пресечения распространения инфекции. Из Санкт-Петербурга в Тифлис, а из Тифлиса в Ставрополь шли обращения о необходимости «безотлагательного составления проекта постановлений мер по полной ликвидации чумы».

Вместе с С.А. Бартом в губернии работали еще восемь врачей, командированных департаментом медицины Министерства внутренних дел. По их предложению на административной границе Ставропольской губернии с Астраханской губернией

были установлены ветеринарные пункты для осмотра животных. В селе Величавом, севернее которого проходил скотопрогонный тракт между двумя губерниями, был открыт ветеринарный пункт. С.А. Барт был назначен его пунктовым врачом. Работы было много. С утра и до позднего вечера Сергей Александрович был занят осмотром скота, выявлением заболевших животных, составлением актов, выдачей денежных компенсаций, отсылкой отчетов о проделанной работе...

В том же 1887 году в семье ветеринарного врача С.А. Барта родился мальчик, которому дали имя Виктор – «победитель». Имя для сына Сергей Александрович выбрал не случайно: верил, что выйдет победителем в борьбе с эпидемией. О детских годах Виктора Барта известно мало. В селе Величавом насчитывалось триста тридцать дворов, и в них проживало чуть более тысячи человек. Семьи, как правило, многодетные. Местное население занималось хлебопашеством и скотоводством, виноделием и овощеводством, садоводством и вязанием изделий из козьего пуха. Жители села разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и свиней. В поле сеяли пшеницу, рожь, просо. На огородах выращивали лук, капусту, свеклу, помидоры, картофель, арбузы, дыни. Село страдало от засух и восточных ветров, поэтому урожаи были невелики. Из общественных зданий в селе – волостное управление, церковь да четыре запасных общественных амбара для хранения озимого и ярового зерна. В селе насчитывалось двенадцать торговых лавок: в них продавали мануфактуру, бакалейные и мелочные товары; два питьевых дома да два ренсковых погребка.

К приезду С.А. Барта в Величавое в нем не было даже земской школы с начальным курсом обучения. Поэтому первым азам знаний Виктора учили его ро-

дители. Он рано научился читать, писать. Через четыре года после рождения Виктора в селе открыли одноклассное училище с четырехгодичным сроком обучения. Постройка училища обошлась земству в 3500 рублей. Родители Виктора, несмотря на свое более высокое социальное положение, определили сына на учебу в это училище, в котором учились дети всех сословий, проживавших в селе. Виктор изучал русский язык, родную литературу, арифметику, Закон Божий, учился чистописанию. Он переходил из класса в класс, делая успехи в учебе. Но любимым занятием мальчика было рисование. Виктор проучился в училище села Величавое три важных года.

В 1898 году его отец Сергей Александрович получил новое назначение, на этот раз в Сумы, Сумской уезд Харьковской губернии, на должность ветеринарного врача в 28-й драгунский Новгородский полк. В следующем году семья переехала в Сумы. Здесь Виктор поступил в Сумское реальное училище, готовившее молодых людей к поступлению в технические вузы. Но зачастую его выпускники продолжали образование в вузах другого направления. Среди известных выпускников этого училища чаще всего вспоминают пианиста и композитора Георгия Линтварева, геолога Николая Свитальского, художника-авангардиста Виктора Барта, который успешно окончил его в 1906 году. В том же 1906 году девятнадцатилетний Барт уехал в Москву и поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Он учился на отделении живописи. В Училище живописи, ваяния и зодчества, как вспоминал Барт, сохранялись старые, заведенные еще в прошлом столетии порядки. Но в ученической среде уже давали себя знать новые веяния, шли горячие споры. Эстетское искусство было чуждо молодым художникам. Московские обыватели, разбогатевшие лавочники,

отстроившие аристократические особняки и желавшие приобщиться к изящному, заказывали модным художникам портреты светских львиц в бриллиантах, букетики в круглых золотых рамках, дачные пейзажики, русалок и нимф, которыми пестрели многочисленные выставки. Обычно они открывались зимой, на рождественские праздники. Все это было ненавистно передовой художественной молодежи Москвы. Неприемлемы были для нее и раздражительные картинки, на которых с дотошной подробностью изображались сцены из народного быта. Картины, лишённые выразительности, назойливые своей слащавой примитивной поучительностью, вызывали у молодых художников отвращение.

В начале XX века в России появилось одно из течений, взявшее начало от модернизма и получившее название «русский авангард». Дословно звучит как *avant* – «впереди» и *garde* – «охрана», но со временем перевод прошел так называемую модернизацию и зазвучал как «передовой отряд». По сути, основоположниками этого течения стали французские художники-авангардисты XIX века, которые пропагандировали отрицание каких-либо устоев, являющихся базовыми для всех времён существования искусства. Основной целью художников-авангардистов являлось отрицание традиций и неписаных законов художественного мастерства.

В училище Барт познакомился с Михаилом Ларионовым. Вокруг него группировался определенный круг художников, которому хотелось разрушить созданный искусством прошлых лет «красивенький фальшивый мир». В этот круг входили Наталия Гончарова, правнучатая племянница Натальи Николаевны, жены Пушкина, Давид Бурлюк и Владимир Маяковский.

Барт знал: Бурлюк – художник-«кубист», он из тех, кто изображает мир как «сцепление кругов и

треугольников, кубов и цилиндров». Слышал он и о скандальном успехе организованной Бурлюком в Петербурге выставки картин под названием «Бубновый валет». До училища доходили слухи о распрях и шумных дискуссиях между «бубновалетчиками» и другой группой «левых» художников, выступивших под вызывающим названием «Ослиный хвост». В журналах Барт читал издевательские фельетоны, видел пародии на картины «левых».

От своих воинственно настроенных друзей Барта отличали «классические симпатии», которые, как отмечал один из критиков, считались почти «преступными» в среде молодых художников в то кипучее время. Но Барта влекло к этим молодым художникам желание немедленно «делать настоящее искусство», выставлять свои картины, участвовать в литературных вечерах, дискутировать о «новом искусстве».

Познакомившись еще в Москве с Ларионовым, Гончаровой, Бурлюком и Маяковским, Барт примкнул к «левым» направлениям русского искусства 1910-х годов, и довольно часто встречался с ними в знаменитой «Башне» – коллективной мастерской молодых художников. Натуру здесь ставили сами художники.

В декабре 1910 – январе 1911 года Барт участвовал в выставке, организованной художественной группировкой «Бубновый валет, открывшейся в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. На выставке экспонировали свои работы Н. Гончарова, П. Кончаловский, А. Куприн, М. Ларионов, И. Машков, Р. Фальк – участники выставки «Золотое руно», братья В. Бурлюк и Д. Бурлюк, А. Лентулов, А. Экстер – художники группы «Венок-Стефанос», В. Кандинский, М. Веревкина, А. Явленский – из группы «Новое мюнхенское объединение художников». В выставке

приняли участие и московские художники, тяготевшие к «новой» живописи, но не состоявшие ни в одной из авангардных группировок. Среди них были В. Барт, К. Малевич, А. Моргунов...

Барт представил на выставке набросок «Мальчик и дискобол», иллюстрации к «Повестям Белкина» А.С. Пушкина, эскиз «Распятые»... Это была его первая выставка.

Выставка «Бубновый валет» ошеломила Москву и москвичей. По свидетельству очевидца, это был: «Какой-то самум искривленных тел, перекошенных лиц, издевательства в красках, то необузданно смелых, то удручающих своей однотонностью. Невиданные пейзажи, невозможные ракурсы, подхлестнутое желание считаться с рисунком. Безмолвный дом умалишенных. Конвульсия свихнувшейся мысли. Застывший в красках крик ужаса. Передернутый бешенством рот... Публика отплевывалась. Печать обрушилась с беспощадностью. Если и был успех, то скандальный».

У Казимира Малевича было другое мнение о выставке: «Самая сильная по своему живописному духу молодежь соединилась под флагом «Бубнового Валета», видя в нем мир как живопись, как цвет. Кто помнит эту выставку, тот не должен забыть впечатление. Многие из зрителей были поражены настолько, что живопись лишала их опоры. Цвет поражал, зажигая мозг, который привык к тихой монотонной живописи «передвижников»».

О том, какой след оставило в русском искусстве объединение «Бубновый валет», можно судить по такому факту: в его выставках с 1910 по 1917 годы участвовали свыше ста художников, имена которых сегодня знает весь мир. Вот только некоторые из этого списка: Н. Гончарова, Д. Бурлюк, В. Кандинский, М. Ларионов, К. Малевич, Г. Матисс, П. Пикассо, Р. Фальк, М. Шагал...

О Наталье Гончаровой, к примеру, сегодня пишут, что среди художников-женщин у ее картин на мировых аукционах самая высокая стоимость. Так, 18 июня 2007 года на вечерних торгах аукциона «Кристис» в Лондоне ее работа «Сбор яблок» (1909) была продана с аукциона за 4 миллиона 948 тысяч фунтов стерлингов (почти 10 миллионов долларов США). А 2 февраля 2010 года на том же аукционе «Кристис» в Лондоне картина Гончаровой «Испанка» (1916) была продана за 6 миллионов 425 тысяч 250 фунтов стерлингов (10 миллионов 216 тысяч 148 долларов США).

В 1911 году Барта исключили из Училища, как он сам писал в «Автобиографии», «за отрицание училищной догматики и дисциплины». По другим сведениям, Барта выпустили из Училища со званием классного художника (учителя рисования).

В том же 1911 году Барт покинул Москву, переехал в Санкт-Петербург и поступил в Высшее художественное училище при Академии художеств, занимался в классе, который вел профессор живописи Я. Ф. Ционглинский. Вместе с Бартом в эти годы учился будущий профессор Московского художественного института имени В.И. Сурикова Петр Покаржевский, который вспоминал, как однажды, рассматривая рисунок Виктора, схематично выполненный, но условно яркими красками, Ционглинский сказал: «Что вы так бросаетесь яркими красками? Драгоценности надо беречь, если алмаз бросите в грудку драгоценных камней, вы его не найдете, а на дороге вы его сразу увидите».

С 1911 года Барт – член петербургского художественного объединения «Союз молодежи». В 1912 году Барт вошел в отколовшуюся от «Бубнового валета» группировку «Ослиный хвост». Вместе с Ларионовым, Гончаровой, Шевченко, Малевичем,

Татлиным, Шагалом и другими членами «Союза молодежи» Виктор Сергеевич участвовал в его программных выставках «Ослиный хвост» (1912) и «Мишель» (1913).

25-летний художник представил на выставке «Ослиный хвост» 23 работы. Среди них – «Четыре поучительных картинки на слова, взятые из «Опытов» Монтеня». Молодого художника привлекли «Опыты» французского писателя и философа эпохи Возрождения Мишеля Монтеня, которые он создавал как вольное собрание своих наблюдений, размышлений, сочинений. Посетители выставки обратили внимание на представленные Бартом иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина, Ф.К. Сологуба.

На выставке «Мишель», а она объединила под знаменем «неопрIMITивизма» художников, вышедших из «Бубнового валета», который, как писала искусствовед Е. Древина, «они обвиняли в излишней приверженности французскому искусству», Барт представил десять работ. Среди них – «Женщина с башнями», «Барабанщик», «Танцовщица», «Аquareль», «Рисунок с мертвой натуры»... Позднее Алексей Кручёных в стихотворении «Встречи с художниками» вспомнил выпускников «Школы Живописи, Ваяния и Зодчества», посвятив несколько строк Виктору Барту и его однокашникам:

Виктор Барт – к вершине башни
поднявшийся на «Облаке в штанах» –
и в то же время – пушкинист, парижанин,
отчаянный шахматист
молнийного наброска суровый мастер
еще с 12-го года,
Тогда уже я часто встречался с ним,
злющим карикатуристом,
в Школе Живописи, Ваяния и Зодчества,

в знаменитом доме – Кировская, 21 –
где учились, резвись, Маяковский и Бурлюк,
где жил и трудился Предземшара Велимир
и позже – сестра его – художница Вера.
Жил и работал во всю ширь Коля Асеев,
мечтал о летающем люде Татлин,
преданный деревьям Фаворский.
Провел детство и юность сын профессора
Борис Пастернак.

В этом восьмизарусном доме, в моем подъезде,
где сейчас бурлит и гремит,
как только что пойманный тигр,
композитор Шостакович,
сколько досок надо вбить на фасаде,
одна другой легендарней,
одна другой памятной.

В произведениях 1911–1916 годов Барт стремился, как отмечали его современники, «объединить стилистику неопрIMITивизма и тяготение к формам классического европейского искусства». В эти годы Виктор Сергеевич активно сотрудничал с журналом «Млечный путь». В 1914 году опубликовал в этом журнале искусствоведческую статью «Теория композиции в живописи». В этой статье художник писал: «Стоя одиноко вне противоречивых теорий современных увлечений, в произведениях великих мастеров древности, изучением и размышлением над ними, рядом своих ошибок, нашел я идеи, заложенные в основании живописи».

Как развивалось бы творчество Барта в России дальше, сказать сложно. Началась Первая мировая война, в которую в 1914 году было втянуто сразу двенадцать стран. Барта мобилизовали в армию, сначала в офицерскую школу, а затем в чине прапорщика зачислили в Русский экспедицион-

ный корпус. В составе одной из бригад Барт оказался в Салониках, воевал на Восточном фронте (Балканы).

Русские войска за границей, как вспоминал Барт, подчинялись непосредственно французскому командованию. После Февральской революции в России солдаты отказывались воевать и требовали отправки на родину. Среди русских солдат начались волнения. Бунт был подавлен с помощью артиллерии. По распоряжению французского правительства из русских солдат сформировали рабочие батальоны. Отказавшихся сослали в Африку на каторжные работы. В общей сложности в Алжире оказались около девяти тысяч русских солдат и пятьдесят младших офицеров. Среди них был и Виктор Барт. Он был арестован за отказ воевать после заключения Россией сепаратного мира с Германией и сослан в Алжир.

По воспоминаниям репатриантов, в Алжире русских солдат разделили на «трудовые роты» (отряды, команды) и расселили в разных населенных пунктах. Алжир, Оран, Константина, Бон, Блида, Бискра, Богар, Сук-Ахрас, Мостаганем, Лагуат, Монтаньяк, Тебесса, Афревилль – всего насчитывалось около ста алжирских городов и населенных пунктов, где на положении каторжников находились русские солдаты. Жили они в бараках, обнесенных колючей проволокой. Ходили строем. Выполняли тяжелейшую работу: в городах солдаты работали в мастерских, на стройках, морских причалах, заводах, угольных шахтах, свинцовых рудниках и железной дороге; в селах их использовали на фермах, опрыскивании виноградников, земляных работах, заготовке дров. Питание было скверным. Климат Северной Африки был суровым, а «медицинская помощь» издевательской. Плюс глумление, побои, жестокие наказания за

провинности. На два года каторжником стал и Виктор Барт.

В 1919 году, вспоминал Барт, его отправили на северо-запад Франции, в Лаваль, где была сформирована русская база. За отказ следовать в армию Деникина Барта уволили из армии и после стольких лет мытарств он наконец-то обрел свободу.

Барт поселился в Париже, в Латинском квартале, жил в одном доме со своими старыми друзьями М. Ларионовым и Н. Гончаровой по адресу: улица Сены, 43. По воспоминаниям современников, художник работал интенсивно и плодотворно, словно наверстывал упущенное время. 3 июня 1921 года в Париже открылась выставка «Сотня с Парнаса». Организованная русским художником, публицистом, критиком и переводчиком Сергеем Ромовым и французским художником Огюстом Клерже выставка была продолжением выставки «47 художников», состоявшейся в кафе «Le Parnasse» в апреле того же года.

В выставке приняли участие сто художников и скульпторов. Среди них семнадцать художников из России. После долгого перерыва посетители увидели новые работы Виктора Барта.

В Париже Барт познакомился с Пабло Пикассо, который тоже увлекался классикой. И это, как вспоминал Ларионов, сблизило двух столь разных художников. Барт считал за честь выставлять свои работы с Пикассо.

«Первая мастерская, в которую нужно пойти в Париже, это, конечно, мастерская Пикассо, – писал Владимир Маяковский, посетивший Париж в 1922 году. – Это самый большой живописец и по своему размаху, и по значению, которое он имеет в мировой живописи».

Затем мастерская Делонэ, о котором Маяковский писал, что он «весь противоположность Пикас-

со», мастерская художника Леже, который произвел на поэта «самое большое, самое приятное впечатление». И, наконец, мастерские русских Гончаровой, Ларионова, Барта.

«В лавках купцов Парижа, – писал Маяковский, – вы не найдете картин Гончаровой или Ларионова. Зато на заграничных выставках, при свободной конкуренции, в Америке, в Испании или в Голландии – сразу бросается в глаза непохожесть этих русских, их особенный стиль, их исключительная расцветка...»

О встрече с Бартом Маяковский писал с щемящей болью в сердце: «Он голоден. Ни один купец никогда не будет носиться с его картинами». Барт, работы которого поэт знал еще до войны, по его мнению, человек, безусловно, серьезный, с большим талантом. В семидневном смотре французской живописи Маяковский повидал много работ, но картины Барта ему показались намного интереснее по сравнению с любым французом.

В тот день Барт поведал Маяковскому «грустную повесть о том, как он был единственным офицером, не согласившимся после Октября с культурной манерой французов хоронить не желающих идти против революционной России в африканских ямах». Глядя на Барта, на его худобу, нервное подергивание всем телом, Маяковский впервые высказал мысль о том, что этот художник вернется в Россию, потому что «русским без энергии Париж – крышка». Но пройдет еще долгих четырнадцать лет, прежде чем Барт примет решение о возвращении в Советский Союз.

В двадцатые – тридцатые годы Барт продолжал жить и работать во Франции. Многие русские художники обосновались в Париже еще до войны. В Париже Виктор Барт сблизился с представителями левого крыла русской эмиграции, которые с симпатией

относились к Советской России, проявляли интерес к советскому искусству, советской литературе.

«В 20-е годы русские художники Парижа, – писал В. Барт в автобиографии, – разделились на 2 группы: на просоветских, группировавшихся около журнала «Удар», и бело-эмигрантских...»

В 1922–1923 годах статьи Барта печатали в журнале «Удар» (издавался в Париже, вышло четыре номера), с которым сотрудничали Илья Эренбург, Анатолий Луначарский. Журнал был задуман критиком и публицистом Сергеем Ромовым для объединения художников и писателей – выходцев из России. Журнал, как отмечают современные критики, «открыто демонстрировал лояльное отношение к советской России и негативное, часто ироничное отношение к литературной эмиграции». Такую позицию журнала в значительной степени определяли Сергей Ромов и Виктор Барт.

В журнале «Удар» печаталась реклама органа московской художественной группы «Маковец», с которой предполагался обмен статьями и репродукциями. Виктор Барт числился среди постоянных сотрудников журнала, и как автор статей, и как художник черно-белых репродукций. В 1922 году журнал «Удар» опубликовал несколько программных статей Виктора Барта «Существует ли русская живопись?» (№ 1) и «Относительность живописных решений» (№ 3). Художник участвовал в благотворительных акциях, проводимых ее редакцией. Одной из таких форм стали «Чествования поэтов»: устроенный 24 ноября 1922 года обед в честь приехавшего в Париж Владимира Маяковского, вечера поэтов Ильи Зданевича, Бориса Божнева, Александра Кусикова... Барта можно было видеть на костюмированных балах, постановке пьесы румынского и французского поэта Тристана Тцара «Воздушное сердце», на одноднев-

ной выставке эскизов и макетов декораций московского Камерного театра, гастролировавшего в Париже (кафе «La Closerie des Lilas»), организаторами которых выступали сотрудники журнала «Удар» и литературно-художественная группа «Через», в которую входил и художник-авангардист Виктор Барт. Здесь Барт зачастую выступал как художник-оформитель.

В эти же годы Барт создал графическую серию работ по мотивам древнерусской живописи, заочно вступил в Московский Союз художников и поэтов «Искусство – жизнь», опубликовал свои рисунки в московском журнале «Маковец» (1922, № 1 и 2), участвовал в его первой выставке. Между делом оформил обложку стихов поэта-эмигранта Александра Гингера «Преданность» (1925). Барт – участник выставок русских художников в галерее Лондона: Whitechapel (1921), в галереях Парижа: La Licorne (1923), T. Carmine (1924), M. Henry (1925), A. Manteau (1928), Zak (1929). В 1935 в Праге открылась выставка русской живописи, на которой были представлены и работы Виктора Барта. Значительным событием в жизни русского художника-авангардиста стало его участие в выставках парижских салонов: Независимых (192, 1925, 1926), Осеннего (1928) и Тюильри (1930). Были и персональные выставки произведений Виктора Барта: одна в галерее на улице Bonaparte (1921), другая на улице Dilevsky (1931).

Шире стало сотрудничество Виктора Барта с русскими и французскими журналами. Его работы публиковали известные французские издания тех лет «Clarté» («Кларте»; 1922–1925), литературный журнал «Le Monde» («Монд»; 1928–1935). Оба издания, основанные французским писателем Анри Барбюсом, печатались в Париже. Он же был и главным редактором этих изданий.

Среди художников журнала «Clarté» («Кларте») было несколько выходцев из России: Серж Фотинский, Осип Цадкин, Жан Лебедев, Натан Альтман, Дм. Митрохин, Виктор Барт, Айзик Федер, Хана Орлова... Об уровне журнала можно судить по такому факту: на страницах издания постоянно появлялись рисунки таких художников, как Пикассо, Матисс, Фужита, Люрса, Лот, Мазерель. Барт напечатал в «Clarté» («Кларте») целую серию литографий.

В 1928–1935 годах Виктор Барт печатал свои графические работы в новом барбюсовском международном журнале «Le Monde» («Монд»). Графика этого журнала, по оценке искусствоведов, блистательна. Один только перечень имен художников завораживает: Матисс, Пикассо, Леже, Шагал, Ривера, Синьяк, Дерен, Дюфи, Марке, Гросс, Жанн Эффель... И вот в таком блистательном ряду читатель видит имена и русских художников: Анненкова, Ларионова, Лебедева, Альтмана, так и приезжающих из СССР: Дейнеки, Редько, Глущенко, Кибрика... Виктор Барт не потерялся в этом искрометном перечне...

Барт сотрудничал с просоветским журналом «Наш Союз» (1926), издававшимся Союзом возвращения на Родину, газетой «Парижский вестник» (1925–1926).

Связей с Россией Барт тоже не терял. В эти же годы Барт создал графическую серию работ по мотивам древнерусской живописи, заочно вступил в Московский Союз художников и поэтов «Искусство – жизнь», опубликовал свои рисунки в московском журнале «Маковец» (1922, № 1 и 2), участвовал в его первой выставке, участвовал в 1-й и 2-й выставках Московского хранилища современных произведений. В 1925 году в Париже открылась Международная выставка. Для нее он оформлял павильон СССР. В 1927–1928 годах Ларионов и Барт скомплектова-

ли выставку «Современное французское искусство» в Москве. Художник прислал для нее три свои работы в русский отдел этой выставки. Выставка имела колоссальный успех для установления культурных связей Франции и СССР. Отсюда нередко в литературе встречаются аннотации, что Виктор Барт – французский художник.

Несмотря на столь обширную деятельность, по оценке искусствоведов, творчество Виктора Барта не получило признания во Франции. Но еще сложнее оказался путь к признанию творчества художника в Советском Союзе. В 1936 году Барт приехал в СССР, поселился в Москве, на Масловке – в городке художников. Занимался в основном книжной графикой. В 1937 году создал иллюстрации к детским книгам «Сказка о царе Салтане» А.С. Пушкина, «Мишкины соседи» З.Н. Александровой. В 1939 году вышла книга «Стихи» Н.А. Некрасова, в 1940 году – «Олеся» Я. Купалы, в 1948 году – детский календарь «Крулый год», все с иллюстрациями В. Барта.

В 1943–1948 годах Виктор Сергеевич работал над серией литографий «Москва в ее прошлом и настоящем». Но признания его работы не получили. Графическое творчество Виктора Сергеевича Барта советская критика характеризовала как «формалистическое» и «модернистское».

Последние годы жизни были самыми трудными: с 1951 года и до самой кончины, последовавшей 27 мая 1954 года, Виктор Сергеевич Барт занимался изготовлением учебных пособий. Художнику шел 68-й год.

Работы В.С. Барта хранятся в собрании Государственного музея В.В. Маяковского, Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (ГМИИ им. А.С. Пушкина), Костромского государ-

ственного объединенного художественного музея, Музея Виктории и Альберта в Лондоне.

Картины В.С. Барта имеются и в частных коллекциях. Нередко их обладатели передают работы художника в дар музеям, несмотря на их высокую стоимость. Так, по информации Отдела личных коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина, в дар Музею в 2016 году передано собрание графики русского авангарда 1910–1920-х годов известного литературоведа Р.В. Дуганова и его жены Н.С. Шентелевич. Коллекцию передали их наследники. Среди произведений станковая и книжная графика известных художников, в том числе и футуристические композиции В.С. Барта. К сожалению, работ В.С. Барта нет на его родном Ставрополье. Надеемся, что в будущем появятся биографические материалы о В.С. Барте в музеях и библиотеках сел Величаевского и Левокумского.

Прошло более ста лет с тех пор, как зрители впервые увидели работы Виктора Сергеевича Барта. Последний раз работы художника-авангардиста В.С. Барта представлялись широкой публике в 1974 году на выставке «Русский взгляд» в Гейдельберге (Германия).

Виктору Барту, как и ряду других художников XX века, и как самому «ставропольскому парижанину», принадлежит достойное место во Всеобщей истории искусств.

Подписано в печать 06.11.2018.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ № 318-2. Тираж 979 экз.
Дизайн и верстка: Климов А.В.
Корректор: Иванов В.Б.
Отпечатано в типографии «Фаворит»:
394036, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Трудовая, дом 50, кв. 10.
Тел.: 8-958-649-53-31.